РТ
40
Ф 53

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

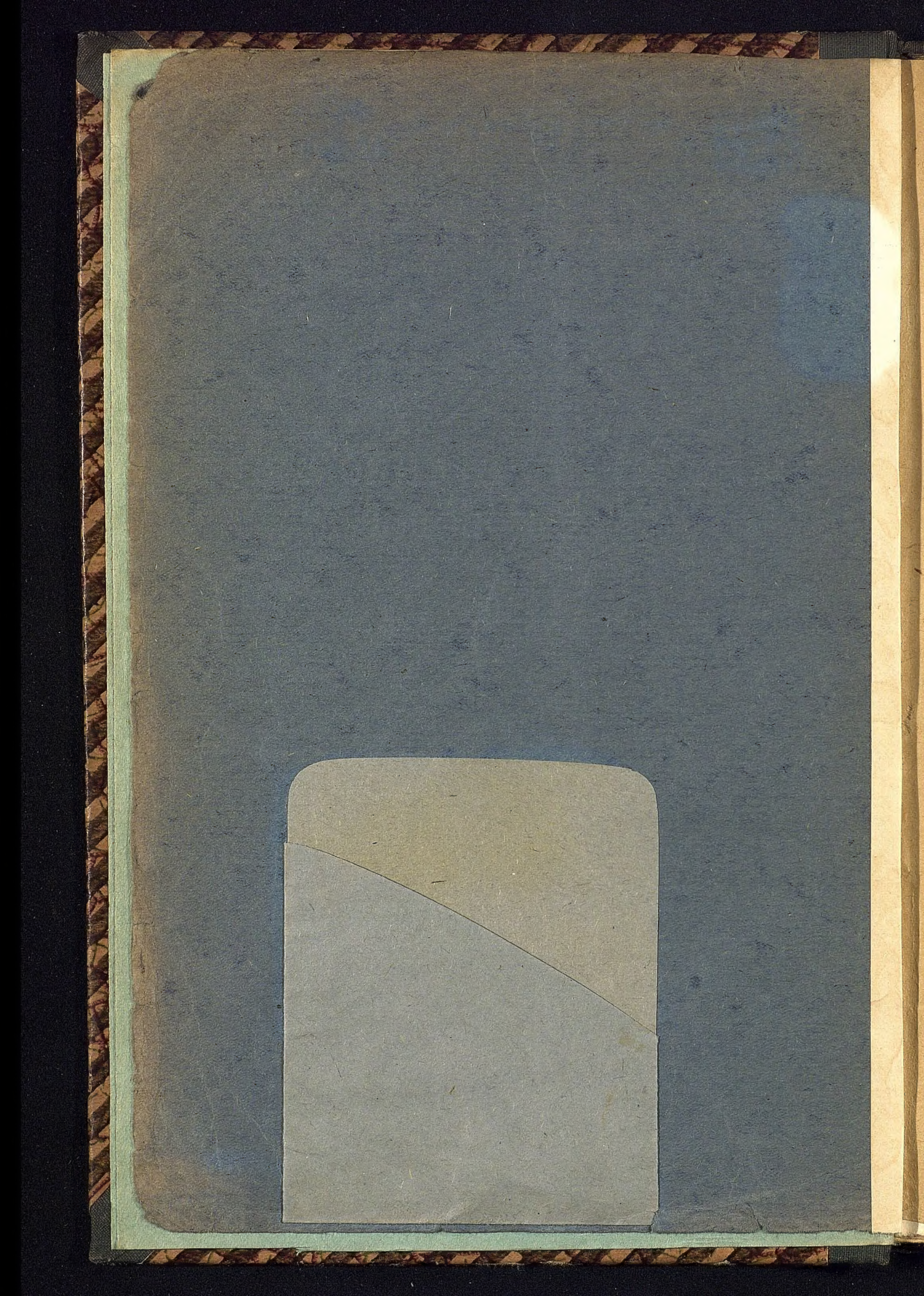
VI

Ф. П. ФИЛИН

ИССЛЕДОВАНИЕ О ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД



А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

VI

СЕРИЯ

SLAVICA

Под редакцией акад. Б. М. ЛЯПУНОВА

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Ф. П. ФИЛИН

ИССЛЕДОВАНИЕ О ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ

ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Январь 1936 г.
Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания академик И. И. Мещанинов

Технический редактор О. Давидович.—Ученый корректор О. Крючевская

Сдано в набор 26 октября 1935 г. — Подписано к печати 15 февраля 1936 г.

208 стр.
Формат бум. 72 × 110 см. — 13 печ. л. — 42210 тип. зн. в л. — 13.72 уч.-авт. л. — Тираж 2650
Ленгорлит № 5011. — АНИ № 845. — Заказ № 2745

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ПАМЯТИ

ОСНОВАТЕЛЯ НОВОГО УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ
НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА
МАРРА

ВВЕДЕНИЕ

Внимание русских диалектологов до сих пор было приковано главным образом к изучению фонетических и морфологических особенностей говоров, словарь же диалектов оставался вне их научного интереса.[1] Это положение уже неоднократно констатировалось в нашей диалектологической литературе, причем кое-кто из исследователей сознавал необходимость изучения словарных различий диалектов. Так, Е. Будде, приводя ряд слов типа *бороновать* и *скородить*, *котух* и *хлев*, *кочет* и *петух* и некоторые другие, которые он считал характерными для северно-великорусского и южно-великорусского наречий, давал робкое заключение: „Все приведенные выше слова наводят на мысль о возможной территориальной зависимости между этими однозначащими словами, но для распределения этих и подобных слов у нас еще очень мало оснований».[2]

Аналогичные попытки установить словарные отличия говоров имеются у Н. Н. Дурново, который предполагал даже посвятить этой проблеме специальную статью,[3] В. И Чернышева,[4] В. Ф. Чистякова,[5] С. А. Копорского,[6] Н. С. Шайжина[7] и некоторых других исследователей. Отметим здесь «Программу для собирания сведений» Московской диалектологической комиссии, особенно «Программу для собирания особенностей народных говоров» Академии Наук СССР,

---

1 Имеется в виду исследование лексики говоров в разрезе взаимоотношений диалектов, их истории. Местные слова или группы слов часто являлись объектами исследования, но рассматривались они совершенно в другом плане (этимологические изыскания, экскурсы в историю русского языка и т. д.).

2 См. Е. Будде. Об источниках изучения народных говоров и о диалектологических картах. РФВ, 1905, № 4, стр. 246—247.

3 «Описание говора д. Парфенок Рузского у. Московской губ.» РФВ, 1903, № 3—4, стр. 119, 123.

4 «Сведения о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов». Сб. ОРЯС, т. 75. 1904, стр. 9—31; «Говоры южной части бывшей Нижегородской губ. (Нижегородского или Горьковского края)». Lud słowian'ski, т. III, Kraków, 1933, и др.

5 «К лингвистическому атласу Кубанского округа», вып. I. Тр. Куб. пед. инст., т. I (IV), Краснодар, 1930.

6 «О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения)», Труды Ярославского педагогического института, т. II, вып. 3, Ярославль, 1929; автор ставит своей целью «выбрать слова, которые как-либо отличали данный говор от южных говоров», и приводит соответствующий материал.

7 «Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении», Петрозаводск, 1907.

где введены отделы для словаря и несколько десятков терминов, по предположению составителей «Программ» употребляемых в северно-великорусском или южно-великорусском наречиях. Детально разработаны вопросы по лексике в ряде программ С. А. Еремина.[1] — Интересны замечания о чрезвычайной синонимичности говоров В. Волоцкого,[2] который даже сделал попытку объяснить отдельные стороны этого явления. Попутно данная проблема затрагивается и в некоторых работах более позднего времени, например, в недавно вышедшей в свет брошюре П. Я. Черных.[3]

Из диалектологов раннего периода нельзя обойти вниманием статью В. И. Даля «О наречиях русского языка», в которой приводится несколько десятков терминов, по мнению автора составляющих словарные особенности некоторых наречий. Кроме этого, мне известно, что после Октябрьской революции некоторые диалектологи (С. А. Еремин и др.) довольно много занимались проблемою территориального распределения местной терминологии. Но результаты их работ еще не опубликованы. Сказанное выше относится к проблеме территориального распределения лексики. Что же касается других сторон исследования терминологии диалектов (семантические изменения слов в связи с общей историей говоров и др.), то в этой области сделано еще меньше.

Русская индоевропеистика в изучении словаря диалектов чрезвычайно отстала от западноевропейской, пожалуй, больше, чем в каких-либо других отраслях языкознания. Она застряла, примерно, на позициях западноевропейской лингвистики конца XIX в., когда и там, при абсолютном господстве младограмматических формул, внимание лингвистов было приковано к морфологии и, главным образом, к фонетике. В то время допускалось, что слова могут служить единственно лишь в качестве иллюстрации фонетических законов и морфологических изменений,[4] лексический материал диалектов собирался ради любопытства, в лучшем случае для объяснения «народной психологии» и этимологических исследований. Как реакция против младограмматических догм на Западе возникают различные направления лингвистической географии, которые вносят много нового в изучение диалектов и уделяют значительное внимание словарю, в особенности же школа Gilliéron'а во Франции, которая собственно и выросла на картах слов, о чем неоднократно заявляли сами ее последователи.[5] Одной из заслуг лингвистической географии является особое внимание, в отличие от

---

[1] «Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям», Л. 1926, «Программа по собиранию названий животных» и др.

[2] «Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора», Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 1902.

[3] «Русский язык в Сибири», М.—Иркутск, 1934.

[4] L. A. Terracher. L'Histoire des langues et la géographie linguistique, Oxford, 1929, стр. 13.

[5] См. напр.: Gamillscheg. Die Sprachgeographie und ihre Ergebnisse für die allgemeine Sprachwissenschaft, Bielefeld u. Leipzig, 1928, стр. 2. Особенно ярко это формулирует в вышецитированной книге Terracher: Le comparatisme lexicologique... est l'âme de la géographie linguistique, стр. 20.

других направлений индоевропеистики, к различиям между говорами, пространственным установлениям этих различий,[1] что разрушило представление о говорах как цельных организмах[2] и сильно поколебало одностороннее формальное понимание младограмматиками фонетического закона. Представители лингвистической географии создают «Atlas linguistique de la France», «Der Sprachatlas des Deutschen Reiches» и другие атласы, издают многочисленные сравнительные словари диалектов. Наконец, появляется уже обширная литература, посвященная исследованию лексики говоров.[3]

Русская индоевропеистика не прошла этот этап развития диалектологии, вследствие чего мы не имеем к настоящему времени ни картограмм, ни соответствующих исследований.

Излишне здесь говорить о крайней необходимости освещения истории русских говоров с лексикологической стороны, что позволило бы по-иному поставить и общую их историю и тесно связанную с этим проблему происхождения и развития русского языка в целом, уже в свете нового учения о языке.

Настоящее исследование является первой попыткой проложить пути в этом направлении. Автор осознает стоящие перед ним огромные трудности. У нас не имеется даже более или менее полного учета территориального распространения морфологических и фонетических явлений, вследствие чего группировка и пространственное определение различных говоров зачастую являются весьма спорными и смутными. Поэтому при попытке распределения лексического материала по говорам в ряде случаев опасно опираться на границы распространения говоров по фонетико-морфологическим особенностям, как они представлены в нашей литературе.[4]

Для облегчения своей задачи автор резко ограничил материал, остановившись лишь на сельскохозяйственной терминологии, преимущественно терминах сельскохозяйственных полевых работ. Самый же выбор обусловлен двумя причинами: 1) сельскохозяйственные термины, при специфических условиях развития русской деревни (пережитки общинного землевладения вплоть до коллективизации, чрезмерная техническая отсталость сельского хозяйства в дореволюционное время и пр.), сохранили в себе ряд исторических напластований в большей степени, чем другие отрасли словаря, что само по себе представляет большой научный интерес, и 2) разработка данной темы связана с моими занятиями по изучению терминов измерения в русском языке. О практической же актуальности темы не приходится и говорить. Приведу лишь один факт: во время моей командировки летом 1933 г. в Староладожский сельсовет (Ленин-

---

[1] Terracher, l. c., стр. 16; ср. также: Fr. Maurer. Volkssprache. Erlangen, 1933, стр. 71.

[2] A. Bach. Deutsche Mundartforschung, ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben, Heidelberg, 1934, стр. 7.

[3] Критика положений буржуазной диалектики будет даваться по ходу настоящего исследования.

[4] О понятии границ диалекта см. главу «Говор и его границы».

градской обл.) местные агрономы жаловались на трудности, которые создает для агрономической плановой работы в колхозах хаотическое состояние местной сельскохозяйственной терминологии, и высказывали пожелания о необходимости разумного ее упорядочения.

Теоретические исследования в этом направлении могли бы оказать весьма ценную услугу.[1]

В невероятном терминологическом хаосе, созданном социально-экономическими условиями минувших столетий, прослеживаются определенные закономерности, тесно связанные с общими закономерностями в развитии языка и мышления. Вскрываются различные типы терминов, возникшие на различных исторических ступенях. Такие слова, как *выть* — 'площадь земли', 'время работы' и пр., *орать* — 'пахать', *деревня* — 'пашня' и мн. др., по своему образованию наследие предшествующих эпох. Конечно, в современных говорах эти термины настолько переосмыслены, что древнее их происхождение выясняется, в большинстве случаев, лишь в лаборатории палеонтологического анализа. С исследованием этих слов мы входим в область иных способов словообразования, отличных от современных, в иную стадию мышления. Конечно, здесь многое еще неясно и проблематично, и выводы весьма далеки от четкости математических формул, поскольку остаются неясными многие стороны как социально-исторической жизни, так и мышления того времени. Новое учение о языке, в общем, дает правильную, единственно научную, подкрепляющую соответствующие взгляды классиков марксизма-ленинизма на данный вопрос, картину стадиальности развития языка и мышления, угадывает общественные отношения за намечаемыми ею языковыми стадиями, но многие детали вее же остаются даже и незатронутыми. Поэтому последователи нового учения о языке в своих палеонтологических исследованиях, не имея такой выдержки и таких знаний как Н. Я Марр, зачастую теряют под собою твердую историческую почву и ведут свое исследование от тотемистического диффузного мышления прямо к современности, не улавливая посредствующих звеньев.

Учитывая эту опасность, автор по необходимости ограничивает исторический размах своего исследования и вовсе не ставит своею задачей обстоятельное выяснение различных ступеней переосмысления вышеозначенного типа терминов, которое происходило до эпохи феодализма. Автор лишь выясняет общее в этих ступенях терминотворчества, resp. мышления, и подчеркивает, что ко времени образования русских говоров термины, «внутренняя форма» которых говорит о их создании по признаку принадлежности к коллективу, прошли уже долгий путь развития и дошли до феодального времени лишь в качестве пережитков. Другой многочисленный слой терминов ведет свое происхождение от более поздних (относительно) эпох с новым способом словообразования (преобладание видовых обозначений и недостаточность обобщающих родовых терминов). И эта стадия

---

[1] В промышленности работа по упорядочению терминологии уже ведется. Имеются печатные работы. См., напр., Лотте. Очередные задачи технической терминологии. Изв. ООН Акад. Наук СССР, 1931, № 7. Он же. Упорядочение технической терминологии. Соц. реконстр. и наука, вып. III, М., 1932.

словообразования, resp. мышления, имела несколько ступеней в своем развитии. Последняя ее ступень (уже исчезающая) доходит до крестьянских говоров эпохи феодализма, и в пережиточном виде наблюдается и в настоящее время, чем и объясняются некоторые стороны поразительной синонимичности и недостаточной развитости обобщающих терминов в сельскохозяйственной терминологии. Наконец, прослеживаются типы терминов, по своему образованию присущие уже современному русскому литературному языку, накоплявшиеся в говорах особенно интенсивно с проникновением капитализма в деревню, но бурное, невиданное в истории диалектов, распространение которых началось лишь после коллективизации сельского хозяйства.

Другой задачей исследования, тесно связанной с предыдущей, является попытка наметить территориальное распределение сельскохозяйственных терминов по русским говорам. Здесь также приходится опираться исключительно на сырой, совершенно не обработанный материал, распыленный по различным источникам. По времени своей записи материал этот относится, главным образом, к концу XIX и началу XX столетий. Автор имеет возможность лишь вчерне наметить районы распространения сельскохозяйственных терминов, поскольку для выполнения такой задачи еще не собрано достаточного количества фактов.[1] Трудности усугубляются еще и тем, что почти весь материал собирался лицами, в подавляющем своем большинстве далекими от лингвистики, которые не стремились к точной записи и почти вовсе не записывали термины в контексте, не говоря уже о полном отсутствии сведений о социальной принадлежности опрашиваемых собирателями лиц. К счастью, в лексических записях любителей оказалось значительно меньше погрешностей, чем в описаниях морфологических и фонетических особенностей, что и позволяет использовать весь этот материал без особого опасения стать жертвою грубых ошибок. Территориальное распределение сельскохозяйственной терминологии само по себе имело бы небольшую лингвистическую ценность, если бы оно не стояло в связи с территориальным распределением говоров вообще, а также с самою историею русских диалектов. В индоевропеистской литературе по этому поводу нет единого мнения. Представители школы Gilliéron'a отрицают реальность существования диалекта как определенной языковой единицы, также и наличие более или менее ощутимых диалектических границ. Для них «in Wirklichkeit hat jedes Wort seine besondere Geschichte».[2] Более близко к действительности стоят представители другой точки зрения, по которой истории слов связаны друг с другом и с другими сторонами языка и границы распространения различных языковых явлений (в том числе и терминов) совпадают, образуя отдельные «Kernlandschaften» с центрами и перифериями, хотя эти совпадения нельзя понимать в математическом смысле с точностью до одной десятой километра.[3] Во

---

[1] Точные выводы можно будет сделать лишь после создания диалектологического атласа русского языка, работа над которым развертывается в Институте Языка и Мышления Академии Наук СССР.

[2] Karl Iaberg. Sprachgeographie, Aarau, 1908, стр. 6.

[3] Главным образом, представители немецкой школы диалект.-географии.

всяком случае, говор, несмотря на всю относительность его границ, является реальной единицей, а границы распространения сельскохозяйственных терминов, как то показывают наши материалы, в основном имеют тяготение к границам отдельных говоров и наречий (имеются в виду местные термины). Это имеет большое теоретическое значение, так как автор после сравнительно-исторического анализа типов сельскохозяйственной терминологии и их распределения по говорам приходит к выводу: чем дальше в глубь истории, чем древнее типы терминов по своей семантической структуре, тем больше возрастает их территориальная раздробленность, их структурные различия, resp., раздробленность и различия русских говоров.

Это должно бросить новый свет на происхождение русского языка и способствовать построению действительной его истории, помимо фикции «праязыка». Конечно, опровержение гипотезы славянского «праязыка» не входит в задачу автора хотя бы по той простой причине, что нечего опровергать опровергнутое: новое учение о языке в достаточной степени показало полную несостоятельность этой гипотезы. Исследователям конкретных языков нужно исходить из данного факта (чтобы итти в уровень с современной наукой), как окончательно установленного, и уже на основании этого вносить свою лепту в построение реальной истории языка.

Н. Я. Марр писал: «пагубное влияние этой теории (праязыка. *Ф. Ф.*) дает себя знать во всяких лингвистических работах, она запутывает не только общие вопросы, но и так называемые диалектологические исследования: к изучению диалектов приступают с предвзятой идеей, лучше было бы сказать — с навязчивой идеей рассматривать всякое различие в говорах страны как последующее изменение предполагаемого первоначального типа, как отклонение от него».[1]

Последняя задача исследования — выяснение процессов словотворчества в сельскохозяйственной терминологии современной деревни. В связи с коллективизацией и механизацией сельского хозяйства появилось огромное множество новых терминов, берущих свое начало из литературного агрономического языка. Но было бы ошибочным рассматривать этот процесс распространения литературно-агрономических терминов как пассивное восприятие их колхозными массами. Наблюдается довольно активный обратный процесс — влияние переосмысленной на местах терминологии на литературный язык. Широкой волной проникают и старые местные термины в районные печатные газеты, не говоря уже о колхозных стенгазетах. Здесь, конечно, не все обстоит гладко, и перед нами встает проблема об упорядочении сельскохозяйственной терминологии.

Современное словотворчество деревни имеет общую тенденцию: отмирание терминов как местных явлений, причем оно совершается двояким путем: 1) местные термины (особенно термины измерения) вовсе исчезают из обихода; это исчезновение за последние 2—3 года идет чрезвычайно быстрыми тем-

---

[1] «Послесловие к «Яфетическому сборнику», т. III; Избранные работы, т. I, стр. 193.

пами; в данном случае исчезают не только термины, но и явления, ими обозначавшиеся; 2) местные термины или заменяются новыми или же приобретают мало-по-малу права «литературного гражданства».

На ряду со сближением литературно-агрономического языка и местной сельскохозяйственной лексики, в колхозной деревне возникает слой интернациональных слов, который быстро возрастает. Конечно, это еще не означает, что не наблюдается обратных процессов. Под влиянием пережиточных условий, как и при известной профессионализации сельскохозяйственного словаря, возникают новые местные слова. Но характер этих местных новообразований совершенно другой: их распространение ни в какой мере не связано со старыми диалектическими границами и вообще трудно поддается территориальному определению, так как одно и то же новое слово сразу возникает в различных местах. Это позволяет сделать вывод (пока относящийся только к сельскохозяйственной терминологии), что говоры в настоящее время вовсе не являются актуальной действующей силой в процессах словотворчества, а переходят окончательно в разряд пережитков, правда, еще весьма значительных.

Происходит также ломка старых семантических типов: описательность в обозначении процессов производства, обособленность называния, недостаток обобщающих терминов чрезвычайно интенсивно устраняются путем создания обобщающих слов, отглагольно-именных терминов и пр. и пр. Конечно, процесс перестройки сельскохозяйственной терминологии далеко еще не закончен, поэтому трудно охватить все явления, происходящие сейчас в этой области, а тем более найти им исчерпывающее теоретическое объяснение.

Наконец, перед автором встает проблема социальной дифференциации употребления сельскохозяйственных терминов в современной деревне (о более ранних периодах трудно что-либо сказать, так как, как было сказано выше, собиратели вовсе не отмечали социальную принадлежность опрашиваемых).

Такова в общих чертах проблематика настоящего исследования.

Каждая из трех частей данной работы не должна рассматриваться как нечто самостоятельное и объединенное лишь тематически, поскольку одна часть является необходимым дополнением и развитием другой.

В целях ограничения материала берется не вся территория распространения русских говоров: охватывается европейская часть РСФСР (исключая Дон и Северный Кавказ).

Исследование представляет собою диссертацию на степень кандидата общественных наук.

Автор выражает глубокую благодарность акад. И. И. Мещанинову, члену-корресп. Академии Наук СССР С. П. Обнорскому и члену-корресп. Академии Наук СССР В. И. Чернышеву за их советы и критические замечания, которыми он воспользовался при окончательной обработке настоящей диссертации.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Материалом для исследования послужили печатные и рукописные источники, а также личные наблюдения. В печатные источники входят полные и областные словари русского языка, различные диалектологические работы, в которых приводятся лексические данные. К рукописным источникам относятся:

1. Ответы на «Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Южно-великорусские говоры» 1909 г. (Московской диалектологической комиссии):[1]

1. И. Мерзляков, с. Шатово Лесков. вол. Короч. у. Курск. губ.,—№ 2
2. Гор. Малоархангельск Орл. губ. — № 3.
3. Дер. Щирино и Симоновское Холм. у. Псков. губ. — № 4.
4. Дер. Куземкино Касим. у. Рязан. губ. — № 5.
5. М. Крашенинников, д. Ветчане Касим. у. Рязан. губ. — № 6.
6. Ф. Тоньшин, с. Новоселки Рязан. у. и губ. — № 7.
7. Село Мордово Ягодновской вол. Сапожк. у. Рязан. губ.— № 9.
8. П. Пермяков, с. Морозовы Борки Сапожк. у. Рязан. губ. — № 11.
9. Село Терехово Спасск. у. Казан. губ. — № 13.
10. С. Казанский, г. Козлов Тамб. губ. — № 14.
11. М. Никитин, с. Тальцы Осташ. у. Тверск. губ. — № 16.
12. Село Зимницы Жиздр. у. Калуж. губ. — № 18.
13. П. Щепетев, сс. Поляны, Ермолово, Бараково и др. Скопин. у. Рязан. губ. — № 19.
14. Н. Хохлов, д. Дубровка Марьинской вол. Новоторж. у. Тверск. губ. — № 23.
15. Село Пичкиряевский Майдан Спасск. у. Тамб. губ. — № 24.
16. Село Бутчино Жиздр. у Калуж. губ. — № 25.
17. Село Бышковичи Мещов. у. Калуж. губ. — № 27.
18. Погост Благовещенский Новоторж. у. Тверск. губ. — № 32.

---

[1] В этот список помещены ответы, случайно данные на программу по северно-великорусскому наречию (начиная с № 109), в том порядке, в каком они опубликованы в выпуске 10 Трудов постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Названия поселений и административных делений даны в том виде, как они представлены в ответах. Время составления большинства ответов относится к 1909 — 1910 гг.

19. Село Селишня Ржев. у. Тверск. губ. — № 33.

20. Село Емельяново, Зиновьево и Мичково Старип. у. Тверск. губ. — № 34.

21. Дер. Козловка Жерелевской вол. Мосал. у. Калуж. губ. — № 36.

22. А. Соколов, с. Кипеть Козельск. у. Калуж. губ. — № 37.

23. Ельно Ровненской вол. Холм. у. Псков. губ. — № 40.

24. Деревни Кропотово и Реневка Ефрем. у. Тульск. губ. — № 41.

25. Деревни Ратча, Юдино, Курцево и др. Торопецкой вол. Холм. у. Псков. губ. — № 43.

26. Дер. Кремена Луж. у. Петерб. губ. — № 45.

27. Ст. Туголес Рязан. губ., 1912 — № 46.

28. Д. Ермолаев, д. Урово Большевской вол. Бельск. у. Смол. губ., 1912 — № 50.

29. А. Попов, с. Шовское Лебед. у. Тамб. губ., 1912 — № 51.

30. В. Воскресенский, с. Карники Богородицк. у. Тульск. губ. — № 55.

31. К. Нилов, с. Валахна Ксизовской вол. Задон. у. Ворон. губ. — № 58.

32. В. Григорьев, «Низовая линия» Уральск. обл. — № 60.

33. В. Куфаев, с. Роговатое-Погорелое Нижнедевицк. у. Ворон. губ. — № 65.

34. Агафонников, д. Пахомовская Филипповской вол. Вятск. у. и губ. — № 66.

35. С. Каменев, с. Дерюгино, Дмитр. у. Курск. губ. — № 69.

36. А. Владимирский, сс. Левоча и Минца Борович. у. Новгор. губ. — № 70.

37. Н. Палладин, с. Кирейково Уколицкой вол. Козельск. у. Калуж. губ. — № 71.

38. А. Титов, д. Утриково Парфеновской вол. Мосал. у. Калуж. губ. — № 72.

39. И. Гудков, с. Мосолово Малояросл. у. Калуж. губ. — 1926—1927, № 74[a].

40. А. Попов, сс. Грязцы, Нижний Кунач, Георгиевское и др. Ливен. у. Орл. губ. — № 75.

41. Н. Азбукин, с. Домнино Орл. у. и губ. — № 46.

42. В. Дубровский, с. Засечное Зубовской вол. Наровч. у. Пенз. губ. — № 79.

43. Г. Радимов, с. Токарево Михайл. у. Рязан. губ. — № 80.

44. А. Иерусалимов, с. Одоевщино Кутлово-Борковской вол. Сапожк. у. Рязан. губ. — № 82.

45. И. Серебров, с. Баловнево Данковск. у. Рязан. губ. — № 83.

46. М. Сеньковский, с. Нежода и дд. Кузино, Прасолово и др. Ивонинской вол. Ельнин. у. Смол. губ. — № 85.

47. В. Смирнов, с. Новоселебное Куракинской вол. Богородиц. у. Тульск. губ. — № 87.

48. П. Пестов, сс. Бакино, Шишкино и др. Лиховищской вол. Белев. у. Тульск. губ., 1915 — № 88[a].

49. К. Глаголев, с. Хмелевое Георгиевской вол. Ефрем. у. Тульск. губ. 1914 — № 89.

50. Поршнев, с. Белая Глазов. у. Вятск. губ. — № 97.

51. И. Богатов, д. Александровка Ковардицкой вол. Муромск. у. Владим. губ. — № 96.

52. А. Вечтомов, с. Мулино Маракулинской вол. Слобод. у. Вятск. губ. — № 99.

53. Н. Брынский, с. Чубарово и окрестные деревни Чубаровской вол. Боровск. у. Калуж. губ. — № 100.

54. В. Ефремов, Уколицкая, Веинская и Касьяновская вол. Козельск. у. Калуж. губ., 1914—1915 — № 101.

55. Г. Протопопов, с. Старая Таволжанка Щебекинской вол. Белгор. у. Курск. губ. — № 102[а].

56. В. Кудрявцев, с. Чирково Благовещенск. у. Пенз. губ., 1914—1915 — № 104.

57. Д. Жебровский, с. Литвиново Белов. у. Тульск. губ., 1916 — № 107.

58. Ю. Афремов, с. Борисовка Лебед. у. Тамб. губ., 1917 — № 108.

59. Д. Орлов, сс. Дряблово, Обухово, Романово и др. Медын. у. Калужск. губ. — № 110[а].

60. Деревни Марьинка и Пушкино Пушкинской вол. Медын. у. Калуж. губ., 1912 — № 111.

61. А. Зарецкий, с. Спасс при Угре Кумовской вол. Перемышльск. у. Калуж. губ. — № 112.

62. Д. Журавлев, с. Герасимово Шаблыкинской вол. Карач. у. Орл. губ., 1913 — № 113.

63. Е. Сергеев, с. Топки Верхососенской вол. Малоарх. у. Орл. губ., 1914 — № 114.

64. Д. Орлов, д. Карташовка Колпинской вол. Малоарх. у. Орл. губ., 1913 — № 115.

65. Б. Вуколов, сс. Луковец, Губкино и др. Малоарх. у. Орл. губ. — № 116[а].

66. Б. Вуколов, дд. Андреевка и Удерево, Малоарх. у. Орл. губ. — № 116[в].

67. И. Хряков, с. Архангельск-Вишневец Яковлевской вол. Орл. у. и губ., 1913 — № 117.

68. А. Володеев, д. Бордаковка Витичной вол. Севск. у. Орл. губ. 1913 — № 118[в].

69. А. Пехлецкий, с. Дурное-Никольское Прон. у. Рязан. губ. — № 120[а].

70. Село Желобовы Борки Сапожков. у. Рязан. губ., 1913 — № 122[а].

71. П. Пермяков с. Морозовы Борки Сапожк. у. Рязан. губ., 1912 — № 124[а].

72. Гор. Спасск Рязан. губ., 1912 — № 125[а].

73. Е. Муретов, с. Ирцы Спасск. у. Рязан. губ. — № 126.

74. Н. Титов, г. Вязьма и его окрестности — № 127.

75. Поспелов, с. Малый Студенец Ново-Березовск. вол. Шацк. у. Тамб. губ. — 128.

76. Деревни Новоселки и Чегодаево Яковлевской вол. Алексинск. у. Тульск. губ., 1912 — № 129.

2. Ответы на ту же программу для северно-великорусских и средне-великорусских говоров (1911) (Московской диалектологической комиссии):

1. Б. Шергин, г. Архангельск и вол. Заостровская, Кегостровская и Уемская, 1916 — № 1[а].

2. С. Томилов, с. Марьегорское Карпогорской вол. Арханг. у. и губ., 1927 — № 2[а].

3. М. Макаров, с. Устьвашка Лешуконской вол. Мезен. у. Арханг. губ. 1913 — № 3.

4. С. Клеваев, г. Пинега Арханг. губ. — № 5.

5. И. Чирков, Благовещенская вол. Шенск. у. Арханг. губ., 1912 — № 6.

6. Село Шеговары Предтеченской вол. Шенк. у. Арханг. губ., 1912 — № 7.

7. Н. Суханов, с. Ровдинское Шенк. у. Арханг. губ., 1912 — № 8.

8. П. Липин, д. Новинки-Абрамовы Александр. у. Владим. губ. 1912 — № 12.

9. А. Кумошенский, с. Лежнево Ковровск. у. Владим. губ. — № 14.

10. Е. Молев, д. Микшино Ковровск. у. Владим. губ. 1927 — № 15.

11. П. Васильев, Завалинская вол. Покров. у. Владим. губ. 1912— № 22.

12. Н. Рудницкая, г. Киржач Покров. у. Владим. губ., 1912 — № 23.

13. Н. Улупов, д. Копнино Покров. у. Владим. губ. — № 24.

14. Село Ивонино Судогодск. у. Владим. губ., № 1913 — № 28.

15. М. Беляков, г. Иваново-Вознесенск и окрестности, 1912 — № 30.

16. Ф. Заостровцев, Камкинская вол. Вельск. у. Волог. губ., 1912— № 31[а].

17. С. Суровцев, Окрестности Вологды — № 32.

18. В. Московинов, д. Бабик Высоковской вол. Волог. у. и губ., 1927 — № 33.

19. Деревни Артемово, Ваняково, Дор и др. Волог. у и губ., 1912 — № 36.

20. А. Лебедев, Волости по р. Онеге (Архангельская, Богдановская Каргопольская, Коневская и Троицкая) Каргоп. у. Олон. губ., 1926—1927— № 38.

21. Тотемский и Устюгский уу. Волог. губ., 1911 — № 39[а].

22. Н. Лебедев, Волог., Грязов., Кадник., Тотем. и Вельский уу. Волог. губ. — № 40[а].

23. Дер. Устье Страдной вол. Великоуст. у. Волог. губ., 1913 — № 41.

24. П. Шонников, д. Усть-Ивановская Великоустюг. у. Волог. губ., 1912 — № 42.

25. Я. Кузнецов, с. Легендское Никольск. у. Волог. губ. и сс. Пыщугское, Воздвиженское, Ветлуж. у. Костром. губ., 1912 — № 44.

26. Великосельская вол. Сольвыч. у. Волог. губ., 1912 — № 45.

27. М. Преловский, Гавриловская вол. Сольвыч. у. Волог. губ. 1912 — № 46.

28. Дер. Новодворская Мятлинской вол. Сольвыч. у. Волог. губ., 1912 — № 47.

29. М. Попов, д. Качем Нижнетотемской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. — № 48.

30. Н. Суровцев, с. Ягрышское Федьковской вол. Сольвыч. у. Волог. губ., 1912 — № 49а.

31. Дер. Анисимовская Черевковской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. — № 49б.

32. В. Лыткин, дд. Степановская и Ивановская Лоемской вол. Сысольск. у. Волог. губ., 1925 — № 50а.

33. Агафонников, д. Пахомовская Филипповской вол. Вятск. у. и губ., 1914 — № 51.

34. Поршнев, с. Белая Глазов. у. Вятск. губ. — № 52.

35. Село Верхний Юс Уватуклинской вол. Малмыж. у. Вятск. губ., 1911 — № 54.

36. Х. Чарушников, сс. Пышакское и Новинское Шараповской вол. Орл. у. Вятск. губ., 1913 — № 55.

37. А. Вечтомов, с. Мулино Маракулинской вол. Слобод. у. Вятск. губ. — № 56.

38. Мальчиков, с. Поджорново Сизеневской вол. Слобод. у. Вятск. губ., 1914 — № 57.

39. Н. Утробин, с. Суна Слобод. у. Вятск. губ., 1914 — № 58.

40. А. Крылов, Аньковская вол. Тейковск. у. Ив.-Возн. губ., 1927 — № 59.

41. М. Иванов, д. Щепетково Арбанской вол. Царевококш. у. Казан. губ., 1912 — № 64а.

42. И. Федоров, дд. Большое-Шигаково Большешигаковской вол. Царевококш. у. Казан. губ., 1912 — № 65.

43. Н. Торгаев, дд. Черемисские Кужеры Моркинской вол Царевококш. у. Казан. губ., 1912 — № 67.

44. Дер. Нуж-Ключ, Шиньшинской вол. Царевококш. у. Казан. губ., 1912 — № 74.

45. А. Иорданский, Яхнобольская вол. Галич. у. Костром. губ., 1927 — № 75.

46. Н. Самоуков, д. Черная Межевской вол. Кологрив. у. Костром. губ., 1927 — № 76.

47. Село Мисково Костром. у. и губ., 1913 — № 77.

48. Кудряшов, д. Твердино Шишкиной вол. Костром. у. и губ., 1927 — № 78.

49. Павлычев, Климовская, Левашевская и Челпановская вол. Костром. у. и губ., 1912 — № 79[а].

50. А. Жданов, с. Протасово Сараевской вол. Нерех. у. Костром. губ., 1912 — № 80.

51. М. Воейков, д. Клепинино Чухлом. вол. и у. Костром. губ., 1927 — № 82.

52. Село Никольское Середск. вол. Нерех. у. Костром. губ., 1912 — № 84.

53. И. Разумов, Родниковская вол. Юрьев. у. Костром. губ., 1912— № 86.

54. К. Пономарев, Варнавинская вол. и у. Костром. губ., 1912— № 86.

55. Сидоровская вол. Нерех. у. Костром. губ., 1928 — № 88.

56. П. Максимов, Бельско-Сяберская вол. Луж. у. Петерб. губ., 1912 — № 89.

57. Дер. Кремена Глебовской вол. Луж. у. Петерб. губ., 1912 — № 90.

58. А. Терехов, дд. Давыдово, Гора, Елизарово и Ляхово Запонорской вол. Богор. у. Моск. губ., 1912 — № 92.

59. Дер. Петровщина Путиловской вол. Шлиссельб. у. Петерб. губ. 1912 — № 91.

60. В. Галкина, с. Абрамово Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1912 — № 95.

61. В. Алексеевская, с. Арать Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1912— № 97.

62. Ф. Троицин, с. Холостой Майдан и дд. Засека, Завод, Ивановка, Гарской вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1912 — № 100.

63. Е. Волкова, с. Волчиха Мотовиловской вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1913 — № 101.

64. А. Орловский, с. Новый усад Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1912 — № 103.

65. Е. Новицкая, д. Ратманово Пановской вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1912 — № 104.

66. К. Чернышев, с. Линдо-Пустынь Кантауровской вол. Семен. у. Нижегор. губ., 1912 — № 111[а].

67. С. Редозубов, с. Хохлома Семен. у. Нижегор. губ., 1912 — № 113[а].

68. О. Соколова, д. Ивановка Покровской вол. Сергач. у. Нижегор. губ., 1924 — № 115[в].

69. П. Огарев, д. Семково Белозерской вол. и у. Новгор. губ., 1926— № 116.

70. Мышев, Семеновская вол. Белоз. у. Новгор. губ., 1912 — № 117.

71. А. Владимирский, сс. Левоча и Минца Борович. у. Новгор. губ., 1914 — № 118.

72. П. Троицкий, Васильевская, Мошенская и Устрекская вол. Борович. у. Новгор. губ., 1913 — № 119[а].

73. П. Богданов, д. Ивантеева Валд. у. Новгор. губ., 1912 — № 120.

74. Н. Ильменский, 31 деревня Велильской вол. Дем. у. Новгор. губ., 1912 — № 121.

75. Село Велье Дем. у. Новгор. губ., 1912 — № 122.

76. Деревни Огибалово, Куришевская, Олюшино и Устье Воскресенск. вол. Кирил. у. Новгор. губ., 1913 — № 123.

77. К. Левин, д. Мишутино Талицкой вол. Кирил. у. Новгор. губ., 1912 — № 124.

78. Ф. Чучин, с. Талицы, дд. Ожегово, Титово, Андреево Кирил. у. Новгор. губ., 1912 — № 125.

79. Ф. Чучин, дд. Займище, Верхоглядово и Окунево Кирил. у. Новгор. губ. — № 126.

80. П. Беляев, Зайцевская вол. Крестец. у. Новгор. губ., 1912 — № 127.

81. И. Привалов, с. Ракушины Рахинской вол. Крестец. у. Новгор. губ., 1912 — № 129.

82. В. Горбачев, г. Тихвин и окрестные деревни, 1912 — № 130[a].

83. Деревни Лазаревичи, Наволок, Заболотье, Липная Гора и др. Тихв. у. Новгор. губ., 1914 — № 131[a].

84. Б. Гольдман, д. Орлово Ольховской вол. Черепов. у. Новгор. губ. — № 132.

85. С. Исполатов, с. Кушт-Озеро Коштугской вол. Вытегор. у. Олон. губ., 1914 — № 134.

86. А. Булатов, с. Пудожская Гора Повен. у. Олон. губ., 1912 — № 135[a].

87. П. Николаев, с. Верхний Шкафт Городищ. у. Пенз. губ., 1914 — № 136[a].

88. А. Кайев, с. Казарка Нижнешкафтинской вол. Городищ. у. Пенз. губ., 1927 — № 137.

89. А. Кайев, с. Чирково Больше-Вьясской вол. Саран. у. Пенз. губ., 1927 — № 138.

90. В. Кудрявцев, с. Чирково Городищ. у. Пенз. губ., 1914—1915 — № 139.

91. В. Чукаловский, с. Коповка Керен. у. Пенз. губ., 1914—1915 — № 139.

92. Е. Котова, с. Селищи Введенской вол. Краснослоб. у. Пенз. губ., 1912 — № 143.

93. А. Софронов, с. Большой Вьясс Саран. у. Пенз. губ., 1914 — № 147.

94. Луканин, Нижне-салдинский завод Верхотур. у. Пермск. губ. 1914 — № 148.

95. Насонов, с. Щербаковское Камышл. у. Пермск. губ., 1914 — № 151.

96. В. Серебренников, с. Черновское Охан. у. Пермск. губ. — № 153[e].

97. Село Сретенское Пермск. у. и губ. — № 154.

98. И. Распутин, с. Мехонское Шадр. у. Пермск. губ., 1912 — № 157

99. А. Ратьковский, д. Федорово Бологовской вол. Великол. у. Псков. губ. — № 159.

100. К. Иеропольский, дд. Заборовье, Патриково, Пекуниха Загорской вол. Холм. у. Псков. губ., 1912 — № 160.

101. А. Мишаров, д. Степаново Гиблицкой вол. Касим. у. Рязан. губ. 1927 — № 161.

102. Н. Соколов, с. Николевка Никол. у. Самар. губ., 1912 — № 163.

103. М. Кузнецов, с. Брусяна Сызранск. у. Симб. губ., 1912 — № 175[а].

104. Е. Быханова, г. Кузнецк. Ср.-Волж. края, 1929 — № 177.

105. Ф. Клещин, д. Окуловка Верхне-Тотемск. района Сев.-Двин. губ., 1927 — № 178.

106. В. Успенский, с. Градницы Новской вол. Бежец. у. Тверск губ., — № 179.

107. С. Прудовская, с. Кузлово Есеновской вол. Вышневол. у. Тверск. губ., 1912 — № 182[а].

108. М. Лампсакова, с. Липенский Котлован Кузьминской вол. Вышневол. у. Тверск. губ., 1912 — № 183[а].

109. Норов, Нагорская вол. Каляз. у. Тверск. губ., 1912 — № 184[а].

110. И. Тетерин, д. Хорлово Прямухинской вол. Новоторж. у. Тверск. губ., 1912 — № 187.

111. Е. Горохова, с. Назорное и д. Никитское Ильинско-Хованской вол. Ростов. у. Яросл. губ., 1912 — № 190.

112. С. Успенский, с. Якимовское и Гологузово, Елизарово и др. Ростов. у. Яросл. губ. — № 191.

113. А. Виноградов, Малаховская вол. Кутаевск. у. Яросл. губ. — № 192[а].

114. С. Алексеев, дд. Борисов, Михалево, Иголево, Постбово Еремеевской вол. Яросл. у. и губ., 1912 — № 193.

115. Критский, с. Автодеево Ардатовской вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ., 1927 — № 200.

3. Ответы на «Программу для собирания особенностей народных говоров. 1. Северно-великорусское наречие»: 1896 г., то же «Южно-великорусское наречие», изд. Акад. Наук:

1. Горбунов, с. Романовское Алексеевской вол. Оренб. у. и губ. — № 5.

2. А. Мерцалов, с. Воронцово Яковлевской вол. Корч. у. Тверск. губ., 1900 — № 25.

3. Петровых, Устюж. у. Новгор. губ. — № 28.

4. Романовский, г. Олонец. Олон. губ. — № 29.

5. Село Муромля Петроз. у. Олон. губ. — № 30.

6. В. Чернышев, «Мещовский говор Калужск. губ.» — № 31.

7. Утесовское Алатыр. у. Симб. губ. — № 32.

8. Артемьев, с. Сигорицкое Остров. у. Псков. губ. — № 33.

9. Конгезеро, Великая Губа, Вырозеро Петроз. у. Олон. губ.; сс. Лады и Ивино Вытегор. у. Олон. губ. — № 34.

10. Красноперова, с. Красногорское Котельн. у. Вятск. губ. — № 35.

11. В. Лебедев, с. Раслово Грязов. у. Волог. губ. — № 36.

12. Село Черемисский Малмыж Малмыж. у. Вятск. губ. — № 38.

13. Н. Демидов, г. Самара и окрестные деревни — № 40.

14. Верюжский, с. Чекуево Онеж. у. Архан. губ. — № 41.

15. Шахова, Верходворское Орл. у. Вятск. губ. — № 42

16. Н. Покровский, с. Подольское Красносельской вол. Костром. губ. — № 44.

17. Белявский, погост Лукин Великол. у. Псков. губ. — № 45.

18. Кострова, с. Шараницкое Котельн. у. Вятск. губ. — № 46.

19. Село Мухино Слобод. у. Вятск. губ. — № 48.

20. Н. Покровский, с. Прилуп Онеж. у. Арханг. губ. — № 49.

21. Село Куростров Холмогор. у. Арханг. губ. — № 50.

22. М. Разумовская, с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. — № 52.

23. А. Косарева, с. Николаево-Березинское Слобод. у. Вятск. губ., 1897 — № 53.

24. В. Покровский, с. Торопатцы Холм. у. Псков. губ., 1897 — № 54.

25. Ласточкин, г. Галич Костром. губ., 1897 — № 55.

26. В. Лавинский, с. Ембулаты Буин. у. Симб. губ. — № 57.

27. А. Аристов, с. Ильинское Кологр. у. Костром. губ. — № 58.

28. С. Гудимович, с. Кугушерское Яран. у. Вятск. губ. — № 59.

29. Г. Иванов, с. Дубровка Зубцов. у. Тверск. губ. — № 60.

30. Село Халбуж Кологр. у. Костром. губ., 1897 — № 61.

31. Чухломский у. Костром. губ., 1897 — № 62.

32. Село Пышак Орл. у. Вятск. губ., 1897 — № 63.

33. А. Косарева, с. Полынки Слобод. у. Вятск. губ., 1897 — № 65.

34. Румянцев, д. Борок Семеновской вол. Кинеш. у. Костр. губ., 1897 — № 66.

35. Дьяконова, с. Соколовское Нолин. у. Вятск. губ. — № 68.

36. Ф. Костенко, с. Ивановское Льгов. у. Курск. губ., 1897 — № 76.

37. В. Сучков, с. Паньково Новосил. у. Тульск. губ., 1897 — № 77.

38. Черемхин, с. Васильково Мышк. у. Яросл. губ., 1897 — № 78.

39. К. Воробьева, с. Кизнерь Малыж. у. Вятск. губ., 1897 — № 79.

40. П. Плечев, с. Благовещенское Шенк. у. Арханг. губ., 1897 — № 80.

41. Глебин, г. Бронницы Моск. губ. и окрестные деревни, 1897 — № 81.

42. Костылев, Орловская вол. Волог. у. и губ., 1897 — № 82.

43. Попов, Предтеченская вол. Шенк. у. Арханг. губ., 1897 — № 83.

44. А. Ланков, д. Воронцово Яковлевской вол. Корч. у. Тверск. губ., 1900 — № 84[a].

45. В. Благовещенский, с. Куркино Ефрем. у. и сс. Долгино, Бородино, Головлино и др. Крапив. у. Тульск. губ., 1897 — № 85.

46. Преображенский, Новинская вол. Осташк. у. Тверск. губ. 1897 — № 84[a].

47. А. Флоринская, с. Першинское Шадр. у. Пермск. губ., 1897— № 86.

48. Пермская губ., 1897 — № 89.

49. С. Веселицкий, с. Богородское Казан. у. и губ., 1897 — № 92.

50. В. Певницкий, г. Муром и окрестные деревни Владим. губ., 1897 — № 93.

51. В. Челноков, с. Параты Казан. у. и губ., 1897 — № 94.

52. П. Ремезов, с. Вача Новосельской вол. Муром. у. Владим. губ.— № 100.

53. В. Сергеев, дд. Отар и Пеногур Кадомской вол. Яран. у. Вятск. губ., 1897 — № 101.

54. Брюхачева, д. Большое Жирново Малмыж. у. Вятск. губ., 1897 — № 103.

55. Гор. Кемь Арханг. губ., 1897 — № 104.

56. Е. Садовская, с. Константиновское Малмыж. у. Вятск. губ., 1897 — № 105.

57. И. Корехов, с. Левшино Каргоп. у. Олон. губ., 1897 — № 106.

58. Ю. Рахманина, с. Столыпино Рубцовск. у. Тверск. губ., 1897— № 108.

59. В. Ильинский, г. Касимов Рязан. губ., 1897 — № 109.

60. И. Вечерин, с. Жданово Курмышск. у. Симб. губ., 1897 — № 110.

61. Л. Крашенинникова, д. Ветчаны Касим. у. Рязан. губ., 1897— № 111[п].

62. А. Никольская, с. Запол-Тербунец Елецк. у. Орл. губ., 1897— № 111[а].

63. М. Шатунов, Бирск. у. Уфим. губ., 1897 — № 112.

64. И. Надсадин, с. Чердынцевское Екатеринб. у. Пермск. губ., 1897 — № 113.

65. А. Петров, д. Елисеево Богоявленской вол. Семен. у. Нижегор. губ., 1897 — № 118.

66. А. Бобровская, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ., 1897 — № 120.

67. В. Бондин, с. Благовещенский Сускан Ставроп. у. Самар. губ., 1897 — № 124.

68. А. Корстелев, с. Михайловское Дмитр. у. Курск. губ., 1897— № 125.

69. А. Васильева, г. Корчева и его окрестности Тверск. губ., 1897 — № 126.

70. Яхонтов, с. Осиновское Шадр. у. Пермск. губ., 1897 — № 128.

71. С. Васильев, с. Новый Буян Ставроп. у. Сам. губ., 1897 — № 130,

72. С. Орлин, с. Васютино Петровской вол. Егорьев. у. Рязан. губ. 1898 — № 133.

73. В. Пальжин, с. Троельго Кунгур. у. Пермск. губ., 1898 — № 134.

74. П. Падучев, с. Устье Хмелевской вол. Козловск. у. Тамб. губ., 1897 — № 135.

75. М. Суряков, с. Половодово Соликам. у. Пермск. губ., 1897 — № 136.

76. В. Победоносцев, с. Богородское Красноуф. у. Пермск. губ., 1898 — № 137.

77. А. Лыбин, с. Мухановское Красноуф. у. Пермск. губ., 1898 — № 138.

78. И. Ларцев, с. Большие ключи Красноуф. у. Пермск. губ., 1898 — № 139.

79. В. Мокеев, с. Бобрики Епифан. у. Тульск. губ., — № 140.

80. К. Муарская, с. Нагорское Слободск. у. Вятск. губ. — № 141.

81. Г. Тихонравов, с. Гришино Цивил. у. Казан. губ., 1897 — № 143.

82. Т. Корнеев, окрестные деревни г. Мещовска Калуж. губ., 1897 — № 150.

83. Ф. Иванов, с. Чуженга Воскресенской вол. Кирил. у. Новгор. губ., 1897 — № 152.

84. С. Александрович, с. Никулино Корсун. у. Симб. губ., 1897 — № 153.

85. Богданова, Красноуф. у. Пермск. губ., 1897 — № 154.

86. Арханг. и Волог. губ., 1890—1893 — № 155.

87. А. Тулин, Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ., 1897 — № 158.

88. Осницкий, д. Шарово Крестец. у. Новгор. губ., 1898 — № 160.

89. Ф. Додов, с. Ферапонтово Кирил. у. Новгор. губ., 1898 — № 161.

90. Е. Иванов, с. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ., 1897 — № 162.

91. В. Шатунов, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ., 1898 — № 163.

92. И. Иванов, с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ., 1898 — № 164.

93. В. Иванов, Тимошкинская вол. Белоз. у. Новгор. губ., 1898 — № 165.

94. В. Иванов, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., 1898 — № 167.

95. А. Хохлов, Семеновская вол. Белоз. у. Новгор. губ., 1898 — № 168.

96. К. Александров, с. Мегра Белоз. у. Новгор. губ., 1898 — № 169.

97. Н. Исаев, д. Пиксимово Кирил. у. Новгор. губ., 1897 — № 170.

98. В. Благовещенский, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ., 1898 — № 174.

99. Зазыкин, с. Семеновское Каляз. у. Тверск. губ., 1898 — № 176.

100. И. Смирнов, д. Ченцы Кашин. у. Тверск. губ. — № 177.

101. Трофимов, д. Ченцы Кашин. у. Тверск. губ. — № 178.

102. А. Кибанов, с. Нердвинское Соликам. у. Пермск. губ., 1898 — № 179.

103. Гор. Соликамск Пермск. губ., 180.

104. А. Кычигин, с. Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ., 1898 — № 181.

105. А. Акинин, с. Колашемское Новгор. губ., 1898 — № 183.

106. А. Орнатский, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ., 1898 — № 184.

107. Г. Картаков, Введенская вол. Кирил. у. Новгор. губ., 1898— № 187.

108. В. Кедров, с. Сторожевое Мцен. у. Орл. губ., 1898 — № 188.

109. А. Жирицкий, с. Красные Буйцы Епифан. у. Тульск. губ., 1898 — № 189.

110. В. Благовещенский, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ., 1898— № 173.

111. А. Нулиров, с. Квянское Новгор. губ. — № 172.

112. Г. Уткин, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ., 1898 — № 191.

113. И. Попов, с. Мольское Тотем. у. Волог. губ., 1898 — № 192.

114. К. Попов, с. Черевково Сольвыч. у. Волог. губ., 1898 — № 193.

115. А. Журавлев, г. Яренск и окрестные деревни Волог. губ., 1898 — № 194.

116. П. Копосов, д. Троицкое Усть-Алексеевской вол. Велико-Устюг. у. Волог. губ., 1898 — № 195.

117. Н. Голубов, Куракинская вол. Тотем. у. Волог. губ., 1898— № 196.

118. С. Попов, с. Шуйское Тотем. у. Волог. губ., 1898 — № 197.

119. А. Некрасов, Миньковская вол. Тотем. у. Волог. губ., 1898— № 198.

120. В. Кулаков, с. Богоявленское Устюж. у. Волог. губ., 1898— № 199.

121. В. Куканов, с. Нестеферовское Великоуст. у. Волог. губ., 1898— № 200.

122. Ф. Ряжкин, Шевденицкая вол. Тотем. у. Волог. губ., 1898— № 201.

123. П. Шенников, Папуловская вол. Устюж. у. Волог. губ., 1898—№ 202.

124. И. Попов, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ., 1898 — № 203.

125. Село Козьмодемьянское Соликам. у. Пермск. губ., 1898 — № 207.

126. Местность по реке Сылве Кунгур. у. Пермск. губ., 1898 — № 208.

127. М. Соколова, с. Михайловский завод Красноуф. у. Пермск. губ., 1898 — № 209.

128. Олпиганов, с. Мехонское Шадр. у. Пермск. губ., 1898 — № 210.

129. Г. Буткин, с. Бродоколамское Шадр. у. Пермск. губ., 1898— № 211.

130. А. Нефедов, д. Кречетово Кирил. у. Новгор. губ., 1897 — № 215.

131. М. Ветлин, д. Леушино Старщ. у. Тверск. губ., 1899 — № 218.

132. А. Маккавеева, д. Бабынино Стариц. у. Тверск. губ., 1899— № 219.

133. А. Лыткина, окрестности г. Слобод. Вятск. губ., 1899 — № 222.

134. П. Рассудов, с. Куликовка Чембар. у. Пенз. губ., 1899 — № 229.

135. Г. Симилейский, с. Шувары Инсар. у. Пенз. губ., 1899 — № 231.

136. Село Елизаветино Мокш. у. Пенз. губ., 1899 — № 232.

137. Село Трескино Мокш. у. Пенз. губ., 1899 — № 230.

138. Троицкий приход Шенк. у. Арханг. губ., 1900 — № 235.

139. В. Успенский, с. Меньшиково Дмитр. у. Курск. губ., 1900 — № 236.

140. П. Обнорский. Словарь народных слов и выражений, собранных в Вологодском и Грязовецком уездах — № 238.

141. Покровский у. Владим. губ. — № 244.

142. Село Самарино Ранненбург. у. Рязан. губ. — № 245.

143. Село Двоелучное Курск. губ., 1898 — № 246.

144. И. Победоносцев, с. Илькино Меленк. у. Владим. губ., 1899 — № 247.

145. И. Утехин, с. Судосево, Корсун. у. Симб. губ., 1897 — № 91.

146. Н. Ончуков, селения на реке Вишере Сыпучинской вол. Чердын. у. Пермск. губ., 1900 — № 258.

147. А. Федоров, с. Порог Онеж. у. Арханг. губ., 1901 — № 260.

148. Г. Прохоров, с. Ураево Валуйск. у. Ворон. губ., 1901 — № 261.

149. Н. Смирнов, с. Пяла Онеж. у. Арханг. губ., 1901 — № 262.

150. Е. Лебедева, с. Покров при Угре Медын. у. Калуж. губ., 1901 — № 263.

151. И. Алешинцев, с. Ахреньгба Никольск. у. Волог. губ., 1904 — № 266.

152. В. Соснин, д. Воротишино Черепов. у. Новгор. губ., 1902 — № 268.

153. Гор. Калязин Тверск. губ., 1904 — № 270.

154. Н. Хомяков, д. Хмелезеро Тихв. у. Новгор. губ., 1906 — № 271.

155. В. Никольский, с. Иванов Бор. Кирил. у. Новгор. губ., 1903 — № 272.

156. Огурцов, с. Кладушино Пошех. у. Яросл. губ., 1904 — № 275.

157. И. Костоловский, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ., 1907 — № 276.

158. М. Щербаков, д. Анохино Егорьев. у. Рязан. губ., 1905 — № 277.

159. Н. Наместников, д. Смолино Грязов. у. Волог. губ., 1905 — № 277а.

160. Анненкова, с. Смородины Грайвор. у. Курск. губ., 1897 — № 279.

161. А. Каменев, с. Шуя Кем. у. Арханг. губ., 1909 — № 280.

162. Гор. Романов-Борисоглебск Владим. губ., 1896 — № 281.

163. О. Петропавловская, с. Алешинка Трубч. у. Орл. губ., 1900 — № 282.

164. Село Зимняя Золотица Арханг. у. и губ., 1900 — № 284.

4. «Краткая программа по собиранию русских говоров», изд. Акад. Наук, СПб., 1903 г.:

1. В. Ефимов, Нелазская вол. Черепов. у. Новгор. губ., 1904 — № IX.

2. П. Ассуиров, с. Пушкино Саран. у. Пенз. губ., 1904 — № XI.

3. А. Дмитриевский, с. Успенское на юге Пошех. у. Яросл. губ., 1904 — № XXII.

4. Л. Виноградов, Раменская вол. Любим. у. Яросл. губ., 1904— № XXII.

5. П. Теляковский, с. Покровское на Сиги, Мологск. у. Яросл. губ., 1904 — № XXII.

5. «Рукописи ученого архива Русского географического общества» (использованы лишь частично):

1. С. Пругавин, г. Пинега, 1850 — № I 10.
2. Шенк. у. Арханг. губ., 1886 — № I 48.
3. П. Лысков, с. Никольская Пустынь Шенк. у. Арханг. губ., 1854— № I 49.
4. Саввин, с. Светлое Чернояр. у. Астрах. губ., 1848 — № II 48.
5. Рышков, с. Селитренное Енотаев. у. Астрах. губ., 1859 — № II 67.
6. А. Мещерский, Каширский у. Тульск. губ., 1848 — № XLII 4.
7. Каширский у. Тульск. губ. 1848 — № XLII 6.
8. Село Паньково Новосил. у. Тульск. губ., 1854 — № XLII 16.
9. Н. Гастев, с. Никольское Богородиц. у. Тульск. губ., 1849— № XLII 26.
10. Село Сурово Новосил. у. Тульск. губ., 1850 — № XLII 33.
11. Село Хмелевское Ефрем. у. Тульск. губ., 1849 — № XLII 35.
12. Село Монастырское Епифан. у. Тульск. губ., 1851 — № XLII 36.
13. Я. Яковлев, г. Алексин Тульск. губ., 1851 — № XLII 37.
14. Богородиц. у. Тульск. губ., 1849 — № XLII 28.
15. Чернский у. Тульск. губ., 1853 — № XLII 46.
16. Новосильский у. Тульск. губ., 1856 — № XLII 48.
17. Иванов, с. Касинки Ефрем. у. и д. Нюховка Венев. у. Тульск. губ. — № XLII 49.
18. В. Благовещенский, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ. — № XLII 51.

6. «Второе дополнение к Опыту областного великорусского словаря», приготовленное Ф. Покровским и Е. Яценко (рукопись Словарного отдела Института языка и мышления Акад. Наук СССР), — второе доп.

7. Калинин «Словарь Онежского наречия» (рукоп. ИЯМ АН СССР) — Калинин, онеж.

8. «Материалы для русского областного словаря И. И. Срезневского» (собрание рукописей Рукописного отделения Библиотеки АН СССР):

1. П. Кузмищев «Замечания к собранию слов Архангельской губ.» (оттиск из №№ 25—28 Арханг. губ. ведом., 1849) — № 1.
2. Его же, продолжение «Замечаний» — № 2.
3. Арханг. губ. — № 4.
4. Кемский у. Арханг. губ., 1853 — № 5.
5. Пругавин, Пинеж. у. Арханг. губ., 1852 — № 6.

6. Щипунов, Шенк. у. Арханг. губ., 1846 — № 8.
7. Микутский, Юрьев. у. Владим. губ. — № 15.
8. Н. Бодров, Владимирское или Суздальское наречие, 1853 — № 16.
9. Его же, Переясл. у. Владим. губ., 1848 — № 17.
10. Терликов, Астрах., Краснояр., Енотаев. уу. Астрах. губ. — № 14.
11. Н. Соханский, Владимир. и Судог. уу. Владим. губ., 1847 — № 19.
12. Яковлев, Владим. губ., 1847—1848 — № 20.
13. Н. Тихонравов, Владим. губ., 1849 — № 18.
14. Афонин, Меленк. у. Владим. губ. — № 22.
15. Ильин, Енотаев. у. Астрах. губ., 1854 — № 10.
16. Е. Бережков, Судог. у. Владим. губ., 1851 — № 25.
17. Пономаревский, Ярен. у. Волог. губ. — № 27.
18. Фортунатов и Титов, Волог. губ. — № 28.
19. Шайтанов, Верховажье Волог. губ., 1849 — № 29.
20. Н. Попов, Кадниковский у. Волог. губ., 1854 — № 30.
21. Его же, то же самое — № 31.
22. Г. Паули, Никольский у. Волог. губ., 1852 — № 33.
23. Устюженский у. Новгор. губ. — № 34.
24. Воронежская губ. — № 36.
25. Воронежская губ. — № 37.
26. Кремер, с. Верхотишанка Бобров. у. Ворон. губ., — № 41.
27. Село Кукарка Яран. у. Вятск. губ. — № 42.
28. Тиховедов, Вятская губ., 1848 — № 43.
29. Москвин, Вятск. губ. — № 44.
30. Кибардин (?), Слобод. у. Вятск. губ., 1848 — № 45.
31. Золотарев, Донская обл., 1848 — № 47.
32. Казанская губ. — № 53.
33. Евлентьев, Казанское Заволжье, 1855 — № 55.
34. Н. Толмачев, с. Мурзиха Лаишевск. у. Казан. губ., 1853 — № 54.
35. Косецкий, Козьмодем. у. Казан. губ. — № 57.
36. Высоцкий, Лаишевский у. Казан. губ., 1855 — № 58.
37. Е. Антеноров, с. Красная Горка Мамадышск. у. Казан. губ. — № 59.
38. Фанагорский, Спасск. у. Казан. губ., 1855 — № 60.
39. Его же, то же самое — № 61.
40. Пиука, Спасск. у. Казан. губ. — № 42.
41. Гремяченский, Тетюшский у. Казан. губ., 1854 — № 63.
42. Воецкий, Чистоп. у. Казан. губ., 1852 — № 66.
43. Воскресенский, Жиздр. и Мосал. уу. Калуж. губ. — № 69.
44. Калужская губ., 1848 — № 68.
45. Костромская губ., 1849 — № 72.
46. Ветлужский у. Костром. губ. — № 73.
47. Кологривский и Варнав. уу. Костром. губ. — № 74.
48. Толмачев, г. Кандалинцев Ветлуж. у. Костром. губ. — № 76.

49. Леонов, Кинеш. у. Костром. губ., 1846 — № 79.
50. М. Диев, Нерех. у. Костром. губ. — № 82.
51. Е. Орлеанский, Солигал. у. Костром. губ., 1847 — № 84.
52. Д. Прилуцкий, Чухлом. у. Костром. губ. — № 85.
53. Николаев, Ядринский у. Казанск. губ., 1852 — № 67.
54. Нерехтский у. Костром. губ., 1853 — № 80—81.
55. Я. Песков, Чухлом. у. Костром. губ. — № 86.
56. Робуш, Курск. губ., 1849 — № 87.
57. Малеревский, Курск. губ., 1849 — № 89.
58. Машкин, Обоян. у. Курск. губ. — № 90—94.
59. Дмитрюков, Рыльск. и Суджа Курск. губ., 1849 — № 96.
60. Его же, Рыл. у. Курск. губ. — № 97.
61. Николаев, Судж. у. Курск. губ., 1849 — № 98.
62. Село Высокое близ Нижнего-Новгорода — № 100.
63. Бутурлин, с. Сурадеево Княгин. у. Нижегор. губ., 1852 — № 101.
64. Нижегор. губ., 1850 — № 102.
65. Село Павлово Горбат. у. Нижегор. губ. — № 105.
66. Село Чистое Поле Семен. у. Нижегор. губ., 1881 — № 107.
67. Семеновский у. Нижегор. губ. — № 108.
68. Новгородская губ., 1852 — № 109.
69. Пардалоцкий, Борович. у. Новгор. губ., 1854 — № 112.
70. Валдайск. у. Новгор. губ., 1849 — № 113.
71. Дестунис, Тихв. у. Новгор. губ. — № 114.
72. Медников, Тихв. у. Новгор. губ., 1848 — № 115.
73. Тихвинский у. Новгор. губ., 1854 — № 116.
74. Тихвинский у. Новгор. губ. — № 117.
75. Тимофеев, Олон. губ., 1854 — № 118.
76. Андомская вол. Вытегор. у. Олон. губ. — № 119.
77. Петров, Вытегор. у. Олон. губ. — № 120.
78. К. Петров, Устьмошье Каргоп. у. Олон. губ. — № 121.
79. Оренбургская губ., 1849 — № 122.
80. Выготский, с. Аскино Бирск. у. Уфим. губ., 1849 — № 123.
81. Лепешов, Орл. губ. — № 124.
82. Карякин, Орл. губ., 1850 — № 125.
83. Мценский у. Орл. губ. — № 126.
84. Село Андронишно и Покровское Царскосельск. у. Петерб. губ., 1848—1850 — № 128.
85. Лепорский, с. Черновское Охан. у. Пермск. губ., 1854 — № 130.
86. Пермская губ. — № 131.
87. В. Волегов. Словарь сельскохозяйственных названий, употребляемых в крестьянском быту в уездах Пермском, Оханском и Соликамском — № 132.
88. Его же, то же самое — № 133.
89. Село Гаинское Чердын. у. Пермск. губ. — № 138.

90. Зырянов, Шадр. у. Пермск. губ., 1856 — № 140.
91. Третьяков, Шадр. у. Пермск. губ. — № 141.
92. Чернавин, Шадр. у. Пермск. губ., 1848 — № 142.
93. Скворцев, с. Яковлево Бугульм. у. Самар. губ., 1852 — № 148.
94. Красносельцев, с. Верхосулье Бугульм. у. Самар. губ. — № 149.
95. Модестов, с. Архангельское Городище Ставроп. у. Самар. губ. — № 151.
96. Топорнин, с. Никольское Ставроп. у. Самар. губ. — № 152.
97. Островидов, с. Рахмановка Никол. у. Самар. губ., 1853 — № 155.
98. Духовищенский у. Смол. губ.; Венев. у. Тульск. губ. — № 157.
99. Арбузов, Рославльский у. Смол. губ. — № 160.
100. Козлов, Борисоглебский у. Тамб. губ., 1852 — № 163.
101. Давыдов, Морш. у. Тамб. губ., 1849 — № 164.
102. Уфимский у. Оренб. губ. — № 166.
103. Село Станиловка Мологский у. Яросл. губ. — № 167.
104. Архангельский, Пошех. у. Яросл. губ., 1849 — № 169.
105. Его же, Пошех. и Мологский уу. Яросл. губ., 1850 — № 170.
106. Село Ермаково Пошех. у. Яросл. губ., 1850 — № 171.
107. В. Благовещенский, Бугурусланский у. Самар. губ. — № 188.
108. Муллов. Дополнение к «Опыту», 1852 — № 193.
109. И. И. Срезневский, Материалы для областного словаря — № 195.
110. «Собрание областных великорусских слов» — № 196.
111. «Словарь Хованского» — № 197.

Составители словарей и диалектологи, не преследовали цели классифицировать термины по каким-либо отделам (за исключением составителей «Программ» АН), и материал располагался либо в алфавитном порядке, либо вообще без всякой видимой связности. Поэтому естественно, что термины сельского хозяйства оказались распыленными между грудами других материалов, в силу чего пришлось провести кропотливую работу по их собиранию.

Из печатных работ использованы:

1. А. Ф. Бычков. Список слов Валдайского у. и Владимирской губ., Сб. ОРЯС, т. VIII, 1872. — Бычков Валд. у. и Влад. губ.
2. Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губ. Сб. ОРЯС, т. 76, 1904. — Будде, Тульск., орл.
3. Его же. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губ. РФВ, 1894, № 3. — Будде, Казан. губ.
4. Его же. К диалектологии великорусских наречий, Варшава, 1892. — Будде.
5. С. К. Булич. Материалы для русского словаря. ИОРЯС, 1896. — Булич.
6. В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. I, СПб., 1843, т. II, СПб., 1844. — Бурнашев.
7. Н. Белоруссов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губ., РФВ. 1887, № 4. — Белоруссов, Вологод. губ.

8. Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря, Вятка, 1907.— Васнецов, Вятка.
9. П. В. Владимиров. Несколько данных для изучения северно-великорусского наречия в XVI и XVII ст. (по рукописям Соловецкой библиотеки), Казань, 1878. — Владимиров, арх., XVI и XVII ст.
10. В. Водарский. Областные слова Рыбинского у. Ярославской губ., Жив. Стар. вып. III и IV, 1902. — Водарский, Рыбин. у.
11. В. Волоцкой. Словарь ростовского говора. Сб. ОРЯС, т. 72. 1903. — Волоцкой, Ростов. у.
12. Еремин и Фалев. Русская диалектология, М.—Л., 1928. — Еремин и Фалев.
13. В. Герасимов. О говоре крестьян южной части Череповецкого у. Новгородской губ. Жив. Стар., вып. III, 1893. — В. Герасимов, черепов.
14. М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора, СПб., 1910. — Герасимов, черепов.
15 М. Герасимов и Н. Кедров. Материалы лексикографические по новгородским говорам, Жив. Стар., вып. III—IV, 1898. — Герасимов и Кедров, новгор.
16. А. Грандлиевский. Родина М. В. Ломоносова, Сб. ОРЯС, т. 83, 1907. — Грандлиевский, Холмогор. у.
17. Я. К. Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. Сб. ОРЯС, т. VII, 1870 — Грот, I.
18. Его же. Слова областного словаря сходные со скандинавскими, («Филологические разыскания», т. I, СПб., 1876) — Грот, II.
19. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка — Даль.
20. И. Я. Данилевский. Дополнение к опыту областного великорусского словаря, Сб. ОРЯС, т. VII, 1870 — Данилевский.
21. Диттель. Сборник рязанских областных слов, Жив. Стар., вып. 1, 1898. — Диттель, рязан.
22. В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914. — Добровольский, смол.
23. Н. Н. Дурново. Описание говора д. Парфенок Рузского у. Московской губ. РФВ, 1903, № 3—4. — Дурново, д. Парфенки Рузск. у. Моск. губ.
24. Д. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сб. ОРЯС т. 76, 1904. — Зеленин, Вятск. губ.
25. Н. Иваницкий. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. Жив. Стар., вып. I, 1898. — Иваницкий, Сольвыч. у.
26. К. Иеропольский. Говор д. Савкино Пушкинского района Псковского округа. ИОРЯС, т. III, кн. 2, 1930. — Иеропольский, д. Савкино Пушкинск. р-на Псков. окр.
27. В. Н. Каменев. О говорах северо-восточной части Одоевского у. Тульской губ. ТМДК, IX, 1927. — Каменев, Одоев. у., Тульск. губ.
28. Н. Каринский. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. РФВ, 1898, № 3. — Каринский, Луж. у.
29. Коллектив студентов ярославского педагогического института. Дополнение к «Материалам для словаря народного языка в Ярославск. губ.», Ярославль, 1926. — Ярославск.
30. М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. Сб. ОРЯС, т. XVII, 1877. — Колосов, сев.-великор.
31. С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (материалы и наблюдения), Труды Ярославского педагогического института, т. II, вып. 3, Ярославль, 1929 — Копорский, яросл.
32. В. Кузнецов. Сомринский говор. Жив. Стар., вып. II, 1898. — Кузнецов, сомринск.
33. Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия, СПб., 1898. — Куликовский, олон.
34. М. И. Куроптев. Слободской уезд Вятской губ., Вятка, 1881. — Куроптев, вятск.

35. А. Мотовилов. Симбирская молвь. Сб. ОРЯС, т. 44. — Мотовилов, симб.
36. И. Ф. Наумов. Дополнения и заметки к «Толковому словарю», Даля. Сб. ОРЯС, т. XI. — Наумов.
37. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского у. Калужской губ. РФВ, 1903, № 12 — Никольский, Жиздр. у. Калуж. губ.
38. С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, 1927, вып. II, 1931, Л. — Обнорский.
39. А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1885. — Подвысоцкий, Арханг. губ.
40. Ф. Покровский. О народном говоре Чухломского у. Костр. губ. Жив. Стар. вып. III, 1899. — Покровский, Чухлом. у. Костром. губ.
41. А. А. Потебня. Этимологические этюды. РФВ, 1881, № 1. — Потебня. Этим. эт.
42. В. Резанов. «Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ.», РФВ, 1897, № 3. — Резанов. Обоян. у. Курск. губ.
43. А. И. Сахаров. Язык крестьян Идьинской вол. Болховского у. Орловской губ. Сб. ОРЯС, т. 77, 1904. — Сахаров, Ильинская вол. Болх. у. Орл. губ.
44. П. К. Симони Два старинных областных словаря XVIII столетия. Жив. Стар., вып. III—IV, 1898. — Симони.
45. И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. Сб. ОРЯС, т. 70, 1902. — Смирнов, Кашин. у.
46. Б. и Ю. Соколовы. Говор южной части Белозерского у. Новгородской губ. ТМДК, II. — Соколовы, белоз. у. Новгор. губ.
47. Н. Соколов. Поездка в Тихвинск. у. Новгородской губ. ТМДК, II. — Соколов, Тихв. у. Новгор. губ.
48. В. Ф. Соловьев, Особенности говора Новгородского у. Новгородской губ. Сб. ОРЯС, т. 77, 1904. — Соловьев, Новгор. у.
49. Его же. Особенности говора донских казаков. Сб. ОРЯС, т. 68, 1901. — Соловьев, Дон.
50. И. И. Срезневский. Словарь древне-русского языка. — Срезневский.
51. М. Стахович. Народные технические выражения. Технические названия в деле пахотном и гуменном. Материалы для словаря и грамматики, прибавление к Изв. АН, т. III — Стахович.
52. П. Н. Тиханов. Брянский говор. Сб. ОРЯС, т. 76, 1904. — Тиханов, Брян. у.
53. С. Н. Томилов. — Словарь Карпогорской вол. Архангельского у. и губ. ТМДК, 1930. — Томилов, Арханг. у.
54. М. Я. Феноменов. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни, ч. II, Л.—М., 1925 — Феноменов.
55. В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах селений Московского у. Сб. ОРЯС, т. 68, 1901. — Чернышев, Моск. у.
56. Его же. Говоры южной части б. Нижегородской губернии (Нижегородского или Горьковского края Lud Słowianski, т. III, Kraków, 1933. — Чернышев.
57. Его же. Сведения о говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. Сб. ОРЯС, т. 75, 1904. — Чернышев, Тверск. у., Клин. у., Моск. у.
58. Его же. Псковское наречие. Тр. Ком. по русск. яз., т. I, 1931. — Чернышев, Псков.
59. А. А. Шахматов. Материалы для изучения великорусских говоров, вып. I, ИОРЯС, 1896. — Шахматов.
60. Его же. Образец говора Орловского и Котельничского уездов Вятской губернии. Из сб. «Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др», приготовил А. А. Шахматов. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 1, II, 1916. — А. А. Шахматов, орл. (вятск.) и котельн.
61. Шайтанов. Особенности говора Кадниковского у. Вологодской губ. Жив. Стар., вып. III—IV, 1895. — Шайтанов, Кадник. у.
62. П. Шейн. Дополнение к словарю Даля. Сб. ОРЯС, т. X, 1873. — Шейн.
63. Е. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ., Ярославль, 1896. — Якушкин.

64. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства, т. II, 1900; т. III, 1900; т. IV, 1901; т. V, 1901. — Энцикл. с. хоз.
65. «Словарь русского языка», изд. А. А. Шахматова. — Словарь А. А. Шахм.
66. «Словарь русского языка». — Словарь р. я.
67. «Труды общества любителей русской словесности» — Труды ОЛРС.
68. «Техническая энциклопедия», М., 1928 — Техн. энцикл.
69. «Труды Московско-диалектологической комиссии». — ТМДК.
70. «Опыт дополнения областного словаря Акад. Наук» — опыт.

К личным наблюдениям относятся:

1. Командировка в Староладожский сельсовет Волховского р-на Ленинградской обл. летом 1933 г. (июль) в составе диалектографической экспедиции Института языка и мышления Академии Наук СССР, под руководством члена-корресп. Академии Наук Н. М. Каринского. В задачу моей командировки входила исключительно работа по сбору сельскохозяйственной терминологии и выяснению ее бытования в современной колхозной деревне. Были обследованы сел. Старая Ладога, д. Позем (колхоз „Опыт"), д. Трусово (колхозники и единоличники), д. Ахматова-Гора (колхоз „Благое начало"), д. Князщино (колхозники и единоличники) и д. Извоз (единоличники). В методику собирания входило: а) термин как правило записывался в контексте; б) указывалась фамилия опрашиваемого и собирались сведения о его социальном положении; в) собирались общие сведения о состоянии колхоза и его истории; г) учитывались те социальные прослойки, к которым принадлежали опрашиваемые. Кроме этого, по возможности, выяснялось употребление того или иного термина в прошлом. Из опрошенных наибольшее число ответов дали: Антипов, член колхоза д. Трусово — д. Трусово, Ант.; семья учительницы Бобровой (д. Трусово) — д. Трусово, Б.; С. Ф. Воробьев, председатель колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, С. Вор; А. М. Козырев, единоличник д. Извоз — д. Извоз, Коз.; Коноплев-отец, член колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем Кон. от.; Коноплев-сын, член колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, Конопл.-сын; А. Маркедонский, член колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, А. Марк; И. Мариничев, член колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, И. Мар.; Мариничев, счетовод колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, Мар.; Новоженов, член колхоза „Опыт" (д. Позем) — д. Позем, Нов.; Рыжов, агроном сел. „Старая Ладога" — Ст. Лад., Рыж.; Н. Тимошкин, председатель колхоза „Красная заря" (д. Князщино) — д. Князщино, Тим.; Хоньчикова, член колхоза „Красная заря" (д. Князщино) — д. Князщино, Хоньчикова.

Метод вопросов и ответов не может полностью обеспечить действительное выявление местных особенностей, так как опрашиваемый в разговоре с приезжим человеком зачастую старается, вместо местных терминов, подбирать литературные эквиваленты, поэтому проводился дополнительный сбор материала на колхозных собраниях, а также и собраниях единоличников, при беседах и т. д., где автор являлся третьим лицом. В этих случаях сокращенно обозначается название деревни и сельсовета и делается пометка: „колхозн.“ или „единоличн“. Такой же метод применялся мною и в других местностях.

2. Командировка в Дубенский район Московской обл. летом 1933 г. (август).

В Дубенском р-не местом обследования была избрана д. Селино; Луженского сельского совета (колхоз „Буревестник“). Автор на этот раз сознательно взял лишь одну деревню, чтобы возможно полнее собрать материал из одного пункта. Сокращенное обозначение — д. Селино. Наибольшее число ответов дали: А. Васильева — А. В.; Петр Алексеев — П. А. Е. Савельев — Е. Сав.; В. Скворцова — В. Сквор.; И. Могилев — И. Мог.; Е. Ерофеев, председатель колхоза — Е. Е., С. Махов — С. М.; И. Скворцов, бригадир — И. Сквор.; П. Казенов — П. Каз. Все вышеперечисленные лица являются членами колхоза. Единоличников в д. Селино в 1933 г. уже не было. Остальные записи будут обозначаться „колхозн.“

3. Командировки в Тульский и Дубенский р-ны Московской обл. летом 1934 г. (август). Основным пунктом обследования явилась опять-таки д. Селино Луженского сельского совета Дубенского р-на, что было обусловлено необходимостью установить рост словотворчества в сельскохозяйственной терминологии по сравнению с прошлым годом. Если командировка 1933 г. была предназначена, главным образом, для фиксирования сельскохозяйственных терминов, перешедших в колхоз из единоличной деревни, то командировка 1934 г. преследовала своею целью выявление нового, что появилось вместе с колхозной жизнью. Результаты обследования полностью оправдали такого рода целеустановку. Наибольшее число ответов дали: А. Васильева — А. В.; П. Алексеев — П. А.; И. И. Костюхин, счетовод колхоза — И. И. К.; П. Петрова, кладовщик — П. П.; С. Махов — С. М., А. Сентюрин, председатель колхоза — А. Сент.; К. Тюрин — К. Т.; П. Тюрина — П. Т.; Е. Ерофеев—Е. Е.; П. Ерофеев — П. Ер.; Д. Скворцов — Д. С.; Д. Кузнецов — Д. К.; Г. Тюрин — Г. Т. и А. Скворцов — А. С. Кроме деревни Селино, частично проведено обследование д. Павлово Московско-Крапивенского р-на Московской обл. (С. Филатов — С. Ф.),

д. Михалково Тульского р-на (колхозники) и д. Тимофеевка Дубенского р-на (колхозники), в целях сравнения употребления сельскохозяйственных терминов в соседних районах.

4. Автор воспользовался также небольшими личными наблюдениями, проводившимися в пос. Калинкинском Тепло-Огаревского р-на Московской обл. (5—12 VIII 1929) и с. Ульянино Бронницкого р-на Московской обл. (7 III—8 IV 1930). Кроме личных наблюдений, автор воспользовался любезно предоставленными ему М. Д. Мальцевым материалами, наблюдавшим за говором сс. Ястребово, Севрюково и Беловское Белгородского р-на Курской обл. в течение 25 лет — Мальцев, Белгородский р-н Курской области.

Помимо наблюдений над живою речью, для постановки проблемы о взаимоотношениях местной сельскохозяйственной терминологии и сельскохозяйственных терминов местной печати собран соответствующий материал из районных газет: „Коммунар" Тульского р-на (январь — июль 1934) и „Сталинец" Дубенского р-на (август 1934), сокращено — Комм., Стал.

Сокращения и периодические издания

1. АГО — Рукописи Ученого архива Русского географического общества.
2. МДК, I — Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Южно-великорусские говоры Московской диалектологической комиссии (Рукописн. отд. Библ. АН).
3. МДК, II — То же, средне- и северно-великорусские говоры (Библ. АН).
4. ПАН — Программа для собирания народных говоров Академии Наук (Библ. АН).
5. Кр. ПАН — Краткая программа по собиранию русских говоров Академии Наук (Библ. АН).
6. Ж. Ст. — Журнал «Живая Старина».
7. ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук.
8. Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук.
9. Мат. Срезн. — Материалы И. И. Срезневского, находящиеся в Архиве АН.
10. РФВ — Русский филологический вестник.
11. Ткр. — Труды Комиссии по русскому языку, изд. II отд. АН.
12. ВКА — Вестник Коммунистической Академии.
13. Изв. ГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
14. ИАН — Известия Академии Наук СССР.
15. ПИМК — Проблемы истории материальной культуры, журн. ГАИМК.
16. ВС — Восточный Сборник.
17. Избр. работы — Избранные работы Н. Я. Марра, Л.—М., т. I, 1933, т. III, 1934.
18. ДАН — Доклады Академии Наук СССР.
19. ТМДК — Труды Московской диалектологической комиссии.
20. ПИДО — Проблемы истории докапиталистической формации, изд. ГАИМК.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В настоящем разделе выясняются типы терминов по сходству их семантической структуры, т. е. технике образования слова, характерным признакам, по которым шло наречение предметов в соответствии с определенным строем мышления.[1] Современная сельскохозяйственная терминология в семантико-историческом отношении далеко не однородный материал. В ней мы находим, с одной стороны, типичные образования наших дней, с другой — слова, первоначальная «внутренняя форма» которых может быть вскрыта лишь посредством палеонтологического анализа. Понятно, что образования древних времен в современных говорах потеряли всякую свою языковую действенность и употребляются в совершенно переосмысленном виде. Эти слова выделяются в особый тип лишь по своему историческому прошлому. Их начальная «внутренняя форма», которая давным-давно перестала осознаваться, строилась на назывании предметов по признаку их принадлежности (действительной или мнимой) к коллективу, в связи с чем подобного

---

[1] Не останавливаясь на достигнутых в области истории мышления результатах, сошлюсь лишь на некоторые работы по этому вопросу: Н. Я. Марр. К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова, ВКА, кн. XVI, стр. 133—139; он же. К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем. Изв. ГАИМК, т. VII, 1931, вып. 7—8; он же. Стадия мышления при возникновении глагола быть. ДАН, 1930, стр. 73—78; он же. Язык и современность. Изв. ГАИМК, вып. 60; он же. Язык и мышление, 1931. Этим списком далеко не исчерпываются, конечно, работы Н. Я. Марра, посвященные проблеме истории языка и мышления. См. также: И. И. Мещанинов. Речь и мышление родового общества. ПИМК, 1933, № 5—6, стр. 12—18; он же. К вопросу о языковых стадиях. ИАН, 1931, стр. 858—882; он же. Язык и мышление в доклассовом обществе. ПИДО, № 9—10, 1934, стр. 18—45.

Делаю к этому существенное примечание: при установлении семантических типов терминов, resp. способов образования слов и техники мышления, в *ряде случаев* я ссылаюсь на *общие* социально-экономические условия той или иной эпохи, не вдаваясь в подробности исторического порядка. Предметом первых глав моего исследования являются особенности построения «внутренней формы» слова в сельскохозяйственной лексике русских говоров. Особенности эти вовсе не являются продуктом какого-либо короткого промежутка времени, а определяются социально-экономическими условиями целых эпох, в связи с чем иногда некоторые исторические подробности опускаются, да зачастую их и трудно ввести в исследование, поскольку этого не позволяет обширность самого материала.

рода термины включали в себе, помимо обозначения любого частного предмета, обязательно и название самого коллектива. Первоначально комплекс значений, входящий в такой термин, осознавался нерасчлененно, это был собственно не «комплекс», не какое-то сложное, а единичное; смысловая дифференциация, обособление происходит позже. На наличие такого способа словообразования в первобытно-коммунистическом обществе имеются указания классиков марксизма-ленинизма, этот способ вскрыт Н. Я. Марром на огромном количестве языковых фактов, но действовал он, конечно, задолго до образования русского языка, причем прошел ряд ступеней в своем развитии. Самая последняя ступень его развития в пережиточном виде доходит до русских говоров, благодаря некоторым остаткам родовых отношений в русской общине. Эти же общественные условия вызвали к жизни другой устанавливаемый здесь тип терминов, который характеризуется тем, что название общины, resp., коллектива, является непременным и основным элементом в комплексе (здесь уже действительный комплекс) значений, выражаемом о д н и м термином, причем осознание связи общины с называемым предметом еще не разрушается окончательно. Между первым и вторым типом, помимо сходства, имеется и большая разница. Способ словообразования первого типа являлся единственным и всеобъемлющим в языке первобытно-коммунистического общества, само называние по принадлежности к коллективу распространялось и на предметы, фактически ему не принадлежащие (например предметы космических представлений), тогда как второй тип является лишь частным, да и то пережиточным способом словообразования наряду с другими способами, которые уже господствовали, причем называние по общине шло лишь в случае действительной связи обозначаемого предмета с общинными отношениями. В этот тип терминов входит определенный комплекс значений, элементы которого так или иначе повторяются в различных относящихся сюда словах. Правда, ряд слов утратил уже свою «внутреннюю форму», но утрата или слишком свежа, или легко восстанавливается благодаря наличию других характерных элементов данного типа. Сюда относятся, например, термины, выражающие нерасчлененное понятие 'луга', 'пашни' и 'пастбища'; 'сельскохозяйственного орудия', 'земельной площади' и 'сельскохозяйственного продукта' и пр. Но здесь реально возникает опасность смешать древние образования, относящиеся к моменту возникновения русской общины, с позднейшими, так как может быть формальное совпадение элементов значения позднего термина с комплексом значений устанавливаемого нами типа. Скажем, *запашка* обозначает и 'начало процесса пахоты' и 'пашню' ('полоску меньше половины *осьмин-*

ника'), и 'орудие пахания' (особый род плуга), и 'картофель, подбираемый на поле после вторичной копки'. И это в одной и той же местности (д. Павлово Московско-Крапив. р-на Моск. обл., 1934, употребляется как колхозниками, так и единоличниками). Но здесь сходство с древним типом лишь внешнее; содержание значений данного термина указывает со всей очевидностью на его позднее происхождение. *Запашка* — отглагольное образование от *запахивать*, *пахать* как отвлеченного действия вне всякой связи с общинными отношениями в момент образования приведенного выше слова. Кроме того, автору удалось установить, что *запашка* в значении плуга — совсем недавнее местное новообразование, введенное крестьянином-изобретателем, внесшим новую деталь (в порядке усовершенствования) в распространенный здесь плуг. Наконец, *запашка* в значении картофеля также позднее образование, поскольку культура картофеля введена в данной местности не более 60—70 лет тому назад. Но могут быть и более трудные случаи, которые не так просто выявить. Следовательно, еще раз нужно подчеркнуть, что при определении типа недостаточно одно лишь формально-структурное сходство в семантике, необходимы историко-социальные обоснования. Но и в самой семантике имеется особенность, отличающая современное словообразование от древнего: современное словообразование имеет ясную „внутреннюю форму", тогда как термины, относящиеся к первому и второму типу (см. выше), или вовсе ее утеряли, или сохранили пережиточно „внутреннюю форму", явно связанную с общиной (за исключением и в том и другом случае заимствований). Эта особенность позволяет нам выделить группу терминов (как *десятина*, *осьминник*, *третьяк* и пр.), с определением ее позднейшего происхождения, хотя она и совпадает (даже со включением общинных отношений) по комплексу значений со вторым типом. *Десятина*, *осьмина* и подобные им термины имеют ясную „внутреннюю форму"; сложились они в эпоху феодальных отношений по различным числовым признакам, но по функции они также переняли значения более древних местных общинных терминов. С древними типами нельзя смешивать также слов, примыкающих к комплексу этих типов, но являющихся производными позднейшего порядка, например *копна*, *копнить* и пр. На первоначальное значение основы *коп* ⟷ *куп* [1] указывают (пережиточно) западн. *копа* 'сходка', 'толпа', в связи с чем стоит укр. *скопатися* 'собираться', болг. *купщина* 'толпа', сербск. *ку̑п* 'собрание', 'съезд', *ку̑пити* 'собирать', 'скупать' *ску̑пштина* 'собрание', позже 'палата', 'скупщина'. В дальнейшем

[1] Законность фонетического соответствия о ⟷ у подтверждается семантикой приводимых здесь слов: *копа́* 'толпа' *куп* 'толпа' и др.

в славянских языках это первоначальное значение — название коллектива и всего, что к нему относится, — получило более отвлеченное — 'куча любых предметов', 'собирать', 'сгребать' и т. д., в чисто технологическом значении вне всяких связей с коллективом. Первичность обозначения этим термином 'коллектива', 'общины' показывается и другими его семантическими элементами: в той же огласовке мы имеем *совокупляться* 'поддерживать общественные связи' („и ныне молю не съвкоуплатисѧ вамъ съ ними. ни въ ꙗдении ни в питии ни въ дроужбѣ", „Златоструй", XII в., л. 6, стр. 2), также *купить*, *купец*, *покупать*, первоначально 'обмениваться', 'общаться', лишь позже в современном значении 'покупать', 'продавать'. Что здесь мы имеем не случайное фонетическое совпадение *купить* 'покупать' и *купщина* и др. 'толпа', 'народ', ясно указывает сербск. *скупштина* 'собрание', 'народ', resp., 'коллектив', но и 'скупщина'.[1] На первоначальное же значение не дифференцированного обмена-общения указывает готск. *kaupōn* 'торговать', со включением сюда и 'купли' и 'продажи'. Впоследствии, при дифференциации значений, *купить* стало обозначать лишь одну сторону обмена, так же как, при той же дифференциации, понятия торговли порвали всякую связь с понятием коллектива, что случилось и с понятием *копить* 'сгребать в кучу' и пр. Момент этой дифференциации исторически относится к той эпохе, когда не могло быть и речи о *копне* — куче снопов. *Копна*, букв. 'куча', в чисто техническом смысле этого слова, стоит вне какого-либо отношения к коллективу, следовательно, несмотря на свою связь с вышеприведенным комплексом значений, является производным образованием сравнительно позднего времени.

Вышесказанным вовсе не исчерпывается вся многообразность семантических типов сельскохозяйственной терминологии. Для автора важно было показать границы типов на нескольких примерах, тем самым и подчеркнуть сложность поставленных в исследовании проблем.

Термины „внутренняя форма" которых не осознается в современных говорах

Выше уже было сказано, что этот тип устанавливается лишь по его историческому прошлому, в современных же говорах термины, к нему относящиеся, могут входить в различные типы живого языка, поскольку

[1] Обычно связь этих слов отрицается на основании восстановления их «праязыковых» форм; помимо того, русск. *купить, купец* без достаточных к тому оснований считается поздним заимствованием из германских языков, поскольку и там встречается это слово. Не допускаю также и обратного заимствования. Наличие данного слова в германских и славянских языках можно объяснить фактором более древнего порядка.

переосмысление их почти полностью закончено. Отсюда должны быть исключены заимствования, произведенные русским языком из других языков, «внутренняя форма» которых не осознается по совершенно другим причинам, также слова позднейшего происхождения, которые потеряли свою «внутреннюю форму» благодаря каким-либо чисто местным причинам (фонетические искажения и пр.). Термины данного типа, несмотря на потерю своей начальной «внутренней формы», все же не одиноки и группируются по тем или иным сохранившимся в дериватах признакам в определенные соединения, что и позволяет палеонтологии речи вскрывать их происхождение и историю. Приведем несколько типичных примеров.

1. *Ора́ть, ора́ло, ра́тай, рать, оръ.*[1] Слово *ора́ть* в значении 'пахать' имеет широкое распространение в северно-великорусских говорах. Одна и та же основа *ra* (∾ *ar*||*or*) в различных производных словах имеет ряд значений, которые невозможно объяснить, если производить их от какого-либо одного современного значения или отвлеченного действия. Общность значений этих дериватов — в единстве их происхождения, идущем от обозначения коллектива в еще диффузном, нерасчлененном представлении. Часть производных слов сохранила социальный смысл, явно показывающий на прошлое этого термина. *Ра́тай, ора́тай* 'пахарь' — впоследствии 'представитель низших угнетаемых слоев населения' (болг. *ратай* 'батрак'), прусск. *ar-toys* 'земледелец'. В данном значении термин выступает уже в оформлении единичности с приращением соответствующего суффикса, раньше же он имел исключительно значение множественности, 'толпы', 'коллектива', еще без выделения личности.

Рать 'войско', первоначально 'толпа', 'коллектив', что наличествует в слове *о-ра́-ва* 'толпа', которое вовсе нельзя выводить из мнимого звукоподражания или от отвлеченно-физиологического *орать* 'кричать', хотя связь между *орать* 'кричать' и *рать* 'войско' вне сомнения, но связь эта другого порядка: необходимо обратить внимание на наличие в русском языке двух синонимов: *орать* и *кричать*, из которых первый имеет явный социальный оттенок: *орать* осмысляется как более грубое, простонародное, менее предпочитаемое в литературе, также и более аффективное, и в связи именно с этим значением стоит *ора́ва* 'толпа', не просто 'кучка кричащих людей' вообще, но группа определенной социальной принадлежности (*ратай*

[1] Индоевропеистская этимология отрицает связь между словами *орать* 'пахать' и *орать* 'кричать', констатируя здесь лишь случайное фонетическое совпадение двух совершенно различных по происхождению слов. Это и вполне понятно при подходе без всякого учета социальной сущности языка и производстве этимологий на основе отвлеченных действий в современном их осмыслении.

'пахарь', *рать* 'войско из народа' в противоположность *дружине* правящих феодальных классов). Все это подкрепляется еще и тем, что основа ra || ro || re в других производных словах обозначает еще и земельные угодия, resp., площадь, занимаемую коллективом: южно-великор. *рóля рóлья* 'пашня' укр. *рилля* 'пашня', северно-великор. *рель* уже 'поемный луг', *рёлка* 'сенокос' (Колосов, северно-великор.). Обращает на себя внимание неустойчивость в обозначении угодий (то 'пашня', то 'луг'), что лишний раз подчеркивает наличие первоначальной диффузности термина, обозначавшего всякую землю коллектива без расчленения ее на угодия (ср. также пермск. *арай* 'сырое покосное место, где растет осока и пырей' (Мат. Срезн., № 133), *арайка* 'низменное болотистое место' (там же) (о распространенности подобного явления уже в языке древне-русской общины см. ниже). Сербск. *ра̏л, ра̏ло* 'морген', т. е. в данном случае термин оформился в меру земли любых угодий. Слов. *or* 'время пахоты', т. е. уже измерение времени (ср. *вытъ* 'земельная площадь' и *вытъ* 'известная часть дня'). В отношении технического оформления самого орудия (сев.-великор. *рало* 'соха') термин указывает на времена, когда не было еще отличия плуга от сохи и землю обрабатывали примитивным орудием. Так, болг. *орáло, рáло,* сербск. *óрало,* лат. ar-kls, литовск. ár-klas, арм. ar-awr, брет. ar-ar, лат. ar-atrum 'плуг'. Да и в русском глагол *орать* имеется в значении 'пахать плугом' (ПАН, № 261, с. Ураево Валуйск. у., Ворон. губ., 1901), 'пахать же сохой' в этой местности обозначается термином *пахать.* Др.-русск. *рало* 'плуг', 'сабан', 'косуля', 'соха' без различения плуга и сохи, что, конечно, еще не означает отсутствия различия между плугом и сохой в феодальной Руси, речь идет о названиях, которые показывают нам положение вещей в более ранние эпохи (ср. также жиздр. *пахарь* 'кол' — Второе доп.). При дифференциации примитивного сельскохозяйственного орудия на плуг и соху *рало* стало употребляться в различных местностях уже в специализированном значении (плуг или соха), в зависимости от того, какое из этих орудий господствовало в данной местности. В других местностях *рало* начало обозначать уже часть сохи или плуга. *Ральники* 'сошники' ПАН, № 180, и др., *ральник* 'рассоха', 'лемех', пермск. 'сошник' (Даль). В Скопинском уезде Рязанской губернии наличествует дальнейшая специализация термина: *арáлка* 'особый вид сохи' (МДК, I; № 25, 1902).

На первоначальную недифференцированность термина *орать* 'пахать' и примитивность орудия пахания указывает Н. Я. Марр: «Техническое выполнение этого акта можно доследить и доследживается до такого первич-

ного орудия, как рука».[1] Тот же термин сохранился и как название лошади, перешедшее на нее по производственной функции. Др.-русск. *оръ* 'конь', соврем. рязан. *оръ* (ПАН, № 133), *óря* (ПАН, № 277) 'мерин'; термин *оръ* в значении 'конь' встречался также в языке уральских казаков («чорт с радости заржал, словно *оръ*, и улетел», Железнов: Уральцы, т. III, изд. 2-е, 1888 г., стр. 410, цит. по статье В. И. Чернышева «Несколько словарных разысканий, Сб. ОРЯС, т. CI № 3, Л. 1928, стр. 27) (ср. совпадение названия плуга и лошади в литовском: *ár-klas* 'плуг' и *ar-klys* 'лошадь'), чешск. *oř*, старопольск. *horz* 'конь', англ. *horse* 'лошадь' (англ. *horse* Н. Я. Марр, связывает с нем. *Ross* и русск. *лошадь*, таким образом отбрасывая предположение о заимствовании русскими последнего термина).[2] Н. Я. Марр выясняет также культово-тотемистическое значение термина *орать*, сохранившего в себе пережитки космического мышления,[3] что еще раз подчеркивает глубокую древность этого слова и достоверность наличия в нем первоначальной «внутренней формы» — обозначение коллектива в его нерасчлененном представлении.

2. *Плуг.* В анализе данного термина принимаем за основу этимологию Н. Я. Марра. Первый элемент его (В) наличествует в акающей огласовке и с усечением конечного согласного (plu ∾ pul ⟶ pu || pa) в русск. *па-+-+-х-ать, па-ш-ня*.[4] Образование этих терминов по типологии аналогично *орать, орало, роля*, следовательно они восходят к той же исторической эпохе и соответственной стадии мышления. Здесь мы имеем обозначение и пашни, и орудия обработки, и самого работника, включая сюда и надстроечные понятия. *Пашня* первоначально не только 'вспаханное поле', но 'вся территория, занимаемая коллективом', и лишь позже пашня в современном смысле этого слова, а вместе с этим и 'пастбище', 'луг'. *Пажа* 'пажить', 'луг' или 'поле, на котором пасется скот', 'пастбище' (Даль).

Нерасчлененность угодий можно наблюдать и на ряде других терминов, которые пережиточно сохранили это явление. Так, др.-русск. *сад* употреблялось не только в современном значении, но и как 'луг', с дифференциацией 'трава', затем 'роща', 'деревья' (собират.), 'дерево', 'растение' (в ед. ч.). Др.-русск. *поле* означало 'луг', 'степь', 'открытое место', 'поляна', и даже

---

[1] «К семантической палентологии в языках неяфетических систем», Л., 1931, стр. 53.

[2] «Абхазоведение и абхазы», ВС, т. I, 1926, стр. 149—150 и др. его работы.

[3] «К семантической палеонтологии», стр. 52—53.

[4] «Яфетические языки. Избранные работы», т. I, стр. 308. Закономерность таких фенетических соответствий для лексики русского языка, уходящей своими корнями в дорусское состояние, в «яфетические» племенные языки Восточной Европы, Н. Я. Марр доказывает во многих своих исследованиях.

(здесь Срезневский ставит знак вопроса) 'сад'. Пережиток этого явления сохранился в современном кем. (северн.) *по́ле* 'луг возле села' (ПАН, № 280).

Нива в современных говорах сохранило значение: 'обработанное поле', 'пашня', 'посевы', но и псков., тверск. 'луг', 'пожня', 'трава покосная' (как отпечаток общинно-феодального строя ворон. *нива* 'десятина', рязан. полдесятины, т. е. термин был использован для обозначения меры земли ср. также *ни́ва* 'клин', 'участок'). Более того, муром. *ни́ва* 'стебли зерновых', 'солома' (ПАН, № 100), волог. 'окончание жнитва', 'окончание молотьбы' (ПАН, № 238). Очень возможно, что эти значения — отнюдь не производные позднейшего времени, а семантические остатки первичного комплекса, в который нерасчлененно входили и 'коллектив' и его 'деятельность', и 'территория', и 'продукты его деятельности'. Грязовск. *ни́ва* 'конец каждой работы' (ПАН, № 36). Этот термин, повидимому, прошел и стадию общинного переосмысления (подобно терминам *вытъ*, *соха*, и др., о чем см. ниже), что сохранилось в егорьев. (рязан.) *ни́ва* 'делянка общинного леса или луга' (ПАН, № 133), позже 'пашня всевозможных размеров' (там же). С потерей своей «внутренней формы», обусловленной общинными отношениями, слово начало обозначать, как мы видели выше, какие-либо угодия вне всякой связи с названием коллектива. Сюда можно добавить черепов. *ни́ва* 'полянка в лесу' (Кр. ПАН, № IX), белоз. 'незасеянная полоса, запущенная и заросшая молодым леском' (чаще ольхой) (МДК, II, № 116), олон. 'подсека, вновь распаханная в лесу' (Куликовский), яросл. 'мелколесье' (Копорский). Др.-русск. *луг*, кроме современного значения, имел и другие: 'болото', 'низменное место вообще', затем 'лес', 'дубрава', 'поле'.

Эти примеры весьма наглядно иллюстрируют выставленное здесь положение. Первоначально термин обозначал всю площадь коллектива, затем с переходом на новый строй мышления он в различных местностях специализируется на отдельных угодиях или вовсе сливается с названиями урочищ (по терминологии немецкой диалектологии становится flurname). Единство происхождения слов *плуг*, *па́шня*, *пастбище*, *пасти* вскрывается Н. Я. Марром и по линии культово-тотемистической надстройки. *Pas* в надстройке означало тотем скота. Халдск. *paqını* 'бык-пахарь', культово 'живая душа' (ср. абх. фsə душа, греч. фsw-qe душа), с чем неразрывно связано русск. *пахать*, морд. эрз. *pas*, у скифов *pasa* в слове *Argımaspa* 'Афродита-Урания', букв. 'неба-божество', впоследствии 'душа', 'дух', 'дуновение', 'запах' (груз. др. литер. *фши-гs* 'пахнет ароматно'), добавим от себя, русск. *па́хнуть*, *за-пах*, *пахну́ть*, *паха́ть* (сев.-великор. 'мести пол', 'подметать').

В связи с тотемом скота стоит и русск. *пасти*, а с ослаблением губного по норме *p*↘v и с гортанной и губной огласовкой бог скота—*Влас*, *Волос*.[1]

3. *Жито*. По палеонтологии речи, названия многих хлебных злаков (согласно законам функциональной семантики, подкрепляемой данными истории материальной культуры) произошли от названий продуктов, употребляемых на более низшей ступени человеческого развития, причем переход названий в древнее время происходил не в технологических путях, а в полном соответствии с мышлением того времени. «Получение новых слов, т. е. наречение новых предметов, хотя бы и старыми словами, представляло акт не словесный лишь, а производственно-магический и общественный, зависевший от дотоле сложившегося мировоззрения. Сама речь была частью производства, магически-теоретическим ее обоснованием. Вовлечение в хозяйство хлебных злаков взамен желудей воспринималось не просто с точки зрения смены одного растительного вида другим, а как акт, восходящий к научно еще не разгаданной творческой силе природы, собственно определенному конкретно-зримому ее выявлению в целом или в части, как то *небу*, *солнцу* и т. п. Следовательно, не название *дуба*, resp., желудей переходило на *ячмень*, впоследствии на *пшеницу*, как мы то воспринимаем, а название *неба* — *природы*, его частей, так *солнце*, одновременно и к их магически воспринимавшейся силе приобщался новый предмет питания в представлении современного творившего язык человеческого коллектива».[2] Эти слова Н. Я. Марра подкрепляют наше положение о связи терминотворчества для определенной стадии человеческого развития с осознанием 'коллектива', какой бы предмет слово ни означало, в данном же случае мы имеем непосредственное указание и на группу терминов, в которую входит и анализируемое здесь *жито*. По линии смены одной культуры другою при сохранении основы старого термина приведу несколько общеизвестных уже примеров, анализ которых дан Н. Я. Марром.

Как видно из вышеприведенной цитаты, название 'желудя', resp., 'дуба', перешло на обозначение различных хлебных злаков. Греч. *Balan-os* 'дуб', лат. *pan-ɪs* 'хлеб', финск. *pu* морд. эрзя *tu* + *mo*, коми *tu* + *pu* 'дуб', 'желудь', 'дерево', *pu*, resp. *mo* ⟷ *mu*' русск. *му-ка*.[3] Еще яснее становится происхождение русск. *му-ка* в составлении с груз. *mu-q̇a* 'дуб'. Второй элемент (A) обозначает также 'дерево': *q̇a* ← чанск. *ka* 'ветвь' мегр.,

[1] «Яфетические языки», стр. 308.

[2] «Яфетические зори на украинском хуторе». Уч. зап. Инст. нар. Вост., т. I, 1930. стр. 71.

[3] «Яфетическая теория», Баку, 1928, стр. 28.

чанск. *ḓa* ← *ḓal* 'дерево' и наличествует в груз. *q̇orbalɪ* 'пшеница', чанск. qo-val-ɪ → qo-al-i 'хлеб', русск. *хлеб*,[1] а по другой линии и русск. *кор-м*.[2] Аналогичное происхождение имеет и термин *жито*. Баск. *ar-te* 'дуб' перешло на название манса. Тот же элемент (A) у сванов *ḓɪ*, абх. *a-ḓ*, у мегрелов и чанов элемент C *tḱon* → *tkon* употребляется в значении то желудя, то дуба. В скрещении (A'D) термин означает уже 'мансовый хлеб' (чанск. и мегр.: V чанск. *ṭkud* ↘ *tkəd*), *ṭkɪd* → *ṭɪd* ↘ *шɪt*, русск. *жито*.[3] Переход с желудя, древесного питания вообще к питанию злаками в различных местах переходил на различные культуры, что и отразилось на употреблении термина *жито*. *Жито* стало обозначать уже не древесную пищу, а зерно вообще или какой-либо определенный злак, который первоначально заменял собою в данной местности все злаковые культуры. На юге и западе *жито* 'рожь' (орл., курск., смол. и др.), в Калужск. губ. оно означает уже пшеницу (ПАН, № 150) в Тверской губ. — яровую рожь (Даль; Бычков, Валд. у.), на севере — ячмень, на востоке — яровые хлеба, наконец, в разных местностях северо-великорусских говоров *жито* — всякое зерно, причем в настоящее время оно зачастую обозначает и всякое зерно, и какой-либо отдельный злак вместе. В. И. Даль производит этот термин от глагола *жать*, указывая предположительно и на связь со словом *жить*. Конечно, эта этимология неправильна, поскольку берется за основу отвлеченное действие вне учета исторических и материальных факторов, но между указанными Далем словами имеется определенная связь. И тот и другой термин обозначал первично древесную пищу. Литовск. *geniu*, *genėti* 'обрезывать сучья'. Переход с древесной пищи на злаки показывают и другие аналогичные термины. Так, др.-русск. *чьрсти*, наст. время *чьртя* 'резать землю плугом' (ср. сербск. *иртало* 'чересло плуга'), но и 'готовить деревья к рубке, сбивая с них кору'. Термин по функции перешел с обработки дерева на пахоту. Яросл. *руно* 'лес', 'кустарник', 'трава', а позже 'хлеб на корню', 'стебли гороха', 'овечья шерсть' (Якушкин). *Карзать* 'чесать шерсть', 'чесать лен, коноплю' (старо-лад. 1933), первоначально же 'обрубать сучья' (олон., новгор., тверск., сохранили это значение в живых говорах). *Сеча* обычно 'порубленный лес', 'пашня из-под леса', но оно имеется и в значении 'жнивье', перешедшем на него также по производственной функции *сечь* 'рубить лес' → *сечь* 'жать' (Булич). Ср. также

[1] «Китайский язык и палеонтология речи». ДАН, 1926.
[2] «Яфетические зори» на украинском хуторе», стр. 65—66.
[3] «Скифский язык», По этапам развития яфетической теории, 1926.

северн. *калега, калика* 'брюква', ижорск. *kalikka* 'брюква', финск. *kallika* 'сучок'.[1]

Сев.-великор. *кербь* 'связка льну', финск. *kärfve* 'связка из листьев или прутьев' (Грот, II). Те же семантические сдвиги показывают слова *клéча, клеч* с их производными, также *кéжа, кéжь*. Уржум. *клéча* 'палочка для стягивания веревочных привязей', южно-великор. *клéчанье* 'срубленные деревца и древесные ветви для украшения домов и церквей на троицу', шадр. *клеч* 'палка толщиною около вершка', олон. 'коромысло', но тульск. *клечёвье* 'гречишная мякина', яросл. 'дрожжи', великоуст. *клеч* 'стебель растения', вятск. 'стебель льна', тотем. волог. и шадр. 'стебель хмеля', нолин. 'льняная мякина' (Словарь А. А. Шахм.). Соответственно *кежь* 'ручка цепа', 'держалка', 'цепник', resp. 'дерево' → *кéжа* (стар. и областн.) 'пеньковая плотная ткань', 'пестрядь полосистая, разных цветов', шадр. *кеж* 'льняное изделие: полосатая пестрядь', пермск. 'пестрядь изо льна или конопли', *кежь* вытегор. 'отстой из ржаных высевок для киселя', шенк. 'отстой из ягод для киселя', каргоп. 'питье из овсяной муки с холодной водою', новгор. каргоп. 'пойло из овсяной муки для лошадей' (Словарь А. А. Шахм).

Аналогично приведенным выше терминам (*орать, плуг, борона, жито*) происхождение и ряда других сельскохозяйственных слов, употребляющихся сейчас без какого-либо осознания их прежней «внутренней формы». Эти слова в численном отношении составляют довольно большую группу, в которую входят названия и сельскохозяйственных орудий (*серп, цеп, лемех* и др.), и рабочего скота (*конь, лошадь, мерин* и пр.), и средств производства (*ток, рига, гумно* и т. д.), и продуктов производства (*полова, волоть* и др.), и прочих сельскохозяйственных отраслей.

Разрушение родовых отношений, возникновение частной собственности и выделение личности, ее возвышение над массой повлекло за собою и исчезновение подобного рода словообразования. Словотворчество первобытно-коммунистического общества, конечно, долго оставалось еще в качестве пережитка и в последующие эпохи, продукты его номинально еще сохраняли свои прежние конструктивные связи, сглаживаясь лишь постепенно, в процессе переосмысления старых терминов. Как пережиток древнего

---

[1] Заимствование из финского в данном случае бесспорно, но нужно учитывать специфику этого заимствования. *Каля, калига* и другие варианты этого слова — термины северно-великорусских говоров. Особенно они распространены в районах соседства русских с финнами. Слово заимствовано в условиях тесного общения обеих народностей, в связи с чем мы здесь наблюдаем его непрерывное семантическое развитие и в финских, и в северно-великорусских говорах одинаково. То же относится к слову *кáрзать* и другим аналогичным заимствованиям.

словообразования (конечно, уже приспособленный к социальной жизни эпохи), еще сохранивший свою языковую жизненность, вскрывается тип терминов, «внутренняя форма» которого связана с древне-русской общиной, перенявшей ряд черт первобытного общества по линии земельной собственности, общественного устройства и пр.[1] Конечно, эти черты не остались в их

[1] «Спор о том, существовала ли у нас искони поземельная община, ныне распадающаяся, начался не со вчерашнего дня: в своей классической форме он имеется уже перед нами в статьях Чичерина и Беляева, относящихся ещё к 50-м годам XIX века. Но данные для решения этого спора до последнего времени остаются чрезвычайно скудными... Наиболее правдоподобным ответом будет тот, что у нас феодализм развился непосредственно на почве того коллективного землевладения, которое мы определили, как «первобытное» — землевладения «печищного» или «дворищного» (М. Н. Покровский: Русская история с древнейших времен, том I, изд. седьмое, стр. 39—40). Поскольку вопрос о форме коллективной земельной собственности в древней Руси историками окончательно не решен, под термином «древне-русская община» я понимаю здесь не какой-либо конкретный тип хозяйствования, а коллектив, уже не первобытно-коммунистический, но все же сохранивший так или иначе коллективное землевладение. «Древне-русская община» сыграла очень большую роль в развитии экономики и культуры крестьянства, что не могло не найти свое отражение в языке. Как указывает М. Н. Покровский, «печища» на русском севере и «дворища» на западе пережили в отдаленных и глухих уголках чуть ли не до нашего времени (цит. соч., стр. 17—18). Пережитки коллективной собственности на луговые угодья во многих местностях сохранились вплоть до коллективизации. Как племена, которые образовались из патриархального рода, так и самые «родовые» коллективы имели свои особые наименования, которые передавались «древне-русской общине». Естественно, что подобного рода местных общинных терминов было очень много; письменные памятники и крестьянские говоры сохранили нам лишь ничтожную часть этих названий: процесс схождения племен на основе феодализации страны повлек за собою унификацию общинных наименований, массовое вытеснение местных терминов и перевод их со ступени «самоназваний» местных общин в разряд нарицательных слов. Возникновение земельной частной собственности довершило этот процесс. Писаная история сохранила нам лишь названия племен (первоначально бывших названиями родов). «Выть», «соха» и подобные им термины — уже «нарицательные» наименования любой общины той или иной местности (характерно, что термины эти в большинстве случаев в современных говорах имеют не повсеместное, а областное распространение, что является пережитком их первоначальной соотнесенности к узко-ограниченной территории; к одному коллективу, позже группе коллективов племени). Но язык сохраняет в себе отпечатки прежних социальных отношений, поэтому уже «нарицательное» название общины по своей семантической структуре имеет много общего с наименованием рода: во-первых, «внутреннюю форму», не объяснимую средствами современного русского языка, во-вторых, комплекс значений, анализу которого посвящены эти главы моего исследования.

После возникновения земельной частной собственности и собственности на средства производства, «древне-русская община» становится чисто финансово-юридическим институтом, который поддерживается феодалами в целях наилучших форм эксплоатации крестьянства. Возникают податные единицы, которые частично получают новые наименования, частично же используют старые. Таким образом, обозначения податных единиц, в семантическом отношении потерявших свою «внутреннюю форму», ведут свое начало от наименований «древнерусской общины» (за исключением заимствований). На это явление должны обратить внимание не только лингвисты, но и историки, которые часто, не считаясь с законами семантического развития слов, принимают за первичное (по линии называния социально-экономических отношений) обозначения податной единицы и прочих характерных особенностей *феодального* общества (например, некоторыми историками считается, что «соха» в значении 'коллектив' 'податная единица', 'мера площади' и пр. — нововведение татар-завоевателей).

чистом виде, они входили как составной элемент, как один из своеобразных «укладов», в феодальное общество. Общинные коллективы зачастую поддерживались феодальным государством и церковью хотя бы в целях наиболее удобного взимания налогов.[1] Это находит свое отражение в сельскохозяйственных терминах. Название общины, прежде — рода, переходит на название общинной группы плательщиков, податников, также на меры земли, самую подать и т. д. По своей семантической структуре этот тип является как бы переходным между первым типом (термины, утерявшие свою «внутреннюю форму» с переходом их в классовое общество) и словами, имеющими ясную «внутреннюю форму», образовавшимся в своем подавляющем большинстве уже после трансформации различных племенных языков Восточной Европы в русский язык.

Термины, сохранившие пережитки древне-общинного строя

1. *Выть*. В современных русских говорах этот термин сохранился в значении измерения площади и времени, надстроечно судьбы, рока и пр., а также названия сельской общины или ее части и различных общинных отношений. *Выть* 'часть сельской общины, группа домохозяев, объединенная общим владением большим участком земли' (МДК, I, № 7), яросл. в том же значении *вытка* 'общая полоса нескольких домохозяев' (Якушкин). В древне-русских памятниках *выть* также не только 'мера земли', но и 'название общины'. Симб. *выть* 'пай или надел в лугах', который лишь устанавливается на время сенокоса, после чего луга опять становятся общими без каких-либо меж и подразделений (общинное пользование лугами было весьма широко распространено до самой коллективизации).

При барщинном хозяйстве *выть* 'общество крестьян, отбывающее барщину'. Так, тетюшск. (казан.) *выть* — 'часть барщины'. «Выражение *две выти* значит: все крестьяне известного поместья делятся на две половины, из коих одна работает на помещика, выходит на барщину в первые три дня недели, а другая — в остальные» (Мат. Срезн., № 63).

Пермск. *выть* 'тягло', 'часть земельного надела', 'доля земли при разделе' (Мат. Срезн., № 132), тихв. 'доля', 'участок' (Мат. Срезн., № 116). Интересно, что в производных словах, уже потерявших в своих

[1] М. Н. Покровский пишет, что еще во времена «Русской Правды» землевладельцы практиковали «круговую поруку» среди крестьян для удобства их эксплоатации, «дисциплинирования», тем самым способствуя сохранению общинного коллектива (Очерк истории русской культуры, ч. I, М.—Л. 1925, стр. 86).

значениях непосредственную связь с общиной, все же остается выражение коллективного, принадлежащего к общему, так, владим. *вытный* — «человек, совмещающий в себе все хорошие качества обыкновенного, не выходящего из ряда вон человека. Например, жена говорит про мужа: «Пришел муж с заработков, как и вытный, честь честью» (ПАН, № 281), буквально, как и все. Уфим. *вытный* 'большой', 'взрослый', 'ученый', 'грамотный' (Мат. Срезн., № 166), яросл. *вытка* 'середка пирога' (Копорский). Характерно, что *выть* обозначает 'пай', 'часть' (там, где это значение сохранилось) в большинстве случаев в общинном землепользовании, главным образом, в лугах. *Выть* — 'земля в индивидуальном пользовании' — позднейшее образование (*выть* 'участок пахотной земли в полях, принадлежащий отдельному крестьянину' (ПАН, № 163). С постепенной потерей своего основного признака — названия общины данное слово начинает обозначать лишь территорию общины, тогда как это частное значение раньше стояло в неразрывной связи с основным. *Выть* (тверск., владим., рязан.) просто 'пашня', 'загорода', 'ограда', 'двор', 'строение', причем и здесь в некоторых случаях сохраняется остаток прежнего значения: *выть* 'ограда вокруг общинных лугов' (АГО, № I, 48). Как производное от этого значения (позднейшее образование) *пустовыток* 'необработанная и неудобренная земля' (ПАН, № 155).

Впоследствии *выть* уже начинает обозначать не территорию общины вообще, а определенную площадь земли, т. е. постепенно (так как размеры этой площади были сначала крайне неустойчивы даже в одной и той же местности) становится термином измерения.[1] Происхождение этого слова как термина измерения от названия земельного владения всей общины явствует и из того, что первоначально он обозначал сравнительно большую площадь земли, соответствующую земельному владению общины, потом ее размер постепенно уменьшался. По Бурнашеву, *выть* равнялась 19 дес. А. А. Потебня указывает, что размеры ее колебались от 6 до 10 дес. (Этим. эт., стр. 124), а по Подвысоцкому (Арханг. губ.) *выть* равнялась $^1/_{67}$ *сохи*, *соха* же составляла всего 1512 кв. саж. Но этим характеристика *выти* не заканчивается. Этот термин имеет также такие значения, как определенный 'отрезок времени', 'время от завтрака до обеда, от обеда до ужина', и т. д., 'участок земли, обрабатываемый в один прием'. Здесь мы сталкиваемся с образованием уже другой системы измерения площади и времени, при

---

[1] Более подробно о происхождении терминов измерения из названий коллектива см. Ф. Филин. К вопросу о происхождении понятий измерения (термин «верста»), Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру, Л. 1935, стр. 371—379.

которой название общины получало чисто производственное значение, причем в большинстве случаев для такого рода единиц измерения создавались новые термины по признаку чисто технического действия (*гон.*, *залóга* и др.), или определенного отрезка времени (ср. *денник* 'площадь земли, вспаханная за день', Дубен. р-н Моск. обл.), что говорит о сравнительно позднем образовании подобного рода слов. В связи с этим новым значением *выти* возникают и деления дня. Деления дня на *выти* сохранило свое строго производственное значение: оно производится только в рабочую пору, в остальное же время года *вытъ* вовсе не обозначает времени. Как производные от деления дня на *выти* возникают новые значения: *вытъ* 'время принятия пищи' (отдых — в противоположность работе), 'обед', 'ужин' (АГО, № I, 48), затем отвлеченное 'потребность' вообще.

Вытъ в значении времени, момента принятия пищи получило в северновеликорусских говорах очень широкое распространение, причем в ряде случаев слово порывает со своей первоначальной функцией и получает общее, отвлеченное значение. Шадр. *вытъ* «общее название завтраку, обеду, паужне, ужину, полднику, в какое бы время это ни случилось» (Мат. Срезн., № 141), никольск. (волог.) 'обед, завтрак и ужин и вообще количество пищи, употребляемое в один раз для насыщения' (Мат. Срезн., № 33), 'количество пищи, съеденной за обедом' (ПАН, № 238), 'время от еды до еды', 'обед' (Мат. Срезн., № 109), 'аппетит', *«вытью естъ»* 'кушать в урочное время' (Мат. Срезн., № 29), *«выходитъ из выти»* 'почувствовать голод' (Калинин, онеж.), наконец, *вытъ* 'обед или ужин, за который платят деньги' (Мат. Срезн., № 130).

Другие отвлеченные понятия идут уже от названия общины, коллектива. *Вытъ* 'участь', 'судьба', 'рок' явно указывают на культовый характер термина в его прошлом, когда вне коллектива не мыслилась жизнь индивида, самая же сила коллектива осознавалась магически.

2. *Соха.* Аналогичное *выти* строение имеет термин *соха*, означающий не только известное сельскохозяйственное орудие, но и общину и меру земли. *Соха* — 'небольшая община от 30 до 60 дворов вместе с принадлежащей ей землей'.

Пережиточно это слово в функции обозначения коллектива сохранилось в тихв. *посóха* 'артель, толпа рабочих или других людей, проходящих через деревни и останавливающаяся в избах на обед или на ночлег' (Мат. Срезн., № 116). Соликам. *посóха* 'большая толпа, большое количество проезжих или рабочих' (Второе доп.). Даль также фиксирует слово у вологодских половников как термин измерения, но который имеет смысл

лишь как выражение факта земельного владения — волог. *соха* 'две десятины в каждом поле, всего в трех полях 6 десятин'. Размер здесь играет лишь второстепенную роль, на первом плане принадлежность земли (уже индивидуальному хозяину). В других местностях в связи с этим же размер *сохи* постоянно колеблется: 3 дес., 5 дес. и т. д., т. е. примерно земельная площадь одного крестьянского хозяйства. Этот пример наглядно показывает переход названия общины на название частного землевладения в связи с возникновением частной собственности. Затем *соха* — 'мера земли вообще', причем в этом значении по Подвысоцкому она равнялась только 1512 кв. саж. (см. выше).

Помимо этих значений, *соха* — 'земледельческое орудие'. Как увязать *соху* 'земледельческое орудие' с вышеприведенным комплексом значений? На взгляд поверхностного наблюдателя казалось бы самым подходящим привести аналогию: в современном языке имеются выражения: 'десять труб', 'десять домов', 'десять сабель', 'сто голов' и пр. и пр. В этом же плане также пошло бы и 'десять сох', 'десять хозяйств' или 'десять общин', т. е. первоначальное значение *сохи* 'земледельческое орудие', остальные же — переносные.

Такой взгляд был бы глубоко ошибочным. Нельзя переносить нормы современной речи на все стадии развития языка. Этому противоречат факты. *Соха* 'сельская община' более первичное, чем *сохá* 'частное землевладение'. Неужели на всю сельскую общину имелась всего одна соха? Что за странная метафора. Помимо этого, целый ряд терминов однотипного образования включает в себе то же значение сельскохозяйственного орудия (ср. *плуг, борона, обжа* и много других), где трудно предположить подобного рода семантический перенос. Термин *соха* мы застаем в значении сельской общины, но еще раньше он восходил к племенному названию, имея, как и *выть*, культово-магическое значение. По поводу слова *соха* Н. Я. Марр писал: «Нам кажется, что к предмету нельзя прежде всего подходить таким образом — из чего сделано, как сделано, — но под углом того, какие давались предмету тогда функции. А это вовсе не вытекало из того, что сделано и как сделано. Поэтому ученые при таком упрощенном «материалистическом» подходе говорили: «соха — деревяжка, а плуг — что-нибудь другое». На деле же вопрос был в том, какое назначение имели эти орудия. Оказалось, что плуг и соха — это просто скифские слова, магического порядка, впоследствии означающие бог».[1] Технически же *соха*, как

[1] «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», М., 1930, стр. 50.

и *рало* и *плуг*, первоначально означала примитивное земледельческое орудие, просто заостренную палку, впоследствии мотыгу. «На более ранних ступенях развития первобытного общества, еще до изобретения колеса, груз. *ϑo-q̇[a]n* в хозяйственном обиходе прошел стадии с функции по работе с мотыгой (груз. *ϑo—q̇*, абх. *a-ϑ̣̱a + g*), груз. *ϑoq̇n-a* и сохой (русск. «соха» ← *soq̇a[n]*, груз. *sa-q̇n-г + s*), причем русский термин ценен своим женским родом, удостоверяюшим, что работа сохой, как, впрочем и мотыгой, входила в те эпохи в инвентарь женского труда, и дело изменяется с «плугом» (нем. *Pflug*) — образованием иберской группы.»[1] Сюда же Н. Я. Марр относит и арм. *ďo-ğ*, груз. *ďo-q̇* 'палка, первопачальное орудие обработки земли'. Что *соха* как земледельческое орудие имеет именно такое происхождение указывают другие ее значения. Др.-русск. *соха* 'кол', 'дубина', 'палка', 'подпорка', затем 'рассоха', 'сошка', по линии охоты 'составная часть самострела'. В современных говорах *соха* — 'палка', 'жердь', ср. также *по-сох*, *по-сош-ок*, астрах. *сохá* 'кол с двумя развилинами' (Мат. Срезн. № 12). Основная часть *сохи* — *сошники* — кое-где в глухих уголках чуть ли не до наших дней являлись не чем иным, как соответственно отесанными палками, без металлического покрытия. Принцип вспашки почвы сохой тот же, что и заостренной палкой — простое взрыхление. А. А. Потебня не без основания, с нашей точки зрения, связывал термин *соха* со словом *сук*. В добавление к вышесказанному о *сохе*, как термине, обозначающем коллектив, общину напомним о доселе существующем выражении «мелкая сошка» — 'человек, занимающий незначительное общественное положение'.

3. *Ларь*. Е. Якушкин дает интересные сведения об этом слове, которое обозначает участок усадебной земли, отведенный целой группе домохозяев. «В с. Прилуках Мышкинского у. усадебная земля делится на 11 ларей. Каждый ларь называется по имени старшего домохозяина в группе. Каждая из групп делит сама между домохозяевами доставшийся ей ларь. В некоторых ларях нет постоянных границ, а ларь делится на *латушки*, мелкие участки. Число латушек в некоторых ларях изменяется ежегодно. Так как часть усадебной земли с. Прилук понимается водою неодинаково каждый год, то и качество травы в разных частях ларя бывает различно, от этого зависит и число латушек. Латушку делят домохозяева между собою косьями» (стр. 18). *Ларь* в данном случае, несмотря на специализацию своего значения (обозначение только усадебной земли и лишь части

---

[1] В тупике ли история материальной культуры? Л., 1933, стр. 75.

сельской общины, вероятно соответственно податной единице феодального времени), сохранил более древнее значение, чем *ларь* 'закром', 'хранилище', 'ларчик', тем более современный *ларек* и т. д., хотя *ларь* 'хранилище' имело когда-то значение общинного, коллективного хранилища.[1] Аналогичное построение имеет и яросл. *кон* 'часть поля, которое относится уже не к усадебной, а пахотной земле'. Каждое поле разделяется на ряд участков — *конов*, которые являются общинной собственностью и устанавливаются в своих размерах общиной, а внутри разбиваются на ряд полос — частных владений домохозяев. Эти владения непостоянны: *коны* часто переделяются в зависимости от разных обстоятельств (Якушкин). От *кона* имеем производное (o ⟶ u) *накунка* 'прибавок земли тому домохозяину, который при разделе получил менее удобный участок'. Муром. и шуйск. *ку́нка* 'ток', также 'дощечка, которой катали яйца во время пасхи' (Мат. Срезн., № 20). Первоначально *кон* — вся территория коллектива, как и самый коллектив, без дифференциации еще начала и конца. *Кон* — 'начало', но и 'конец', 'предел', 'межа', 'рубеж', впоследствии 'ряд', 'порядок', 'очередь', 'раз' (Даль).

4. *Кол* 'общинная земля', resp., 'община', в яросл. 'право пользования землей в общине' («количеством колов обозначается право каждого участника в общей даче на известную часть земли» (Якушкин, стр. 15). Выражение «ни кола, ни двора» означает полное безучастие во владении землей» (там же), затем вообще право пользования землей. («В Ивановской пустоше у трех помещиков 5 колов, а у экономических крестьян 4 кола, т. е. государственным крестьянам принадлежит $^4/_9$ всей земли в пустоши Ивановской», там же.)

Тамб. *кол* — 'группа домохозяев, получающих при переделе земли один общий участок' (Словарь А. А. Шахм.), 'земельный участок, находящийся в общинном землевладении', — «*у Ивановских крестьян в этом участке один кол, а у остальных деревень три кола*, т. е. Ивановским крестьянам принадлежит четвертая часть общего земельного участка» тамб. (Словарь А. А. Шахм.), 'мера земли', 'узкая полоса земли'; яросл. 'полоса пахотной земли в две сажени шириною' (Словарь А. А. Шахм.). Позже (что случилось почти со всеми аналогичными терминами, и это дает нам право говорить об определенной семантической закономерности, обусловленной изменением общественных отношений)

---

[1] В случае, если термин *ларь* является позднейшим заимствованием с Запада, что сейчас трудно решить, можно предположить, что *ларь* в силу каких-то условий заменил собою местный же термин, от которого он перенял семантическую структуру.

кол теряет связь с общиной и начинает обозначать уже в отвлечении какое-либо угодие. Псков. *уколóк* — 'островок, отдельный клок, участок леса' (Даль), шадр. *колок* — 'березовый или осиновый лесок среди поля' (Мат. Срезн., № 142), 'перелесок на низменном месте', 'всякий мелкий невысокий лес', 'группа мелких деревьев, растущих на полях в ложбине', 'небольшая роща', 'огороженный участок леса' и т. д. (Словарь А. А. Шахм.). Термин сохранил также и культовое значение. *Кóло* 'колесо' (ср. соврем. *кол-есо*), 'круг', 'окружность', 'хоровод южных славян' (Даль), resp., 'солнечный круг'... «'Телега', колесо, круг и их синонимы носили при полисемантизме речи название общее с названием 'неба', и, во-вторых, 'небо' и 'время' в то же время обозначались одним словом».[1] *Кол*, вероятно, обозначало и примитивное земледельческое орудие, как *соха*, *рало* и др., но оно в этом значении было вытеснено другими терминами и специализировалось как 'заостренная жердь', порвав непосредственную связь с земледельческими орудиями.

5. *Кулига* в современных говорах — 'участок, не вошедший в тягловый надел, т. е. остающийся в чисто общинном пользовании (луга, пастьбища)', 'небольшой покос'. Первоначальное значение 'коллектив', позже древне-русское и кое-где в современных говорах, 'мера земли', затем тамб. 'клин земли', 'полоса', 'загон', наконец 'урочища', 'угодья', тамб. 'ровное место, чистое и безлесное', пермск., арханг., наоборот, 'клин леса', 'луг, расположенный особняком среди пашен или в лесу', 'прогалинка', 'остров', тверск., рязан. 'лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пожню или пашню', 'росчисть', 'подсека' и пр., вятск. 'выселок', или деревня в лесу. На общинный характер указывает орл. *кулига* 'пай, доля в лугах общинного пользования' (Сахаров, Ильинская вол. Болх. у. Орл. губ.) 'группа людей' (МДК, I, № 14), 'бедное население' (Кр. ПАН, № IX), но в подавляющем большинстве случаев *кулига* сохранилось только как обозначение различных урочищ и угодий, также неопределенной меры земли. Орл. *кулига* 'полуостров в реке' (Сахаров), казан. *кулижка* 'островок на ниве с хлебом' (Будде), 'небольшой участок земли' (Мат. Срезн., № 133), 'сенокосный участок среди поля' (Мат. Срезн., № 8) и т. п. В некоторых местностях за последнее время этот термин вовсе теряет всякую определенность и находится на пути к быстрому вымиранию. Так, в д. Селино (Дубен. р-н Моск. обл.) *кулига* у одного крестьянина

[1] Н. Я. Марр. Родная речь как могучий рычаг культурного подъема. Л., 1930, стр. 17; см. также: «Шумерские слова с основой». ДАН, 1924, стр. 45—46 и другие его работы.

обозначает 'лужок', у другого — 'запущенную пашню' у третьего — 'большую площадь земли' («Экую *кулигу* нам прирезали в революцию», С. М., 1933), некоторые уже говорят: «это слово мы слышали, но уж забыли, что оно значит. Дедушка покойный что-то говорил» (П. П., 1933).

6. *Обжа*. «В XV в. количество обж в деревне приблизительно соответствовало количеству дворов и хозяев» (А. А. Потебня, Этим. эт.). Это замечание дает основание предположить, что данный термин был также и названием общины, resp., коллектива (по закону перехода от общественной собственности к частной, см. *выть* и др.).

Современные говоры не сохранили этого общинного значения, и мы имеем *обжу* лишь в значении термина измерения и названия сельскохозяйственного орудия. *Обжа* (северн.) — 'часть пашни, вспахиваемая одним работником за день'. На древне-русском севере *обжа* входила в особую систему измерения: три *обжи* составляли *соху*, арханг. две *обжи* — лук (Даль), и наоборот, два лука — *обжа* (Подвысоцкий). *Обжа* как сельскохозяйственное орудие означает 'сошные оглобли', 'сошные или плужные рукояти'. Можно предположить, что *обжа* в техническом отношении раньше являлась примитивным орудием типа сохи или кола.

7. *Деревня*. Ряд терминов анализируемого здесь типа сохранил более первичное значение, чем община или часть общины. На ряду с обозначением земли и угодий, слова этого рода сохранили значение коллектива в целом, причем в дальнейшем они развиваются и как меры измерения земельной площади и как названия поселенных мест уже отвлеченного порядка, а при феодализме оформляются как названия территориальных государственных единиц, поселенных пунктов и пр. Северн. *деревня* не только 'поселение', но и 'поле', 'пашня', 'новь', 'росчисть', 'роспашь'.

Деревня 'пашня' (ПАН, № 193), 'поле' (Калинин, онеж.). Калинин замечает, что термин этот в данном значении почти вышел из употребления и встречается, главным образом, в песнях, пословицах и поговорках: «У милого за двором есть *деревня* — чернозем», «Наша *деревня* не клином вышла». Горяев в качестве параллелей приводит литовск. *dirva* 'пашня', русск. *дерба*, *дербина* 'новь', областн. *дырван* 'заросшее невозделанное поле', др.-русск. *дор* 'пастбище', 'сенокос'. *Деревня*, как и многие приведенные здесь термины, обозначает различные угодия, следовательно первоначальное его значение в этом плане — вся площадь коллектива, специализация происходит позже. Н. Я. Марр определяет первую часть слова *деревня* как элемент *А* (*дер-*), который наличествует в том же значении и в русск. *сел-о*. Тот же элемент отложился и в значении города

(с возникновением противоположности между городом и деревней) в греч. *P-tol* + *ι-s*, *Pol* + *ι-s*, лат. *ur-b-s*.[1] В этом же плане разъясняется и племенное название *древляне, деревляне*, которое неверно производили от более позднего и частного значения людей, живущих среди деревьев (производили, собственно, по тому же принципу, по какому переосмысляется «народной этимологией» слово, потерявшее свое прежнее значение), так же как и *полян* от *поля* — открытого места. Ни *деревня*, ни *поле* не обозначали раньше только какое-либо одно угодие. Они обозначали всю площадь коллектива, resp., самый коллектив. Слово *село*, так же как и *деревня*, обозначало не только поселение, но и землю общины. Село «не позже, чем в половине X в. имеет уже значение населенного места» (А. А. Потебня, Этим. эт.), раньше же оно обозначало недифференцированное понятие: 'населенный пункт + принадлежащая ему земля'. С момента дифференциации *село* начинает обозначать участок земли, «с коим связано было право пользования общинными угодиями (каковы луга, леса с ловищами и бобровыми гонами, берега вод с рыбными ловлями)» (А. А. Потебня, Этим. эт., 115), т. е. проходит опять через общинные отношения, затем стабилизируется (не достигнув территориальной определенности) как термин измерения уже вне связи с общиной, *село земли* стало обозначать участок земли частного землевладельца, подлежащий купле и продаже. В современных говорах *село* обозначает лишь селение, хотя в производных словах и сохранились кое-где остатки старого значения: др.-русск. *селище*, 'жилая земля', 'поле', 'пашня'. В д. Селино (Дубен. р-н Моск. обл.) *селúще* 'усадебная земля, засеваемая коноплей' (колхозники, 1933, 1934). Н. Я. Марр неоднократно указывал, что *село* первоначально — название коллектива, resp., племени. Аналогичную историю имеют др.-русск. *весь* 'деревня', 'село', *волость* (др.-русск и соврем. волог.) 'земля', 'поле', resp., 'община', позже — 'территориальная государственная единица' и др.

Куликовский приводит слово *обúйна́, обчúна*, которое в олонецких говорах имеет комплекс значений, весьма характерный для анализируемого здесь типа терминов. Мы вовсе не хотим относить *община* в том его виде, как он сейчас нам представляется, к древнему семантическому образованию. Возможно, что слово это сменило собой другое слово, от которого оно получило по функции весь старый комплекс значений. Самый термин может быть производным, позднейшим явлением, даже заимствованием, но при известных условиях он все же может сохранить пережиточ-

[1] «Ольвия и Альба Лонга». ИАН, 1925.

ную семантику, унаследованную им от старого слова. «*Община* (р. Онега, Моша Каргоп. у.), *обчина* (Волосовская вол. Каргоп. у. Устьвельга Каргоп. у.) — участок, которым пользуются сообща группа домохозяев, иногда целая деревня или несколько, будет ли это сенокосный участок, подсека, рыбная ловля — безразлично; тем же именем зовутся участки, принадлежащие целому обществу или его части; так, например, некоторые из покосов, прежде принадлежавших миру, теперь поделены на «трети» (Мошенское озеро, Заречное, Ильинское общества), и группы обывателей ежегодно переходят с одной трети на другую, пока не дойдут до первой доставшейся на их долю и т. д. В других обществах и деревнях той же волости *трети* эти зовутся *общинами*, например д. Кипровская Фатьяновской волости делится на 6 общин, д. Парфеновская — на две общины, по 30 человек в каждой, и, наконец, д. Сельская Лимского общества представляет собою уже одну *общину* в 40 домохозяев». Весьма характерно, что и после разделения общины, коллектива, старое название в ряде случаев переносится на отделившиеся части. В названии же угодий принимается признак принадлежности к общине, а не особенности самого угодия. Так было показано на многочисленных примерах выше, что с потерей связи с общиной слово закрепляется за каким-либо угодием, и если в других местностях старое значение не сохраняется, то прошлое слова можно вскрыть лишь путем палеонтологического анализа. Любопытный случай перехода названия общины на название угодия (любопытный по своей совершенной ясности, так как здесь все лежит на поверхности) представляет нам термин *вотчина*. *Вотчина* первоначально коллектив, община, при феодализме — поместье феодала. Казан. *вотчина* — господское село или деревня, но также и пчельник. «Здесь . . . говорят так: «что житье Зубаревым, *вотчина* у них большая, кряжев (т. е. ульев) 300 есть» (Мат. Срезн., № 59). Если в казан. слово *вотчина* сохранило значение 'пчельника' на ряду со значением 'господская деревня' и связь с феодальной общиной еще не порвалась, то охан. (пер.) *во́тчина* 'пчеловодство', *во́тченник* 'пчельник' (Мат. Срезн., № 130) уже вне всякой связи с обозначением каких-либо общинных отношений.

Уже с переосмыслением, но все же со сходным семантическим комплексом, в олонецких говорах наличествует и слово *сябра́* 'община', 'артель', 'общее дело' (Куликовский).

На основании всего этого можно утверждать, что целый ряд анализируемых здесь слов возвысился (еще до образования русского языка) до названия целого племени, включающего несколько родовых общин, другие

же термины остались названиями родовой общины, но и те, и другие (речь идет о вошедших в русские говоры) или переоформляются в названия уже древне-русской общины феодальной эпохи, или, минуя этот этап развития, при потере всякой связи с родовой общиной, превращаются в названия различных земельных угодий или урочищ, причем многие из них получают и новое морфологическое оформление, соответственно строю русского языка.

В дополнение можно указать еще на ряд слов, по своей семантической структуре относящихся к этому типу. Таковы: яросл. *ляд* 'низменная поляна в лесу' (Якушкин), новг. *лядина* 'островок в болоте'; культово-надстроечно *ляд* 'злой дух', 'чорт', ср. «на кой ляд он мне нужен» (д. Селино, П. П., 1934), *ледина* 'лужа', 'болото' (ПАН, № 170), 'чаща леса', 'непроходимый бор' (ПАН, № 162), *ляда* 'поляна, очищенная под пашню среди мелкого леса' (ПАН, № 178) и т. д.; *постать* 'пай' 'покос', 'поле', 'пашня', 'нива', 'часть загона в ширину, которую захватывают жнецы', 'пора', 'время уборки хлеба', 'начало какой-либо сельской работы', и др., моложск. *челень* 'пай в общинной земле', *пещище* 'надел земли в деревне' (Томилов, арханг.; ТМДК, XI, 1930, 15), *калуга* 'поемный луг', 'пожня', 'болото', resp., 'название земельной площади коллектива и самого коллектива', в связи с чем должно выясниться и топонимическое название города *Калуга* (которое считали или заимствованным словом или производили от отвлеченного 'лужа', 'болото', что, конечно, далеко от действительности), др.-русск. *кость* 'мера земли', *обод* 'огороженное место в лесу для рабочих лошадей' (Куликовский), 'луг близ деревни' (ПАН, № 30) и др.

В заключение характеристики терминов, сохранивших пережитки древне-общинного строя, обобщим семантические элементы, так или иначе повторяющиеся в них, которые и позволяют нам говорить об этих словах как входящих в определенный семантический тип. «Внутренней формой» их является община, общинные отношения, вокруг чего переплетаются все остальные значения. К другим сопутствующим элементам относятся: 1) земельная площадь общины, resp., рода, еще раньше коллектива, которая расчленяется в названия: индивидуальной земельной собственности, дающей основание появиться терминам измерения (с использованием тех же названий общины), также части общины как податной единицы; с другой стороны, с потерей представлений об общине — обозначения различных земельных угодий (уже расчлененно), далее урочищ (названия урочищ образовывались и минуя семантическую связь с общиной, непосредственно после потери представления о принадлежности к роду, resp., коллективу); 2) сельскохозяйственное орудие, без различения еще плуга

и сохи, которое происходит позже; 3) член общины и сельскохозяйственная работа, откуда происходят особые наречения времени; 4) культово-надстроечные представления (рок, судьба, участь), которые возникают еще задолго до общины; связь их с последней (обозначение одним и тем же термином) в древне-русской общине была лишь номинальной; 5) населенный пункт уже в отвлечении от общины и административная единица.

Условно схематически этот комплекс значений, составляющий сущность данного типа, можно изобразить в следующем виде (см. стр. 61).

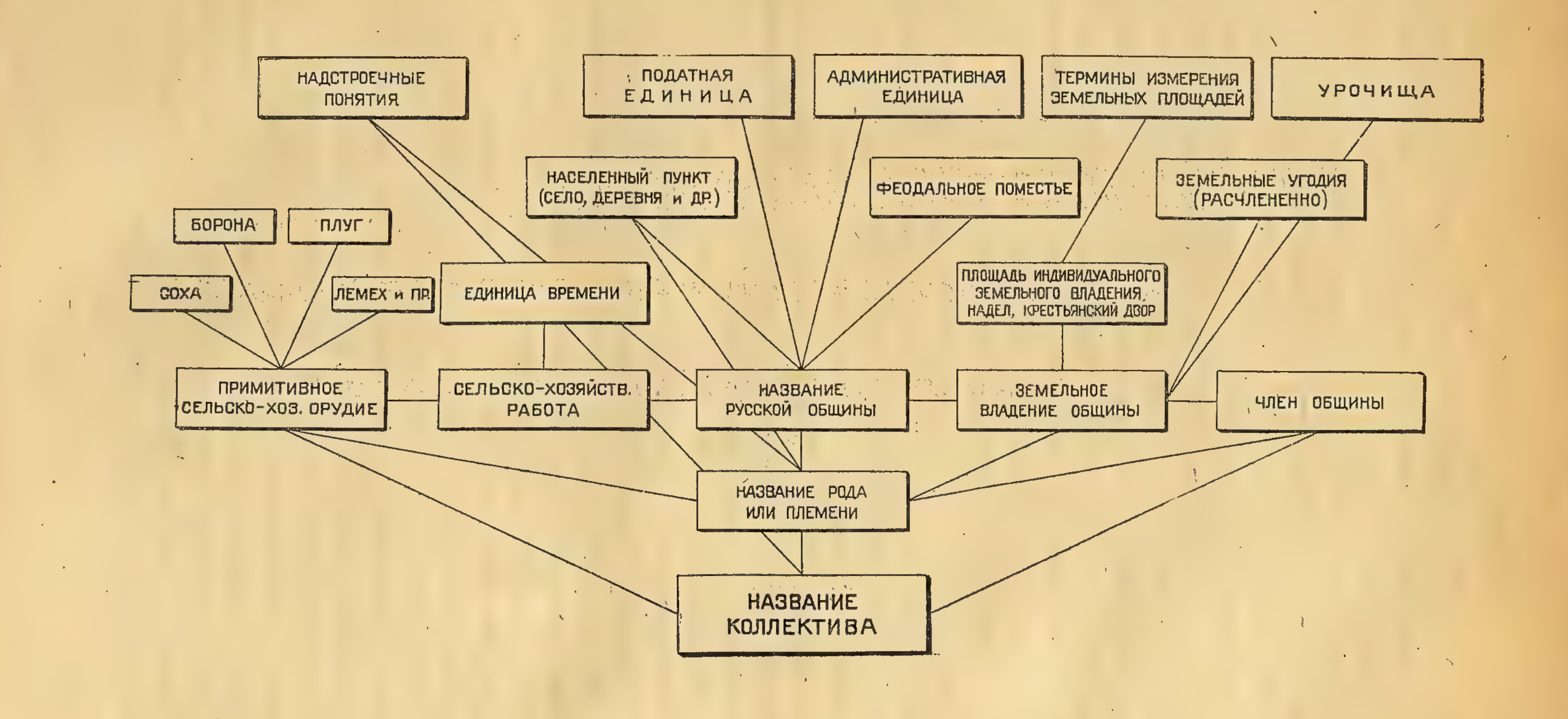
Конечно, не все сохранившиеся названия общины восходят к обозначению рода или племени, resp., коллектива, так как происходила их замена терминами позднейшего образования (*постать*, *пещищо* и др.), но это не меняет существа дела, поскольку новообразования продолжали ту же семантическую линию, что и сохранившиеся обозначения рода.

Большинство из терминов, которым посвящена настоящая глава, генетически восходит к тому же слою слов, которые окончательно утратили свою начальную «внутреннюю форму». Если брать в отвлечении такие термины, как *ора́ть* и *выть*, *плуг* и *соха* и пр., то между ними нет никакой разницы. Для нашего современного мышления *плуг и соха*, по своей технике сложения, тождественны, но для феодального времени эти слова имеют существенные отличия, которые и позволяют нам сконструировать особые семантические типы. Если в словах первого типа (*плуг*, *орать*, *жито* и др.), утративших свою «внутреннюю форму», весь комплекс значений настолько переосмыслен, что связь тех из них, которые генетически восходят к одному и тому же семантическому пучку, сохраняется лишь номинально (скажем, *орать* 'пахать', *рать* 'войско', *орать* 'кричать' и т. п. — значения, для современного мышления ничем не связанные), то термины, сохранившие пережитки общинных отношений, представляют собою актуальные семантические ряды, в которых значения объединяются в комплексы с реальными связями. *Соха́* 'община' и *соха* 'общинная земля', далее 'земельная мера' не то, что *орать* 'пахать' и *орава* 'толпа'. Термины, выражавшие общинные отношения, получили совсем другое переосмысление, чем термины первого типа. *Плуг*, *жито* и др. полностью «технологизировались», тогда как *выть*, *село* и пр. сохранили в себе пережитки прежней техники словосложения, предшествующей стадии развития мышления, поскольку они выражали также пережитки предшествующего общественного строя. Тем самым автор вовсе не думает семантические особенности терминов типа *выть*, *соха* спускать в древнейшие стадии развития человеческого сознания: речь идет лишь о пережитках и об осо-

бенностях, которые и составляют ступени семантического развития. Нельзя предполагать, что «технологическое» мышление есть какое-то однотонное количественное нарастание одних и тех же законов новой стадии человеческого сознания; «технологическое» мышление чрезвычайно богато скачками и переходами, общими и местными особенностями.

Феодальные термины, сменившие названия общины

На этой узкой группе терминов наглядно прослеживается смена значений, происходившая в эпоху становления феодального общества, также новый способ словотворчества, уже господствовавший в языке того времени. Русская община возникла на базе разложения родового строя и явилась составною частью феодального строя (поскольку она с возникновением частной собственности на землю являлась лишь финансово-юридической единицей), который в своих интересах поддерживал ее существование. Но в общине вначале сохранялись еще довольно значительные пережитки родовых отношений, в языке — остатки старых способов словообразования, в особенности терминов, обозначающих непосредственно внутриобщинные связи, которые сохраняли в себе целый комплекс значений минувшей эпохи. Создается резкое противоречие между старыми родовыми понятиями и новым способом словообразования, которое постепенно разрешается в пользу вновь возникающих терминов. В новом словообразовании решающую роль начинают играть феодальные литературные языки, разрушившие (хотя далеко не до конца) общинно-родовые языковые перегородки и создавшие базу для схождения местных языков в один общий (русский национальный) язык. Особенностью этого словообразования является то, что новые слова, заменившие старые названия общин, образуются уже не по признаку принадлежности к общине (хотя общинные отношения в них продолжают сохраняться), их «внутренняя форма» строится уже исключительно на базе «технологического мышления». *Десятúна*, *осьмúна* и пр. создаются, имея признаком своего образования обозначение доли, которую получали, скажем, монастыри с крестьянских хозяйств, или какие-либо другие числовые признаки, созданные практикой общественной жизни, *сотня*, *полсотни* и др. — обозначение количества крестьянских хозяйств, входящих в податную единицу, административные деления и т. д. Языковым материалом для этих терминов служат уже литературные, а не местные племенные (родовые) языки (которые вовсе не образовывали в их племенном состоянии русского языка), возвысившиеся уже до органического


НАДСТРОЕЧНЫЕ ПОНЯТИЯ
ПОДАТНАЯ ЕДИНИЦА
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЕДИНИЦА
ТЕРМИНЫ ИЗМЕРЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПЛОЩАДЕЙ
УРОЧИЩА
НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ (СЕЛО, ДЕРЕВНЯ и ДР.)
ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ
ЗЕМЕЛЬНЫЕ УГОДИЯ (РАСЧЛЕНЕННО)
БОРОНА
ПЛУГ
СОХА
ЛЕМЕХ и ПР.
ЕДИНИЦА ВРЕМЕНИ
ПЛОЩАДЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ, НАДЕЛ, КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР
ПРИМИТИВНОЕ СЕЛЬСКО-ХОЗ. ОРУДИЕ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. РАБОТА
НАЗВАНИЕ РУССКОЙ ОБЩИНЫ
ЗЕМЕЛЬНОЕ ВЛАДЕНИЕ ОБЩИНЫ
ЧЛЕН ОБЩИНЫ
НАЗВАНИЕ РОДА ИЛИ ПЛЕМЕНИ
НАЗВАНИЕ КОЛЛЕКТИВА

родства (с наличием, конечно, диалектических особенностей) для всей образовавшейся русской народности, почему «внутренняя форма» этих слов для нас совершенно ясна без какого-либо специального анализа, тогда как общинные, resp., родовые термины могут быть объяснены лишь с помощью палеонтологии речи. Происходит процесс образования как бы вторичной «внутренней формы», признаком для которой послужили уже отвлеченные значения старых слов, утерявших свою прежнюю «внутреннюю форму». Так, *сороко́вка* 'мера площади' без малейшего затруднения производится от слова *сорок* уже в отвлеченном значении числа, когда прежние значения этого слова, связанные с представлением коллектива, были уже утеряны. Следовательно, ко времени смены старых названий общины новыми терминами с явным содержанием феодальных отношений уже безраздельно господствовал «технологический строй» мышления.

Но все же специфические условия общинных терминов позволили ряду элементов из прежнего комплекса значений сопутствовать новому слову, что и позволяет установить связи между предыдущим типом и последующим. Было бы ошибочным, конечно, утверждать, что смена старых понятий шла исключительно по линии создания новых слов, вторая линия этого процесса — переосмысление старых терминов в нуждах мышления феодального строя, что достаточно наглядно было показано на терминах, анализируемых в предшествующей главе, которые по своему характеру являются как бы переходными между выражением родовых отношений и феодального общества. Термины, обозначавшие общину, resp., коллектив в целом, начинают обозначать уже меры измерения, податные единицы и пр. и пр. Часть же из них дошла до нас исключительно уже с переосмысленными значениями. Так, *руга*, *ружник* выражают лишь феодальные отношения. *Руга* 'церковная земля и угодья, отведенные общиной на содержание всего причта', 'хлебный сбор с прихожан церковным причтом', также 'натуральная плата крестьян за пользование постоялыми дворами' (Васнецов, вятск.).

Вновь образованные термины, обозначающие общинные отношения, по своему комплексу значений до известной степени примыкают к старой общинной терминологии, поскольку последняя подверглась переосмыслениям феодального времени. *Десятина* — не только 'одна десятая часть урожая, взимаемая с крестьян', но и 'сама община', 'податная или отработочная единица', также 'пай в общинной земле'. В последнем значении термин сохранился вплоть до нашего времени. В Дубенском р-не общинные луга при дележе разбивались на крупные участки — *десятины*, которые уже дели-

лись участниками данной десятины — индивидуальными хозяйствами. Характерно, что эта *десятина* вовсе не имеет устойчивой территориальной определенности (размеры ее зависят от случайных обстоятельств: контура луга, количества косцов и пр.), также в нее может входить любое количество домохозяев, от 2—3 до 20. Насколько со словом *десятина* крепко связано понятие общинности, можно судить по тому, что уже после коллективизации, когда успешно прививается в речи колхозников слово *гекта́р* (или *ге́ктар* по местному произношению), *десятина* как термин измерения сохраняется все же по отношению к лугам. *Гектар* стал официальной единицей измерения площади, *десятина* же — 'участок луга, который должен скосить один работник в день' [«за одну *десятину* луга начисляется два трудодня» (д. Селино, П. Е.), причем в этом значении слово употребляется постоянно и колхозным активом]. Это объясняется тем, что слово *десятина* вытеснило местные названия общины и, несмотря на первоначальное свое значение, как податной единицы, приняло на себя функцию выражения остатков общинных отношений вообще. На ряду с обозначением податной единицы, общины, этот термин с начала же своего существования обозначает меру площади, участок земли, урожай с которого идет на подати, затем становится отвлеченным термином измерения, без всякой связи с податной системой. Первоначальный смысл *десятины* как специфического термина измерения показывается и тем, что чем глубже в историю, тем больше разнобоя в ее размерах, поскольку реальное ее содержание зависело сначала исключительно от местных условий взимания податей. И в современных говорах *десятина* (помимо сравнительно недавно установленной официальной величины: 40×60 саженей) в своих размерах сильно колеблется, даже в одной и той же местности. Имеются: *казенная десятина* — 40×60 саженей, *хозяйственная, косая, домашняя* — 80×40 саженей, *хозяйственная круглая* — 60 × 60 саженей, — *астраханская* — 100 × × 10 саженей, *двадесятная* — 20×100 саженей, *бахчовая* — 80×10 саженей, *третьяк* (д. Селино) — 30×80 саженей и др. Последний пример показывает, насколько стерлось первоначальное значение этого термина, когда к первоначальной числовой основе прибавляется в порядке контаминации новая (*десятина* — *третьяк*). Тот же процесс утери первоначального признака наблюдается и в других аналогичных с *десятиной* терминах. В современных говорах эти термины широко распространены. *Осьминник* (д. Селино) — $^1/_4$ дес., *полосьминник* — $^1/_8$ дес. (там же), *осьмина* — 300 кв. саж. (АГО, № XIII, 6, Каширский у., 1848), *осьминник* — $^1/_8$ дес. (МДК, I, № 11) и т. д., ср. также *осмерня* 'группа домохозяев (число безразлично)

при разделе земли, получающая общий участок', *осьмак* в том же значении (Якушкин, яросл.). *Осьминник*, как и *десятина*, имеет совершенно прозрачную «внутреннюю форму»— отвлеченный числовой признак, конкретизированный в той или иной форме в хозяйстве, первоначально как выражение общинных отношений. С потерей этого первоначального значения *осьминник* становится отвлеченным термином измерения. В своем развитии он не поднялся, как *десятина*, хотя бы до видимой стабильности своих размеров и остался термином исключительно местного значения: в современных говорах он существует (вернее, существовал в массовом употреблении до коллективизации) на ряду с *десятиной* как ее составная часть. Но происхождение его независимо и слияние с десятинной системой измерения (в порядке контаминации) произошло позже, в противном случае он должен был бы обозначать $^1/_8$ часть десятины. В таком же значении в современных говорах существуют *третьяки, пятки, сотни* и т. д. Все эти термины заменили собою местные термины — названия общины установленного в предыдущей главе типа.

Что *десятина* первоначально имела ограниченное распространение, видно из того, что в ряде местностей она «не дошла» вплоть до последнего времени. В Шадринском у. Пермской губ. *переезд* замещает собою *десятину*. «Нанимают жать на переезд, два переезда или половину переезда. Это исчисление общеупотребительное и известное всем и каждому крестьянину — *десятин* здесь не знают вовсе или очень мало» (Мат. Срезн., № 140). То же в Егорьевском у. Рязанской губ. («о *десятине*, *полдесятине* и прочем знают только по наслышке», ПАН, № 133) и других местах.

Некоторые из этих терминов, как и *десятина*, пережиточно сохранили связи с общинным строем. Так, *треть* 'часть общины', 'участок земли, отводимый группе домохозяев при разделе общинной земли', *сотня* 'участок земли на душу'[1] (Якушкин, яросл.; ПАН, № 84, Корч. у., Тверской губ.,

[1] Хотя *сóтня* 'участок земли', в случае, если слово это в данном значении не является вторичным и позднейшим явлением, может получить другое объяснение. «И названия животных коллективов результат переноса на них тотемных названий людских коллективов, так, например, *стая* 'птиц', где sta + y, основа sta + y-a, как и 'сотня', в значении социального термина отнюдь не значит 'сто', число 'сотню'. Наоборот, 'сотня' (с первичной основой soten)— это скифский тотем, пережиток skoten, откуда усеченное sko-t не только 'стадо', 'скот', но и 'сокровище', 'деньги' и т. д., с двойником ska-t (→ немецким Schatz)» (Н. Я. Марр. Язык и мышление, М.-Л., 1931, стр. 31). Что же касается слова *стая*, то мысль Н. Я. Марра полностью подтверждается материалами русского языка. *Стая* — действительно первоначально было обозначением коллектива. При позднейшей дифференциации оно стало обозначать не только 'птиц', но и 'постройки', 'двор', 'хлев', resp., 'скот'. Владим. *стáя* 'хлев' (Мат. Срезн., № 17),

1900), *десяток* 'участок общинной земли', 'группа домохозяев, которой отводится этот участок' (Якушкин, яросл.), *четвеpуха* в том же значении (с. Сопелки Яросл. у., Якушкин), *пятина* в том же значении (Тепло-Огарев. р-н Моск. губ., 1929), *десяток* в том же значении (д. Селино 1933), орл. 'восьмая (!) часть земельного пая' (Второе доп.).

Но было бы ошибкой, конечно, утверждать, что данные термины полноценно заменили собою предшествующие им названия общины, resp., рода. Полноценной замены не могло и быть, так как самая община потеряла пережитки своей прежней родовой обособленности и нужды в терминах, отличающих одну общину от другой, уже не было.

«Технологизация» сельскохозяйственной терминологии

Смена старых понятий и старого словообразования шла по всем линиям, причем в некоторых отраслях сельскохозяйственной терминологии она началась значительно раньше, чем в названиях общины. С началом разрушения родового строя в сознании людей начинают теряться связи предметов с их принадлежностью к коллективу, в силу чего забывается прежняя «внутренняя форма» их обозначений. Осознание предмета освобождается от мистической оболочки, также и действительной (на предыдущих стадиях исторического развития) принадлежности к коллективу, и в основу называния выдвигается тот или иной признак самого предмета, его собственные свойства, выделяющиеся в общественно-производственной практике людей, причем языковым материалом в этом словотворчестве, как уже было сказано выше, служат старые термины, утратившие свою прежнюю «внутреннюю форму» или находившиеся в процессе утраты таковой. Происходит «технологизация» терминологии. «Технологический» способ словообразования прошел ряд ступеней в своем развитии: от случайности выбора признаков для называния до стремления наиболее точно и объективно выразить свойства предмета, о чем будет подробнее в следующей главе. Словотворчество в современных говорах базируется именно на этом способе словообразования.

Приводим материалы (для удобства классифицируем их по производственному значению).

вятск. 'двор при доме', 'хлев' (там же, № 43), чухлом. (костромск.) 'дом со всеми пристройками', 'хоромина' (там же, № 85), кадник. (волог.) 'задняя часть двора' (там же, № 30), 'конюшня, закута для лошадей' (ПАН, № 136), 'крытый двор' (ПАН, № 141) и др., 'жилище' resp., 'территория коллектива'.

1. Термины измерения. Земли и угодия. Вместо переноса названия общины на меру земельной площади, последняя обозначается терминами, имеющими под собой совершенно другую общественную и материальную базу. Измерение земельной площади начинает итти по различным признакам. Современные говоры выявляют измерения по работе (какую площадь земли обработает работник в один прием и пр.), частям человеческого тела, «душам», копнам, навозным кучам и т. д. Так, в широком распространении имеется измерение земли *гонами*, *загонами*. В вятск. *гон*— 'расстояние от 20 до 30 саженей, часть полосы, обрабатываемая сохою в один прием' (Васнецов), в яросл. — 'такое протяжение пахотной полосы, которое можно вспахать одним угоном лошади; есть такие длинные полосы, что на половине их оборачивают назад косулю, в таких полосах бывают два гона' (Якушкин).

Волог. *гон* — «расстояние, которое пахарь проходит сохою без остановки в одну сторону до *сугонья* или заворота (около 30 саж.); гоном также называют вообще небольшие расстояния по дороге... Гоны не одинаковы, у каждого свои... Слова *гон, гоны* весьма часто употребляются крестьянами для определения расстояний» (Мат. Срезн., № 33). Пермск. *гоны*— 'часть поля, обрабатываемая в один прием' (Мат. Срезн., № 132).

В ряде других местностей *гон* уже теряет это первоначальное значение и обозначает просто небольшую пашню или пашню с какими либо специфическими особенностями. Пермск. *го́ны* «известная часть пахотной земли» (Мат. Срезн., № 130), ростов. 'полосы в поле' (Волоцкой), *загон* 'полоса пашни с приподнятой серединой и с бороздами по бокам для стока воды' (Якушкин), 'пашня всякой меры' (АГО, № XLII, 33), 'небольшая пашня' (д. Селино, 1933; с. Ульянино Брониц. р-на, 1930), затем даже 'широкая гряда в полосе между двумя бороздами' (МДК, II, № 116), 'полоса земли размером в 40 × 100 или 120 саженей' (Мат. Срезн., № 122), 'неполная десятина', 'участок пахотной земли' (Мат. Срезн., № 124), 'полоса пашни или земли (под пашню) различных размеров', '4-я часть десятины', 'полоса пашни, равная гону', 'часть поля, засеянная одним хлебом, принадлежащая одному хозяину', 'поле вообще' (Словарь А. А. Шахм.). Техника образования этого слова совершенно прозрачна: *гон* ← *гнать*, причем это *гнать* как отвлеченное действие послужило основой образования специалилизированной семантики — явление, чрезвычайно характерное для «технологического» способа словообразования. Интересно, что и в данном случае *гон* 'участок земли, обрабатываемый в один прием, «в один гон», соответствующий техническим удобствам обработки пашни' подпадает под

тот же закон переосмысления и превращения в обозначение пашни вообще, пашни с какими-либо особенностями, далекими от первоначального значения.

Аналогично *гону*, по своему семантическому образованию, слово *переéзд* — 'участок пашни, который сжинается двумя жницами в день' (Мат. Срезн., № 140), «старинная мера полей, переезд есть пространство поля, имеющее в длину и ширину по 40 саженей полудесятины старой» (Мат. Срезн., № 132), 'полоса земли в 160×10 саж., 40 саж. × 40 саж.' (Мат. Срезн., № 122). *Переезд* первоначально то же, что и *гон*.

При дележе лугов широко распространено измерение *косьями* и *лаптями*, которое существует как в южно-великорусских, так и северно-великорусских говорах (теперь только среди единоличников), также *шагами* при измерении пахотной земли (в д. Селино: «бывало, достанется в паю два *косья* с *лаптем*, вот и развернись тут». Е. Е.). Сюда же относятся *ряд* 'ширина луга, захватываемая косцом в один раз', *искóсок* 'маленький ряд' («Скосили по три *ряда* с *искоском*, и домой», д. Селино, 1933, С. М.), *прокóс* 'ряд' («до солнца кошу, пройду три прокоса, будет не босо», д. Позем Старолад., А. Марк), *прокóсье* (МДК, II, № 116). Не менее распространено измерение по *копнам* и *кучам*, которое применяется так же как и *ряд*, главным образом во время косьбы или навозной возки, иначе говоря, в то время, когда эти предметы являются объектами сельскохозяйственных работ. («Осталось скосить два клина в Аверинке, всего *копен* на двадцать», д. Селино, 1933, Е. Е.; «Да пашня у нее небольшая, *копны* на три», д. Селино, 1933, И. Мог.; «Мне нужно унавозить участок *куч* на триста», д. Селино, 1933, И. Т.; «Да так, земли у меня пахотной *копен* на 15 будет», д. Извоз, Старолад., Коз.) Сюда же относится измерение по количеству высеянного зерна. В той же плоскости идет измерение земли по «душам», после революции в единоличном хозяйстве по «едокам». Ср. в северодвинских грамотах XV в.—«Се купи Григореи староста стму николи . . . лоскуть земли на два *пуга*» (купчая Николаевского Чухчеменского монастыря, № 4).

С другой стороны, в широком употреблении находится измерение земельной площади (без какой-либо количественной определенности) по чисто внешним, пространственным признакам. Сюда относятся такие слова, как *клин* 'пашня неправильной четырехугольной или (чаще всего) трехугольной формы', *кáрточка* 'небольшая квадратных размеров полоска недалеко от усадьбы' (д. Селино, 1933), *полосá*, *полóска* и т. д. Возникает масса терминов, обозначающих различные угодия по какому-либо из признаков их обработки, по названию засеваемой на них культуры, по характеру почвы

и пр. Так, *сóлодь* 'иловатая земля с большой примесью песка' (Наумов, симб.), происходящее от «соли», *черни́ще* 'черная твердая глинистая почва' (Наумов, костром.) — по признаку цвета, *рóспашь* 'пашня' (XV в., Срезневский), *рóсплавь* 'заливная луговина' (XVI в., Срезневский), *парени́на* 'поле под паром' (ТМДК, XII, д. Семково Белоз. у., 1926), северн. *чилизнá*, *целизнá*, 'огрех' от 'целого', 'невспаханного', *белёвая земля*, *белýга*, 'светлосерые супески' (яросл., Якушкин) — по признаку цвета, *орани́на*, *óрань* 'нива', 'поле', 'ораница', 'росчисть', *óраль* 'пашня', 'вспаханное поле' (Даль), *ужни́во* 'сжатое поле' (Соколов, Тихв. у. Новгор. губ.), *Зябь* (общераспр.), *новь*, *обнóвь* 'впервые вспаханная целина', *навóзник* 'удобряемая земля' (Даль), *ржи́ще* 'поле, засеянное рожью', *ярови́ще* 'поле, засеянное овсом' (Колосов, сев.-великор.), *овсянище*, *репище*, *коноплянник*, *наглинок* ('грунт земли с глиною', Тр. ОЛРС, М., 1820, ч. XX, стр. 122, Тульск. губ.), *жниво* ('запаханное поле', там же, стр. 107, Яросл. губ.), *огни́ще*, *дрáки*, *кóпань*, *паль* (вновь расчищенное место из-под леса', там же, стр. 112, Яросл. губ.); *копéйка* 'доля земли, на полное тягло' (кологр.), «земельная мера, получившая свое название от старинного оброка» (черепов., рыбин., костром.), 'полоса', 'загон, делимый на «денежки» и на «полушки»' (вельск), (Словарь, А. А. Шахм.) — по переносу значения; *третья́к* 'степная новь, вспаханная и засеянная по третьему году' (Мат., Срезн., № 41), *четвертáк* 'степная земля, по 4-му году паханная под посев хлеба' (Мат., Срезн., № 37) — по признаку времени и т. д.

2. Сельскохозяйственные орудия и инвентарь. Тот же процесс, что и в терминах измерения, происходит и в других отраслях сельскохозяйственной терминологии. Названия сельскохозяйственных орудий, совпадающие с обозначениями общины (*плуг*, *соха* и др.), теряют окончательно даже какую-либо видимость связей с общинными терминами и начинают осознаваться как чисто технические понятия [здесь, конечно, не исключена возможность нового общественного осмысления этих терминов, например, в д. Селино я слышал: «да он все время был *бесплужным*» (С. М., 1933), т. е. бедняком, но такое осмысление по своей структуре не выходит из рамок «технологического» мышления и имеет уже совершенно другую базу для своего возникновения]. Новое словотворчество развертывается исключительно на основе «технологического» способа словообразования. Названия сельскохозяйственных орудий возникают, главным образом, по какому-либо из признаков их производственной работы, затем по характеру материала, из которых эти орудия сделаны, и т. д. Так, *севня́* 'лукошко для семян' (Старолад., 1933) *севáлка*

(д. Селино, 1933), *си́тиво, се́тиво* (Васнецов, вятск., МДК, II, №№ 115, 116 и в других местностях), *севница, севка, севальник* и др. происходят от технического значения глагола «сеять», в том же плане *молотилка, косилка, сноповязалка, жатка, веялка, сеялка, сеяльница, сеяльня* (Даль), *мытка* ('корзина из ивовых прутьев, в которой моются различные продукты' (Васнецов, вятск.), *подавальница* 'орудие, которым подают снопы на кладуху' (там же) *волок* 'доска с укрепленной перпендикулярно к ней палкой, служит для сгребания зерна на гумне', *наби́рка* 'небольшая корзинка' (Волоцкой, ростов.), *молотя́га* 'примитивное сельскохозяйственное орудие для молотьбы гороха' (Наумов, пермск.), *чешило* 'орудие для чески пеньки' (Наумов, калуж.), *скоропа́шка*, 'соха особого устройства' (МДК, I, № 80), *като́к* 'орудие для прикатывания посевов', *копач* 'род мотыги' (МДК, II, № 45), *сажалка* 'жердь, на которую сажают в овине снопы' (там же) и т. п. Помимо признака производственной работы в основу называния входят другие, иногда, на первый взгляд, совершенно случайные признаки: *горбу́ша* 'примитивная коса', во время косьбы которой косец должен низко нагибаться, «горбиться», *дубе́ц* 'цеп' (Куроптев, Слобод. у. Вятск. губ.) — по материалу, из которого сделан цеп, *оголо́вье* 'ручка у сохи' (МДК, II, № 2а.), *ба́бка* 'наковальня для кос', *тро́йни* 'вилы с тремя рожками', *дво́йни* 'вилы с двумя рожками', *гро́хало* 'большое решето для подсевания зерна' (Смирнов, кашин.) и др.

3. Сельскохозяйственные растения. В обозначении сельскохозяйственных растений терминов, образовавшихся по «технологическому» способу словообразования и имеющих ясную «внутреннюю форму», относительно меньше, чем в других отраслях сельскохозяйственного словаря, но и здесь их имеется все же значительное количество. Так, *ли́ственник* 'ботва' (Будде, казанск.) — от слова «лист», *я́блошник* 'картофель' (МДК, II, № 147), *лежу́ток* 'полегшая рожь' (Смол. губ.), *бу́лка* 'картофель' (МДК, II, № 121), *дику́ша* 'гречиха' (МДК, II, № 95), *де́рганцы* 'мужские конопляные стебли' (Смирнов, кашин.), *зелень, зеленя́* 'всходы ржи', *ле́жанец* 'самый крупный хлеб, пригнувшийся на поле к земле' (Грандлиевский, Холмогор. у., Арханг. губ.), *мелкоколо́сица* «тощий, исчахший на поле хлеб» (там же), *летун* 'выродок ячменя' (АГО, I, № 49), *кошани́на, кошени́на* 'отава' (Даль), *па́сево* 'трава на пастбище' (Даль), *полоть* 'сорная трава, выдерганная из гряд' (Даль) и т. д. Из вышеприведенных примеров видно, что данный тип терминов относится, главным образом, к побочной характеристике сельскохозяйственных растений, но не к их основным названиям. О причинах подобного явления см. ниже.

4. Сельскохозяйственные продукты.[1] Особенно широко распространен данный тип терминов обозначении различного рода продуктов и отходов сельского хозяйства, что также имеет свои причины. Приведем ряд примеров: *кладу́шка* 'небольшой скирд немолоченного хлеба'— от глагола, «класть», «складать»; *мяки́на* 'отбросы после молотьбы и веянья', *по́яси* 'вясла' (Дурново, д. Парфенки Руз. у., Моск. губ.), *куба́ч* 'сноп соломы' (Соколов, Тихв. у.) — по признаку своей формы; *изгре́ба* 'продукты обработки льна' (Томилов, Карпогорской вол., Арханг. у. и губ., 1927), *метуга* 'солома' (там же), *намы́ка* 'кудель' (Будде, Скопин. у) — от глагола «мыкать»; *сто́йка* 'куча в 10 снопов' (Чернышев, Моск. у.), *сме́тки* 'мелкие зерна при веянии хлеба' (Сахаров), *крестец*, *суслон*, *наби́рка* 'большая охапка сена, подаваемая на воз' (Сахаров, орл.) *колосянка* 'солома, рубленая на корм скоту, преимущественно из верхней части снопов, т. е. с колосьями' (Волоцкой, ростов.), *горсть* 'небольшой снопок льна' (там же), *груда* '12 снопов льна' (там же), *новь* 'новые семена после урожая' (там же) *амя́лье* 'кастри́ка' (Иеропольский, д. Савкино, Пушкин. р-на Псков. окр.), *кошенина* «травяная щетина на лугах после снятия трав» (Грандлиевский, холмогор. у. Арханг. губ.), *одонье* 'сено, подобранное снизу стогов' (там же), *трясенка* 'сено, смешанное с соломой' (д. Селино и др.), *нару́шни* 'нажатые горсти хлебных колосьев' (АГО, № XLII, 33), *овся́ница* 'овсяная солома' (Васнецов, вятск.), *ржени́ца* 'ржаная солома' (там же), *надзелень* 'зеленый, незрелый хлеб' (Даль) и пр. Имеется ряд терминов, созданных по каким-то признакам чисто внешнего сходства, как *свинья хлеба*, 'копна хлеба' *кабан* 'скирд', 'копна', 'стог', *кобы́ла сена* 'копна', *петушо́к* 'крестец', *ма́тка* '10 снопов льна' (ПАН, № 82, Оларовская вол. Волог. у., 1897), *свинка* 'копна яровых снопов' (Покровский, Чухлом. у. Костром. губ.) и т. п.

5. Сельскохозяйственная работа. Не меньшее распространение имеет устанавливаемый здесь тип терминов в обозначении сельскохозяйственных работ. Так, *зя́бить* 'пахать под зябь' (Будде, Казан. губ.), *волочи́ть* 'бороновать' (ТМДК, X, с. Заколпье, Меленк. у. Владимирской губ.), *метать* пар, *двоить* 'пахать во второй раз' (д. Селино, и др.), *сошить* 'подсыпать картофель сохою' (Волоцкой, ростов.) *за́молотки* 'пробная молотьба, чтобы определить величину урожая', 'первый день молотьбы', 'запряжка первая', 'вторая время работы на пашне в первой половине и во

[1] В эту группу терминов относятся слова, обозначающие самые разнообразные продукты сельскохозяйственного производства; классифицировать их на более узкие разряды здесь нет никакой надобности.

второй половине дня' (Якушкин, яросл.), *зажи́н* 'начало жатвы', *сгребать, трясти, перетрясать, копнить сено* (д. Селино) северн. *грабить* сено, *пахота, бороньба, жатва* и т. д.

6. Скот. В дополнение к вышеприведенным материалам указываем на аналогичные названия скота. *Баро́нка* 'лошадь по 3-му году, когда ее запрягают в борону' (Иеропольский, д. Савкино, Пушкин. р-на, Псков. окр.) *годови́к* 'годовалое животное', *ле́тник* 'годовалый скот', *мату́ха* 'корова', *слеток* 'однолетний теленок' (Васнецов, вятск.) *сосун* 'жеребенок', *ососок* 'молодой теленок или поросенок' (Белорусов, Тотем. у., Волог. губ.), *борноволо́к* 'лошадь двух лет' (ТМДК, III, Пошех. у. Яросл. губ.), *поводни́к* 'годовалый бычек' (Волоцкой, ростов.), *перва́к* 'корова, отелившаяся первый раз', *перехо́дница* 'нетельная корова', *мяки́нник* 'двухгодовалый теленок' (Якушкин, яросл.) и др.

Мы привели примеры (которые можно было бы бесконечно увеличить) из всех основных отраслей сельскохозяйственной терминологии. Не утверждая что-либо в абсолютной форме, из этого материала все же можно сделать некоторые выводы. Процесс «технологизации» (в смысле образования новых слов) захватывает различные стороны словаря неравномерно. С одной стороны, множество слов чисто местного значения восходят к давним эпохам (в названиях угодий: *кулига, кол* и пр., в названиях сельскохозяйственных орудий: *обжа*, и др.), с другой стороны, «технологизация» раньше всего захватила именно местные явления и местные предметы сельскохозяйственного обихода (такие слова, как *веялка, сеялка*, обозначающие широко распространенные и имеющие большое значение сельскохозяйственные орудия, являются недавними образованиями, проникшими вместе с обозначаемыми ими предметами в деревню с «расцветом» капиталистической машинизации и механизации сельского хозяйства), не являющиеся элементами широких социальных общений. Возьмем сельскохозяйственные растения. Термины, обозначающие самые культуры, а не побочные относящиеся к ним явления, в подавляющем большинстве своем являются или переосмысленными старыми словами (*жи́то, ру́га, рожь, овес, ячмень* и пр.) или заимствованными словами (*картофель, брюква, калега* и пр.), но не новообразованиями с ясной «внутренней формой». То же относится и к другим сторонам сельскохозяйственного словаря. В названиях скота мы имеем *лошадь, корова, пороз, овца*, на ряду с *баронка, сосун, осо́сок, первак*, обозначающих частные особенности или возраста, или каких-либо других свойств домашних животных; в названиях сельскохозяйственных орудий: *плуг, борона, соха* и *молотяга, копач, трясенки, дубец*. Это можно объяснить социальной и эко-

номической значимостью основных сельскохозяйственных предметов, являвшихся объектами как широких торговых отношений, так и государственных (межуездных, межобластных и пр.) связей, что не позволило местному словотворчеству вытеснить данные термины, возвысившиеся в своем распространении до областных и даже общерусских масштабов, не только из литературного языка, но и из местного языкового обихода; наоборот, эти термины, вместе с развитием широких общественных связей, всюду вытесняли местные синонимы. То же, что находилось вне широких социальных связей и имело чисто локальное значение, обусловленное какими-либо местными особенностями, материальными (скажем, на севере сжатые снопы ржи или пшеницы ставят вверх колосьями, прислоняя друг к другу — *суслóн*, на юге же кладут их крест-накрест — *крестец*, *крест*) или социальными, получило массу новых обозначений.[1]

Но для объяснения этого явления сказанного, конечно, еще недостаточно. Как было уже упомянуто выше, в ряде случаев мы имеем, с одной стороны, чисто местные явления, сохранившие свои старые названия, с другой — общераспространенные, получившие наречения по «технологическому» способу словообразования. Объяснения этому нужно искать в истории самих обозначаемых предметов.[2] *Кулига*, *обжа*, *вытъ* и др. обозначали предметы или общественные явления еще в ранние эпохи, затем по функции перешли на обозначение уже позднейших предметов, как-то связанных с обозначаемыми предметами предыдущих этапов истории, таким образом

---

[1] Это явление было отмечено В. Волопким, который пытался объяснить его наличием в говорах особой лексики мужчин (наиболее прогрессивной) и лексики женщин (консервативной). «Отсюда происходит, что слова оглобля, дуга, чека будут понятны на всем обширном пространстве коренной России, между тем как для слов, означающих предметы женского хозяйства, хоть особый словарь заводи» (Словарь, стр. 5). В этом замечании имеется доля, истины, но и предметы «мужского обихода», имеющие чисто местное значение, также обозначаются терминами, понятными лишь в одной местности.

[2] В этом отношении направление «Wörter und Sachen» имеет большие достижения, которые необходимо учитывать в диалектологических исследованиях. Редакция журнала «Wörter und Sachen» права, когда пишет в своей редакционной статье, что наступило время уделять больше внимания исследованию значений слов и их вещественным эквивалентам («Wörter und Sacwen», Jahrg. 1). На Западе появился ряд исследований, трактующих историю слов с этой точки зрения, в частности и по сельскохозяйственной терминологии: Matthias Murko Zur Geschichte der Heugabel (slav. vidly). Wört. u. Sach., Heidelberg, 1929, 316—341, Ragnar Jirlow. Zur Terminologie der Flaxbereitung in den germanischen Sprachen, Göteborg, 1926, и др.

Но здесь нужно подчеркнуть и другое: опасность голого вещеведения, поскольку представители «Wörter und Sachen» между предметом и его обозначением ставят как бы знаки равенства. История предмета берется ими изолированно от его функции в общественных отношениях, термины трактуются без учета характерных особенностей мышления той или иной эпохи, также смены различных способов словообразования.

законсервировавшись в местных говорах. Новые термины, созданные по «технологическому» способу словообразования, стали обозначать, главным образом, и новые предметы и явления, вошедшие в обиходную жизнь крестьянского населения. Это подтверждается и тем, что предметы сельскохозяйственного производства, введенные в употребление совсем недавно, получили свое наименование или по признаку отвлеченного действия (*сеялка, сноповязалка, молотилка, косилка, жатка, лобогрейка* и т. д.), или по признакам сходства (подобное словообразование особенно распространено в наименованиях деталей сельскохозяйственных машин: *лягушка, кузнечик, хомутик* и пр.), принадлежности (*пшеница-кубанка, шатиловский овес, корова-холмогорка*) и т. д., за исключением, конечно, заимствований, причем все эти предметы вовсе не местного, а общерусского значения. Отсюда напрашивается вывод, что новые термины, созданные по «технологическому» словообразованию, с течением времени получают все большее и большее распространение за счет наречения новых предметов, тогда как удельный вес терминов, подвергшихся «технологизации» путем утери своей древней «внутренней формы», созданных еще на базе другого способа словообразования, постепенно уменьшается. Но было бы неверным на основании этого утверждать, что местные говоры, создавая по новому принципу все новые и новые слова, тем самым в своем развитии идут к дальнейшему раздроблению, к еще большему непониманию друг друга говорящих на этих говорах. Необходимо учитывать огромное влияние литературного языка, сглаживающего не только фонетико-морфологические, но и словарные особенности говоров, также расширение межобластных общественно-экономических связей, вовлекающих в свой кругооборот все новые и новые стороны сельскохозяйственного производства, а следовательно, и соответственное схождение терминов, имеющих ранее чисто местное значение. Увеличение удельного веса терминов нового типа идет за счет роста словаря каждого говора, все более и более приближающегося к литературной речи. Новый способ словообразования, о котором идет здесь речь, возник уже давно и был господствующим в словотворчестве эпохи раннего феодализма, также и разложения родового строя, общественные связи в те эпохи были значительно слабее современных, соответственно удельный вес элементов сельского хозяйства, имеющих чисто местное значение, был больше, также и раздробленность сельскохозяйственного словаря по говорам чем дальше в глубь истории, тем больше увеличивается. Эта раздробленность идет как за счет большего удельного веса старых терминов с переосмысленной семантикой, так и за счет недостаточно сильного объединяющего влияния фео-

дальных литературных языков на новое словотворчество. В уточнение вышесказанного можно добавить, что относительно большая общность старых переосмысленных слов для всех говоров — явление позднейшего порядка, так же, как и общность вновь созданных терминов. Рост словарного запаса говоров, увеличение удельного веса терминов нового типа — не противоречат схождению говоров в сельскохозяйственной лексике, поскольку чисто местные элементы сельскохозяйственной жизни все больше отходят на задний план.[1]

Само собой разумеется, что процесс схождения говоров не есть прямолинейная линия развития, так как возможны и частные случаи расхождения.

Термины, выражающие обособленные видовые понятия

В предыдущих главах анализировались особенности типов сельскохозяйственной терминологии со стороны их «внутренней формы», различных признаков словобразования в соответствии с историческими условиями, в которых протекало терминотворчество. Но характеристика семантической структуры сельскохозяйственных слов этим не ограничивается. Существует еще другая сторона: взаимоотношения терминов, их группировки, ряды слов, объединяемые каким-либо обобщающим термином, также случаи отсутствия такого обобщения. В современных крестьянских говорах некоторые предметы, скажем, различные скирды хлеба обозначаются частными терминами: *кладушка*, *скирд*, *адонья* и др. (д. Селино, 1933), но не имеют одного общего названия, тогда как в литературном языке такое название имеется (*скирд*). Взаимоотношения слов такого порядка (наличие частных названий при отсутствии общего) можно назвать как «термины, выражающие видовые понятия». Но это название нельзя считать удовлетворительным. Термины, выражающие видовые понятия, существуют не только как обособленные названия, но и как слова, входящие в разряды слов с термином, выражающим родовое, обобщающее понятие во главе,

---

[1] На относительную консервативность «женского словаря» в нашем понимании терминов, обозначающих чисто местные предметы и явления, стоящие вне широких общественных связей, указывает тот же В. Волоцкой (С л о в а р ь, стр. 5), который тем самым нащупывает процесс распространения терминов устанавливаемого здесь типа как общего для всех говоров, причем отмечает поздний характер этого явления, и более относительно ранние образования «женского словаря» (его консервативность»). Процесс «технологизации», начавшийся в основном в наречении предметов и явлений местного характера, позднее перешел и на обозначение общераспространенных предметов.

т. е. весьма широко распространены и в литературном языке. Для нас же важно как раз различие между бытованием этих терминов в литературном языке и употреблением их в говорах. В лингвистической литературе данная проблема совершенно не разработана, поэтому, естественно, что и отсутствует подходящее название объясняемого здесь явления.[1] Не настаивая на вводимом здесь термине в дальнейшем, автор считает пока наиболее удобным обозначение «термины, выражающие обособленные видовые понятия». Исторические корни этих терминов уходят в далекое прошлое. Их возникновение обусловлено теми же социальными причинами, которые дали основания и «технологическому» мышлению, соответственно способу словообразования, о котором шла речь в предыдущих главах, т. е. разложением родового строя, а в зачатке они наличествовали и в более ранние эпохи.[2]

---

[1] Анализируемое здесь явление заинтересовало современных немецких лингвистов, идущих за реакционным исследователем H. Naumann'ом (см. его «Primitive Gemeinschaftskultur», Jena, 1921, и «Über das sprachliche Verhältniss von Ober-zu Unterschicht». Jahrbuch für Philologie, 1925), которыми оно обозначено как «конкретное мышление крестьян», «отсутствие или недостаток абстрагирования», «примитивное мышление» и т. п. Вряд ли эти термины могут быть приняты, поскольку они абсолютно не выражают сущности явления, более того, сбивают с толку: конкретность и абстрактность присущи языку на любой стадии его развития (современный литературный язык выражает не менее конкретные понятия, чем крестьянские говоры, точность же его выражений вне всякого сомнения выше точности выражения диалектов), о примитивности же мышления крестьян не может быть и речи.

[2] Не следует смешивать зачаточную стадию развития этих терминов с последующим их расцветом в языке, так как между тем и другим существует громадная разница в самом принципе построения, созданная веками развития человеческого общества. В зачаточном состоянии данный тип терминов наличествует в языке так называемых «примитивных народностей» где, скажем, отдельные части руки имеют частные названия, а вся рука в целом никак не обозначается. Но не следует забывать, что любое название отдельной части руки обозначает также в одно и тоже время и ряд других предметов, зачастую сливающихся в одном нерасчлененном понятии, которое объединяется представлением каких-либо отношений к коллективу, причем надстроечно эти отношения носят тотемистический (по Леви-Брюлю — мистический) характер. «Каков бы ни был предмет, — пишет Леви-Брюль, — появляющийся в их («примитивных» народностей. *Ф. Ф.*) представлении, он обязательно содержит в себе мистические свойства, которые от него неотделимы, и познание первобытного человека действительно не отделяет их, когда оно воспринимает тот или иной предмет» («Первобытное мышление», М., 1930, стр. 25). С разрушением коллективных, resp., родовых, связей предметы освобождаются от «мистики рода» и выступают для человеческого сознания как бы в обнаженном виде, со всеми своими естественными свойствами, которые и получают соответствующие индивидуальные обозначения (индивидуальные, конечно, не в абсолютном смысле этого слова, так как образование подобного термина базируется по функциональной семантике на каком-либо старом термине), тогда как связи этих предметов с другими, выступающими в одном ряде по своему производственному назначению, например, связи какого-нибудь одного сельскохозяйственного орудия с другими сельскохозяйственными орудиями не осознаются, или осознаются весьма недостаточно, следовательно, индивидуальные особенности предметов недостаточно обобщаются, что и находит свое выра-

В современных крестьянских говорах мы имеем этот тип сельскохозяйственных слов (как и других отраслей словаря) лишь в пережиточном виде, причем выполняющим уже другую функцию. Прежде чем приступить к анализу данных пережитков, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся взаимоотношения обособленных видовых терминов в крестьянских говорах с терминами, выражающими видовые понятия литературного языка или языка техники.[1]

Благодаря взаимоотношениям литературного и технического (в данном случае агротехнического) языков, с одной стороны, и крестьянских говоров — с другой, в последних имеется много терминов, выражающих видовые понятия, по типу ничем не отличающихся от «видовых терминов» первых. Кроме того, поскольку обособленные видовые термины сохранились лишь пережиточно, на них лежит отпечаток позднейшей языковой структуры. Но все же было бы ошибкой смешивать «видовые термины» языка техники с «обособленными видовыми терминами» крестьянских говоров. Последние имеют свои особые исторические корни и особые социальные условия, создавшие их, соответственно различное в принципе строение, хотя между теми и другими имеется и много сходства. Сначала рас-

---

жение в языке. Если первобытные термины можно назвать обозначением единичного (множество предметов в одном не расчлененном еще понятии), то термины последующей стадии, о которой здесь идет речь, обозначением видового с недостаточностью обозначения родового, которое развивается позже. Стадия обособленных видовых терминов имела в своем развитии ряд ступеней. В современных говорах она сохранилась пережиточно. Но H. Naumann и его последователи не видят этих этапов развития и фактически ставят знаки равенства между «народным субстратом» крестьянских говоров и примитивными языками австралийских народностей, побуждаемые целями, не имеющими никакого отношения к науке, именно: «доказать», что современный немецкий крестьянин обладает по существу первобытной культурой, в силу чего, чтобы существовать в современном «цивилизованном обществе», он должен раболепно относиться к культуре высших классов и рабски копировать ее. Ср. также взгляды F. Maurer'а, который устанавливает непосредственные связи между языком немецких крестьян и «энумеративной речью» примитивных народностей, исследованной W. Havers'ом («Enumerative Redeweise»), также сопоставляет современные говоры с языком австралийцев по Леви-Брюлю, причем приводит в пользу своего мнения смехотворные доказательства. Например, распространенность у крестьян в их обиходной жизни названий домашних животных по кличкам: Nero, Hektor и пр. вместо «лошадь», «собака», он приравнивает ... к отсутствию общих обозначений каких-либо предметов на ряду с частными обозначениями их особенностей у дикарей («Volkssprache», 11). На более умеренных позициях стоит J. Müller, который говорит лишь о пережитках первобытного мышления у современных крестьян («Rede des Volkes», стр. 181).

[1] J. Müller ставит даже знак равенства между «конкретностью», недостатком «абстрагирования» в крестьянском языке и теми же явлениями в языке техники. Как язык техники должен указывать по вещественным основаниям отдельные части машины возможно точнее однозначимыми отдельными словами, также и народный язык принуждается к этому, чтобы как-то точно различать предметы обиходной жизни и их части, так как говорящий на диалекте является ремесленником, техником по призванию («Rede des Volkes», стр. 181—182).

смотрим, что имеется между ними общего. Прежде всего — детальность обозначения. И в языке техники и в крестьянских говорах (по линии сельскохозяйственных предметов) каждая деталь, каждая мелочь, играющая ту или иную роль в производстве, получает свое особое наименование там, где зачастую для говорящего на литературном языке и не специалиста в данной области, казалось бы, не имеется никаких существенных различий, следовательно не имеется и основания для терминологической множественности. Для говорящего на литературном языке, скажем, любой сноп ржи обозначается «снопом», тогда как крестьяне дают особые названия для разновидностей снопа: в д. Селино имеются следующие названия: *сноп* 'связанная необмолоченная охапка ржи' («А́ннъ так'и̯иә *снапы́* бал'шы́и̯ә в'а́жыт', пр'а́мъ б'ада́», В. Кузнецова, 1934; «*Снапы́* фс'о́ у кладу́шкъх пр'е́и̯ут'», А. В. 1933), *старно́вка* 'обмолоченные по первому разу цепами снопы, неразвязанные' (Ды *старно́ўку* с'аво́д'н'и ну́жнъ прысушы́т'», А. В., 1933), *куба́ч*, 'большой сноп соломы' («Ва́н'к'а̀, пр'ин'ис'и́ два́ *кубача́*, ды пыс'т'ил'и́ каро́в'и», Ев. Скворцова, 1933), *голова́* 'тяжелый сноп, который кладется сверху крестца' («П'о́тра̀, ты хърашо́ пълажы́л *γо́лъву*-та̀? А то́ в'е́т'ир ув'е́с' хр'ис'т'е́ц разва́л'а̀», А. В., 1933), *го́рстка* 'небольшой сноп' («Ро́ш-тъ сыра́ца̀, jи̯о́ на́дъ *γо́рскъм'и* в'аза́т'», А. В., 1933). Все эти предметы, а соответственно и термины, крестьянами строго различаются. Другой пример: в молотилке все шестерни мы назовем *шестернями*, в крайнем случае проведем различие путем добавления определений: *маленькая шестерня*, *большая шестерня* и пр., но колхозный молотильщик дает шестерням целую серию особых названий [*баклу́ша*, *лоха́нь*, *коново́дка*, *бокова́я*, *кони́ческая*, *косозу́бка* и др., (д. Селино, Е. Е., 1934); *шестерёнка*, *зубча́тка*, *коро́нная* и др. (д. Позем, Старолад., Конопл., 1933)]. Аналогичное положение мы имеем и в языке любой технической отрасли. Вышеприведенные примеры по структуре своего образования ничем не отличаются от обычных технических терминов. Второе сходство — однотипность их «внутренней формы». Но в крестьянских говорах существуют и другие термины, выражающие видовые понятия, которые имеют особенность, отсутствующую в словах вышеприведенного типа. «Видовые термины» в языке техники, аналогичные им же и в крестьяских говорах, выражают видовые понятия, стоящие как бы особенно только в разговорной речи, когда называется какая-либо деталь и вовсе не обязательно мыслится при этом сама машина, в языке же вообще они входят в определенные ряды терминов и соотносятся к какому-нибудь обобщающему слову. Молотильщик вам свободно ответит, если

его об этом спросить, что *лохань* является одним из видов шестерни, *коноводка* тоже, *косозубка* тоже и т. д. Правда, связи бывают не всегда такими наглядными и близкими, как взаимоотношения деталей машин с самой машиной, но и в других случаях в языке все же найдется обобщающий термин производственного характера (именно данной отрасли производства). Лишь как редкое исключение можно допустить случай, когда «видовой термин» языка техники можно обобщать лишь описательно (чаще всего это происходит тогда, когда появляется новый предмет, еще не освоенный) или через термин, не имеющий непосредственного отношения к данной отрасли производства. Обособленные же видовые термины в крестьянском языке, имеющие другие условия своего образования, другое происхождение, являются видовыми не только в речи, но и в языке крестьян вообще. Связь того или иного предмета с другими предметами, по своему производственному назначению близкими к нему, в данном случае вовсе не осознается, и обобщение, если вынуждать его насильно, пойдет в речи крестьянина по линии, находящейся вне производственной функции предмета, притом же чаще всего в чисто описательной форме. Это явление поддерживалось особенностями натурального крестьянского хозяйства, когда вещь как таковая имела самодовлеющее значение, центром являлся факт ее принадлежности хозяйству, ее использование, а не осознание связи этой вещи с другими вещами. Отсюда отчасти и такая детальность обозначений, терминологическая множественность. В настоящее время в крестьянских говорах в этой терминологической множественности преобладают группы терминов, уже входящие в ряды слов с обобщающим термином вообще, а обособленные видовые термины количественно сужены, после же коллективизации находятся в процессе быстрого исчезновения. Приведем материалы своих наблюдений, собранные в д. Селино в 1933 и в 1934 гг.

1. Термины измерения и обозначения участков земли

1) *Десятина казенная* — 40 × 60 саж., *третьяк* — 30 × 80 саж., *луговая* не имеет определенной величины и зависит от самых различных обстоятельств.

2) *Осьми́нник* обозначает различную меру площади, чаще всего $^1/_4$ дес. или 10 саж. ширины при 60 саж. длины, — это *казе́нный осьми́нник*. Бывает еще *хозяйский* — 12 × 60 саж. и простой *осьми́нник* — 9 × 60 саж.

3) *Леха* — 'самая маленькая единица измерения пашни, полоса земли, которая при севе захватывается рассевщиком за один раз' («Ра́н'шъ па́шн'итъ бы́л'и по́д'в'и *л'их'и́*», С. М., 1933).

4) *Полоса́, поло́ска* — 'всякая пашня, по размерам своим меньше осьминника' (Д'е́с'ит' *пало́с* у вадно́м по́л'и им'е́л», С. М., 1933).

5) *Клин* — 'пашня, расположенная в форме треугольника'.

6) *Ка́рточка* — 'маленькая квадратной формы пашня, обычно вблизи деревни' («На *ка́ртъчк'ах* пр'е́жд'и карто́шк'и был'и», А. В., 1933).

7) *Заго́н* — то же, что и полоса.

Шли деления и по другим линиям: *пай* 'доля луга во время сенокоса' (конечно, в индивидуальном хозяйстве), *наде́л*, до революции *душевой надел*, после — *наде́л по едока́м* («Ja̍ им'е́л дъ кыл'икт'и́въ тр'и́ *над'е́л* на тр'и идака́», Е. Е. 1933), затем по *навозным кучам* («Быв'ал со́рък *куч*, и то́ бал'ша́иь па́шн'ъ», С. М., 1933; «им'е́л ja̍ з'имл'и́ на́ стъ *куч*», Еф. Ерофеев, 1133), *количеству высеянного зерна* («Пашън'к'а jе́тъ была́ на́ пьт' *м'е́р*», С. М., 1933) и т. д., причем эти единицы измерения самые неопределенные. *Десятина, полдесятины, осьминник, полосьминника* имеют между собою определенные ясно осознаваемые связи, так как входят в одну систему измерения, что же касается других терминов, то обобщающим словом будет для них *пашня*, хотя связи здесь представляются иногда довольно туманными. В особую систему измерения входят мелкие единицы: *сажень, полсажня, аршин, четверть, вершок*, в лугах: *сажень, косье* 'длина от начала ручки до носка косы', *ла́поть* 'длина ступни', *полла́птя*, даже *четверть лаптя, шаг*. Каждое хозяйство до коллективизации имело свою особую метку пая на лугах, передаваемую из наследства в наследство, из поколения в поколение (четырехугольник, квадрат, квадрат с крестом внутри, т-образный знак и т. д.).

Аналогичное (приведенному выше) явление наблюдается и в терминах обозначения участков земли:

1) *Поле, поля* — пахотная земля («*па'ла́* тъ у на́с бо́л'нъ буγр'и́сты», И. Мог. 1933, «но́н'ча̀ ны *пал'а́х* харо́шыи хл'аба́», С. М., 1933; «Ма́т' у *по́л'ъ* карто́шк'и капа́иа̀», П. А. 1934), на ряду с этим словом существует и термин *па́хотная земля, па́хоть. Поле и пахотная земля* противопоставляются слову *луг, луга*, которое обозначает площадь со всякой сенокосной травой за исключением сеяных полевых трав. Свое обобщение *поле* и *луг* также и *лес, овраги, болота* находят в слове *земля* («*З'имл'и́* у на́с мълава́тъ, на́м бы и то́ л'е́су пр'иба́в'ит', ды па́хът'и», И. Мог., 1934).

2) *Па́шня* 'частное название полосы пахотной земли, находившейся раньше в индивидуальном владении' («Jе́тът ав'о́с — къмар'о́въ[а] *па́шнъ*», «ра́н'шъ рабо́тъл'и ус'а́к нъ сваие́j *па́шн'и*», П. А., 1933), в значении пахоти, пахотного поля не употребляется.

3) *Облóга* 'запущенная под траву пашня', чаще всего 'конец полосы, оставленный под траву', уменьшительное *облóжка* («Нъ *аблóшкъх*-тъ рáн'шъ ад'ӣн палын рóс», С. Мог., 1933).

4) *Залóга* уменьшительное *залóжка* 'полоса пахотной земли неопределенных размеров', также 'запущенная пашня, покрытая молодым лесом' («Ды пъсад'ӣл адну́ *залóγу* картóшк'и», С. М., 1933). Слово уже мало употребляется и переходит в обозначения отдельных урочищ (*Проклятая залóжка. Бéлая заложка* и др.).

5) *Селӣще* 'земля, отведенная под коноплю' («*С'ил'ӣщъ* тà у нáс харóшыи», А. В., 1933; «т'ип'éр' нъ *с'илӣщъх* бóл'шъ ус'ó картóшку сажáйут'», А. В., 1934). За последнее время начинает употребляться и термин *конопляник*.

6) *Ендовӣще, ендовӣны* 'небольшие луговые участки, вдающиеся в пахотную землю длинной и узкой впадиной' («Карóвы у *јиндав'ӣщы*», П. П., 1934).

7) *Ертебӣще, ертебӣща* — также небольшие луговые участки, но менее глубоко вдающиеся в поле («Скат'ӣнъ хóд'ит' у ј*ирт'иб'ӣщы*», А. В., 1933).

8) *Лужóк* 'луговая полянка в лесу, среди посевов и на усадьбе' («Мáл'чик нъ *лушку́* иγрáла», В. Гришаева 1934).

9) *Верх, верхá* 'крутые ложбины с лугом, также и с лесом, иногда больших размеров', 'глубокие впадины', 'низ'; уменьшительное *вершóк* («Пакóс ид'óт' у рад'ӣт'ъл'скàм *в'арху́*», А. В., 1933; «Ступáј, пъкáр'мӣ лóшът' у Мáхъвàм *в'аршку́*», П. А. 1933; «вот зыγр'им'и'т' у *в'éрх*, тру́днъ бу́д'ит' пад'н'áцъ», Е. Е., 1933). Здесь бросается в глаза довольно странная семантика слова *верх* 'низ'. Ср. также сообщение учителя Я. Яковлева из Алексина в середине прошлого столетия: «Довольно странно, что в Алексине *вершӣною* называется всякое низкое место между двумя возвышенностями, например, овраг, лощина» (АГО, № XLII, 37, 1851).

10) *Рéчка* то же, что и «верх», но обязательно с ручьем. Обычно служит выгоном для скота («Карóвы на мáл'ън'к'àј *р'éчк'и*», П. П., 1933).

11) *Прогóн* 'полоса земли', обычно 'лужок для прогона скота через посевы на пастбище'.

12) *Пóлдни* 'место отдыха скота в полдень', также 'самое время отдыха скота', во время пахоты или навозной возки 'луг с сочной травой, отведенный рабочим лошадям', 'кормежка лошадей' («Д'éвъч'кà на *пóлдн'и* ушлá», А. В., 1933).

13) *Варóк* 'место отдыха скота в лесу, огороженное изгородью' («Мáт' ушлá нъ *варóк* карóву даит'», Е. Скворцова, 1934).

14) *Óсек* 'огороженное место в лесу под пчельником' («На *óс'ик'и* γъвар'áт' рáн'шыъ каз'ýл'и вад'ѝл'ис'», В. Тюрин, 1933).

15) *Целинá* 'никогда не паханная или заброшенная земля' («В'аснóј з'имл'á сыраúь, пахáт' нъы *цыл'ин'é* д'ýжъа чижалó», П. А., 1933).

16) *Новь* то же, что целина.

17) *Уссёлки* 'заброшенная земля, покрытая мелким березняком'. «Скóръ ус'é *ус'óлк'и* бýд'им рáспáхъывáт'», С. М., 1934).

18) *Армань, армáни* 'опушка леса'. Термин чаще употребляется уже как название урочища.

19) *Кулúга, кулижка* 'лужок', 'запущенная пашня', 'большая площадь любой земли'. Термин начинает выходить из употребления.

20) *Ланкú* 'лужки'.

21) *Кругóвье, кругóвья* 'колено реки с прилегающим к нему лугом' («Нâшыъ *круγóв'ųъ* пашл'ú кас'úт'», Д. Махова, 1933).

22) *Гарóд* 'огород', *сад, усадьба.*

Автор на месте выяснял, какое взаимоотношение имеется между всеми этими терминами, соответственно участками земли. Ряд терминов представляет собою действительно обособленные видовые понятия. Так, нет общего названия для пастбища, хотя скот все лето, также конец весны и начало осени, пасется на воле. Слово *пáстбище* (на севере *исхожа*, старолад., 1933, *ухóжа* и т. д.) здесь не употребляется. Обычно говорят: *скотина на полднях, лошади в ночнóм, деннóм* или *«на росе», коровы и овцы в лугах, на речке* и т. д., т. е. смотря по тому, где находится скот и в какое время он пасется. Из частных обозначений *выгон и прогон* стоят в связи друг с другом (часто смешиваются), такие же как *варóк, пóлдни* стоят совершенно обособленно и ни в какие ряды терминов не входят. Хотя *варóк* и *пóлдни* имеют одну и ту же функцию — отдых скота (разница между ними в том, что варок огорожен изгородью, полдни же нет), крестьяне осознают эти предметы как совершенно различные, не подлежащие никакому обобщению. Лишь в разговоре отвечают полным согласием, что «и на варке, и на полднях скотина отдыхает», т. е. дают не обобщающие термины, а описание. Не было до самого последнего времени обобщающего термина и для слов: *кулúга* 'запущенная пашня', *уссёлки* то же, *залóга* то же, так как этому препятствовало то обстоятельство, что термины эти в одно и то же время — обозначения определенных урочищ, т. е. они и нарицательные, и в одно и то же время собственные имена.

В колхозе эти участки нашли свой единый эквивалент: *брос*, *бросо́вая земля* («У нас мно́гъ *брасо́вај з'имл'и́*, ра́зных та́м зало́жък ды. кул'и́х», А. Сент., 1934), термины эти употребляются пока лишь колхозным активом. То же самое можно сказать и о некоторых других терминах: *ертебйще*, *ендови́ще*, *портки́* 'пашня, в середину которой врезывается лужок', как и самый лужок, *подо́л* 'небольшой участок луга, примыкающий к реке', *кругóвье*, *копаня́*, 'суходольные луга', на которых раньше произрастал лес и т. д. (эти термины употребляются и в соседних деревнях для других урочищ), строго отличаются от собственно *луга*, *лугов*, и крестьянин ни в коем случае не назовет, скажем, *ендовище лугом*, *лугами*: *луга* — это одно, а *ендовище* — совсем другое. Все вышеприведенные участки земли мыслятся не отвлеченно, а конкретно, выступают, прежде всего, как определенные урочища. Для нас и *ендовище* и *копаня*, и *подол* являются разновидностями луга, *луг* выступает как обобщающее слово, но для крестьянина *луг* не может выступить в качестве такового, так как сам выступает как одно из урочищ. В качестве обобщения, да и то описательного и временного (на время сенокоса), выступает слово *покос* 'сенокос' («Пойдем на *покос*», безразлично, будет ли он на *копанях*, в *лугах* или в *ендовище*). Самое отдаленное обобщение — слово *земля*, но это такое обобщение, которое буквально может обозначать все, не только вышеприведенные термины.

В пополнение детальности обозначений добавим еще, что имеются названия участков земли по культурам: *овсянище*, *ове́с* 'овсяное поле после уборки', 'пашни, засеянные овсом', *рожь* (*ржа́нище* отсутствует), *карто́шки*, *горечи́ха*, *пар*, *кле́вер*, *лен* и т. д., 'поле под соответствующей культурой', *зеленя́* 'всходы ржи и пшеницы', *жни́вье*, *жне́вье*, 'корешки ржи и пшеницы, оставшиеся после жатвы', *ко́лчи* 'корешки травы после покоса', *ота́ва* 'молодая трава, выросшая после покоса' и т. д. И здесь характерно, что нет общего названия для всходов и стерни. *Зеленя́* только всходы ржи и пшеницы, всходы же других культур обозначаются по их названиям. Стерня ржи и пшеницы *жневье*, стерня овса — *овся́нище*. Но здесь нужно подчеркнуть, что описываемое явление, главным образом, относится к терминологическому наследству единоличной деревни. О новых процессах в колхозной деревне, разрушающих обособленность видовых терминов, см. последний раздел настоящего исследования.

2. Названия стогов и продуктов обмолота

Для различного вида стогов или копен не имеется какого-либо общего названия, хотя внутри этой группы терминов и имеются небольшие ряды с обобщающими словами.

1) *Копна́* '52 снопа озимых или яровых', также 'куча сена на лугу'; 'куча полевых трав, гречихи, чечевицы, гороха и других культур, которые не связываются в снопы'. Употребляется название *полкопны́* '26 снопов'. *Копна́* в значении кучи может быть самых различных размеров.

2) *Кресте́ц* '13 снопов, крестообразно положенных друг на друга'; крестец завершается тяжелым снопом — *голово́й*, который кладется сверху. Четыре крестца составляют копну. Употребляется *полкрестца* («Мы ньо́н'чь с'в'аза́л'и д'е́с'ит' хр'асцо́ў ды *пылхр'асца́*», А. В., 1933).

3) *Ба́бка* '10 снопов льна, приставленных друг к другу'.

4) *Скирд* 'стог необмолоченного хлеба' («Ро́ш ус'ў о́с'ьⁱн' у с'т'ирда̀х мо́клъª», А. В. 1933).

5) *Стог* 'большая копна обмолоченной соломы или сена' («С'е́нъ та̀ у *стаɣа́х* пр'е́пт'», П. П., 1933).

6) *Адо́нья* то же, что и скирд.

7) *Кладу́шка* то же, что и адонья.

8) *Аме́т* то же, что и стог («Када̀ пашо́л до́ш, мы у вам'о́тъх схыран'и́л'ис'», П. П., 1934).

9) *Ку́ча* 'куча сена или сеянной травы поменьше копны и безо всякой формы'.

10) *Вал* 'сено, сваленное в удлиненную кучу' («С'е́нъ та̀ на́дъ у *валы́* сва́л'ива̀т'», П. П., 1934). Все это относится к стогам (копнам) или кучам, находящимся под открытым небом. Когда же снопы, солома или сено положены в сарай, тогда они не имеют специальных обозначений и называются по той или иной культуре (*пшеница*, *овсяная солома*, *сено* и т. д.). Для стога и омета выдвигается общее слово *омет*, хотя еще оно в этой роли окончательно и не стабилизировалось («Как'и́ль *ам'о́ты* та̀ накла́д'ны: два стоɣъ у ма̀л'ин'к'ива̀ в'аршка́, ды п'ат на́ пъл'а̀х», А. Сент., 1934). *Скирд, адонья и кладушка*, несмотря на чрезвычайную близость их значений, все же не являются однозначащими словами и имеют оттенки различия (скирд больше, чем адонья и кладушка, адонья — правильной круглой формы, кладушка кладется обычно четырехугольником), но обобщающего названия не имеют, хотя могут быть, конечно, обобщены описательно («большая куча ржи» и т. д.), но такое обобщение

не является уже термином. Приведем примеры по названиям продуктов обмолота.

1) *Зерно́, зе́рна* 'одно зерно какой-либо культуры, также и в собирательном значении' («γъвар'а́т', штъ^ы ны́н'чъ^а ну́жнъ^а в'ис'т'и́ *за̀рно́* нъ^ы зъ^ыγатбу́ку», И. Скворц., 1933).

2) *Ове́ршье* 'полновесное зерно' (непосредственно после молотьбы на току).

3) *Ухво́стье* 'легковесное зерно' (также на току).

4) *Оза́дки* 'колос, легкие зерна, всякий сор, который остается после веяния' (В'е́ил'и тъ но́чју, ус'о́ з'арно́ л'ит'е́лъ^а у в аза̀тк'и», В. Гришаева, 1933).

5) *Полова́* почти то же, что и озадки (есть какой-то трудно уловимый оттенок).

6) *Мяки́на* 'мягкая шелуха зерна после веянья' («В'асно́ј и *м'ит'и́нъ* пр'иγад'и́цъ», А. В., 1933).

7) *Хобо́тье* 'мякина, смешанная с пустым колосом' («Пло́хъ мало́т'ут', ус'о́ з'арно́ *ухабо́т'ју* л'ит'и́т'», А. В., 1934).

8) *Устре́ски* 'крупный обмолоченный колос' («Ваз'м'и́ кърмаву́иу кашо́лкъ, ды пр'ин'ис'и́ *устр'о́сак*», А. В., 1934).

9) *Ко́лос* 'плохо обмолоченные отбитые колосья после первой молотьбы цепами, которые подлежит обмолоту еще раз' («Пылаγ'е́иа̀, ну́къ адγр'иб'и́ *кола́с*», А. В., 1934).

10) *Во́рох* 'ворох невеянного зерна на току или в сарае'.

11) *Соло́ма* («јих паста̀в'ил'и *сало́му* адγр'аба́т'», Д. К., 1934).

12) *Старно́вка* 'снопы, обмолоченные цепами один раз и подлежащие окончательному обмолоту' («Ра́з'в'ије́тъ ^амъ^ы лад'ба́, *старно́уку* то́л'к'а̀^ь д'е́лъиут'», Ал. Скворцов, 1934).

13) *Вере́вка* 'снопы, уложенные на току в ряд для обмолота цепами' (на самом деле они веревкой не связываются).

14) *Зало́га* 'куча снопов, которая обмолачивается конной молотилкой от отдыха и до отдыха' («По́ тр'и *зало́γ'и* у д'е́н' мало'т'им», В. Кузнецова, 1934).

15) *Ости́нки* 'ости колосьев'.

16) *Пыль*, 'сор, отбросы молотьбы и веянья, которые нельзя использовать в хозяйстве'. Для отбросов обмолота (*мякина, озадки, полова, хоботье, устрески*) до сих пор не было обобщающего слова. После коллективизации это слово появилось, именно — *отбросы молотьбы, отбросы,* в употреблении колхозного актива (У на́с нѐ должны́ пръпада́т' и *адбро́сы*

мълад'бы, эт'и *адбросы* це́ну им'е́йут'», И. Кост., 1934). Правда, и раньше имелось обобщающее название, но оно было отдаленным и употреблялось лишь эпизодически (*корм*) («В'аснóј и м'ит'и́нъ кóрм», С. М. 1933). Для слов *ухвостье, овершье, ворох, зерно* обобщающим термином является *зернó* («Плаха́иа̀ *з'арнó* с'авóд'н'и, адна́ *ухвóс'т'ја̀*», А. В., 1933; «Ус'ó *з'арнó у вырахáх* на γу́внàх», А. В., 1933).

3. Названия сельскохозяйственного инвентаря

1) *Колымáга*, 'большая телега' («Та́кън'и́ и ује́хъл'и сы сваи́ми кълыма́γъми», Г. Т., 1934); 2) *телéга*; 3) *навóзница* 'телега, приспособленная для возки навоза'; 4) *передки* 'телега без кузова и задних колес'. Все приведенные термины объединяются одним общим словом *телега*; 5) *хомýт, шлея́, чересседéльник* и другие наименования предметов конской упряжи обобщаются термином *сбрýя* («*Збрýјъа̀* н'и чин'óнъ, пр'а́мъ б'ада́», П. А., 1934); 6) *плýжный ключ, волокýшки*, 'жерди, сбитые в виде треугольника, на котором возится плуг', *маслёнка* или *пузырёк* (для смазывания плуга), *лопáточка* (для очистки лемеха от грязи) и др. наименования инвентаря, относящиеся к полевым сельскохозяйственным орудиям, не имеют обобщения.

То же самое наблюдается и в названиях инвентаря, относящегося к сенокосу (*бáбка* небольшая наковальня для отбивки кос, *брусок, брусошница, лопáточка* и др.), перевозке и сушке зерна (*дерюга, дерюжка* 'грубый холст', *верéтье* 'посконный небеленый холст, употребляемый для сушки зерна', *брезент, мешок* и др.) и пр., где обобщающего термина нет. Аналогичное положение наблюдается и в наименованиях сельскохозяйственных орудий. Как и в других случаях, указанных выше, после коллективизации среди колхозного актива, также грамотных людей, под влиянием газет и собраний, начинают употребляться для всех вышеперечисленных слов обобщающие термины: *сельскохозяйственный инвентарь*, просто *инвентáрь* («*Ине'антáр'* γатóў, мóжнъ пр'иступа́т' к с'е́ву», И. Кост., 1934), *сельскохозяйственные орýдия* («Уш бóл'нъ сла́п к на̀ъм завóс *с'ел'скъ-хаз'а́јств' иных арýд'иј*», Е. Е., 1934).

4. Названия корзин

Нет обобщающего термина и для названия корзин. Имеются частные: *корзи́нка* 'купленная в городе корзинка, аккуратно сделанна' («Ваз'м'и́ сабóј у д'анóца̀ *кар'зи́нку* ја́блък ў н'ицó палóжыш», А. В., 1934), *кошóлка*

'самодельная корзинка из ивовых прутьев', *кормовáя кошóлка* 'большая корзинка, в которой зимою носят из сарая корм скотý'; *плетýшка* то же, что и «кошолка», *рыдикýль*, 'ридикюль', *кошéль*, 'лыковая кошолка'; *шевернюшка* 'большая глубокая корзинка из ивовых прутьев, которая кладется в сани'.

5. Названия изгороди

1) *Городьба* 'изгородь в поле, вокруг огорода, сада'; 2) *згорóдка* 'изгородь вокруг небольшого участка перед окнами избы, где обычно сажаются деревья и кустарник, также самый участок'; 3) *частокóл* особый вид изгороди; 4) *плетéнь* 'густо заплетенные ореховым хворостом колья, употребляются как стены в сарае'; 5) *слéги, слéжки* 'длинные жерди, прибитые по две или по три (через известные вертикальные промежутки) к кольям, употребляются также как ограда посевов, огорода и пр.'. В этой группе терминов кандидатом на обобщающее слово является термин *городьба*, но он еще далеко не стабилизировался в этом значении.

Приведем еще несколько примеров: *лопáта* 'деревянная лопата', *скрёбка* 'железная лопата'. Последнюю ни в коем случае не назовут *лопатой*. *Сýлка* 'отбросы, которые остаются от измятой пеньки', *кастрúка* — от измятого льна. И то и другое строго различается, общего же названия нет. Аналогичное отношение и между терминами *вя́зка* или *жгут* 'бечевка для связывания снопа', *перевёсло* 'вязка из ржаной соломы' и рядом других слов. Ту же картину показывают и материалы, собранные мною в Староладожском сельсовете.

Как уже было сказано выше, обособленность видовых понятий, отсутствие обобщающего термина может наблюдаться только в ряду производственно-связанных слов. Вне же самого производства обобщения (описательные или терминологические), если с крестьянином вести беседу по определенному руслу, всегда находятся, что бывает и не только под чужим воздействием, но и в их обыденной жизни. Приведем несколько примеров. Названия сельскохозяйственных орудий в единоличном хозяйстве не имеют обобщения, вытекающего из самого характера сельскохозяйственного производства, но они все же обобщаются терминами другого порядка. Любуясь вновь приобретенным двухлемешным плугом, С. М. произносит: «Какая хорошая *машина*» (1934). *Молотилка* очень часто также называется *машúной*, а молотильщик — *машинúстом*. Машиной крестьяне называли и сеялку. То же можно сказать и о других словах, выражающих обособленные видовые понятия. *Сýлка*, *кострúка*, 'отбросы от обработки

конопли и льна'. Как *отбросы* определенного процесса производства, они не обобщаются, но автор слышал выражения: «Что вы столько *сору* навалили. Отвезите *сулку* в яму» (А. Сент., 1934). Обобщающим термином выступает в данном случае слово *сор*. Примеры можно было бы продолжить до бесконечности. Помимо того, не следует забывать, что местная сельскохозяйственная терминология насыщена родовыми обобщениями. Иначе и не могло быть, поскольку говоры во всех своих частях столетиями испытывают влияние литературного языка.

Следовательно, данный тип терминов лишь пережиточно сохраняет остатки предшествовавшей ступени мышления, когда термины, выражавшие обособленные видовые понятия, господствовали во всех отраслях лексики. «Теория», пытающаяся поставить знаки равенства между языком крестьян и речью примитивных народностей, вряд ли может мобилизовать в свою пользу хоть пару фактов, предварительно не исказив их.

Явление «обособленности видовых понятий», помимо своего принципиального отличия от лексического строя примитивных языков, не может быть отнесено ко всем этапам развития крестьянского мышления; в колхозной речи этот языковый пережиток, как то показывают материалы, очень быстро исчезает.

Как на сопутствующее явление мы можем указать на значительную распространенность описательных выражений там, где в агрономическом языке наличествуют термины, также на известную недостаточность именных обозначений и преобладание глагольных, что после коллективизации, когда начался бурный процесс создания именных терминов, создает известные терминологические затруднения.

В единоличной деревне (беру д. Селино) существовали термины: *копнить сено,* но не было именного обозначения этого процесса производства, соответственно *веять, двоить, троить, перепахивать* и т. д. Можно предполагать, что описательность сельскохозяйственных слов, детальное обозначение каждой местной особенности, которая выпирала на первый план, в предыдущие столетия сказывалась значительно сильнее, что объясняется условиями общественной жизни того времени. Конечно, письменные памятники весьма далеки от средневековых русских крестьянских говоров, хотя бы и деловые документы, но все же они могут пролить некоторый свет. Наблюдения над письменными памятниками подтверждают высказанную выше мысль. Приведем в качестве примера некоторые данные, взятые из северодвинских грамот XV в., касающиеся обозначений участков земли. Грамоты не показывают какой-либо единой системы измерений и названий

земельных владений. Господствует терминологическая множественность, неизменно сопровождаемая описательными, чисто местными определениями:

а) *гоны* (первоначально площадь земли, обрабатываемая в один прием): «Двои *гоны* ꙁемли оурвановьской путь посеретки. ꙁа ѿвиномъ. *гоны* земли. а ѿвинъ стоитъ и҃ гумнищо а то николиже. *гоны* ꙁемли подъ п҃вкою (Грамота № 12). «Се купи игуменъ Василеи . . . въ кѣпалѣ двои *гоны* орамици». (Купчая Николаевского Чухченемского монастыря у Григория Иванова, № 1.)

б) *Лоскут*: «Се купи Григореі староста ст҃му Николи . . . *лоскутъ* ꙁемли на два пуꙁа» . . . (Купчая Николаевского Чухченемского монастыря, № 4). *Лоскут* здесь определяется количеством «душ» (по грамотам — *пуз*).

в) *Веретея*: «На юрмолѣ высокаꙗ веретѣꙗ над҃ оꙁеромъ . . . а пожнѧ и веретѣика орамаꙗ промежу селькиною ꙁемлею» (Купчая Николаевского Чухченского монастыря, № 3.)

г) *Наволок* 'луг', (современное диалектическое *наволок* 'прибрежный луг', но и 'сенокосная земля вообще', (А. Подвысоцкий), употребляется на ряду с термином *пожня* 'луг': («Четверть *наволока* моего участька. оу ѻ҃строва . . . верхнего коньца, куда моѧ рука ходила». (Духовная Артемия черноризца, № 9.)

д) *Притереб*: «Се купи и҃гуменъ Василей на маломъ ѡстровки. оу мѣхиꙗ . . . а межа тое ꙁемли съ верхьнего конца до наꙁарови ꙁемли . . . иꙁъ ꙁакраинами и съ *притеребомъ*». (Купчая игумена Василия, № 18.) «Се купи и҃гуменъ Василей . . . оу глухомъ погости полъ дворища а полъ ѡго[ро]іща . . . полполца ѿрамой ꙁемли . . . и въ другомъ месте полполца орамицы . . . и҃ полпоженки . . . и҃ *притеребъ*. и҃ полпутика мѣхѣеви ꙁемли». (Купчая игумена Василия, № 19.) «Се купи Павле Труфановичь . . . ꙁемлю полполца высокого». (Купчая Павла Трифоновича, № 2.)

е) *Лог* и *кут*: «Се далъ алѣксъ чернець ст҃му николи . . . ї пожнѧ *логъ* ї *кутъ* весь . . . въ томъ же шутови *кути*». (Вкладная чернеца Алексея, № 11.)

ж) *Жеребье*: «Се купи михайло вахромѣеви и҃ . . . два *жереба* и҃ съ сеиными наволокы и҃ ꙁъ бобровыми ловищи. и҃ съ полѣшими лѣсами и съ поутиками». (Купчая Михаила и Игнатия Варфоломеевичей, № 33.)

з) *Куча*: «Се далъ есипъ інокъ скии ст҃му николи і вѣкѣ полосу ꙁемли і ꙁакраину на г҃ *кучь*». (Вкладная Иосифа инока-схимника, № 10.)

и) *Межа*: «Межа съ верхного конца ѿ Трофимови ꙁемли по оулици. съ нижного конца межа до Дмитрови ꙁемли». (Купчая Николаевского Чухченемского монастыря, № 2.)

Эти примеры характерны для всей лексики северодвинских грамот, также и ряда других памятников феодального времени. Пашня обозначается несколькими терминами: *гоны*, *лоскут*, *веретея*, *закраина*, *притереб*, *полице*, *полоса*. Все они созданы по «технологическому» способу словообразования, но выбор того или иного признака, по которому создано каждое из этих слов, идет по совершенно различным линиям: по производственному моменту, внешнему сходству *(лоскут, полоса)*, месту расположения участка *(закраина)*, переосмыслению и переоформлению старых слов (*полице, веретея*) и т. д. Эта разнохарактерность признаков, как бы их случайность, в обозначении предметов, функционально между собою связанных, и служит одним из языковых условий создания обособленных видовых терминов, терминологической бессистемности. Другим условием, здесь еще не отмеченным, является скрещение, беспрерывно происходящее в процессе взаимоотношений говоров.

Можно с уверенностью сказать, что приведенные в этой главе термины, собранные автором в одном географическом пункте — д. Селино, в предшествующие эпохи вовсе не находились в таком соотношении, в каком они находятся сейчас. Благодаря изменениям общественных связей происходили, на ряду с переосмыслением, и территориальные сдвиги, которые также являлись одним из производных условий переосмыслений. Потребность в детальности обозначений, появление новых предметов, следовательно и новых обозначений, не могла, конечно, быть удовлетворена и в минимальной дозе, поэтому пополнение словаря шло за счет переосмыслений различных «заимствований», в частности из соседних говоров. Переосмысление это или придавало «заимствованному» термину более широкий смысл или, наоборот, специализировало его семантику. Скажем, слова *кулига* и *лан*, *ланок*, также *ендовище* и *ертебище* и много других (д. Селино) первоначально имели более или менее идентичное понятие (бытуя в различных говорах), позже, «сталкиваясь» в одном говоре, они уже получают более узкую, специализированную семантику. Примеры этому явлению будут даны во втором отделе исследования в связи с вопросами территориального распределения терминов, здесь же необходимо отметить данный факт как одну из производных причин (и средств) множественности сельскохозяйственных названий и их известную беспорядочность, поскольку процесс проникновения терминов в говоры, соответственно общественным условиям того времени, шел исключительно стихийно.

Типологическое сближение сельскохозяйственной лексики с научной терминологией

Если первая ступень «технологического» способа словообразования характеризовалась обособленностью видовых понятий, поскольку связи вещей осознавались слабо и на первый план выдвигалась вещь без ее взаимоотношений с другими, или эти связи шли как бы по случайным линиям, вне данной отрасли сельскохозяйственного производства, то позже вещь начинает осознаваться в связи с другими сторонами того производственного процесса, в котором она выступает. Термины, обособленно обозначавшие различные стороны одного и того же производственного процесса или даже предмета, объединяются в определенные ряды с обобщающим словом во главе, происходит процесс систематизации терминологии, высшей ступенью которой является научный язык.

«В органической химии значение какого-нибудь тела, а, значит, также название его, не зависит уже просто от его состава, а скорее от его положения в том *ряду*, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы найдем, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено названием, указывающим этот *ряд* (*парафины* и т. д.)».[1] Эти слова относятся к научной терминологии, но процесс перестройки терминов таков же и в крестьянской сельскохозяйственной лексике, с тою разницею, что происходит он стихийно и не в таком чистом виде, причем интенсивность его на различных ступенях развития русских говоров различна. Расширяясь от случая к случаю в феодальном обществе, он получает базу для своего быстрого развития после проникновения капиталистических отношений в деревню и внедрения в сельское хозяйство новейших сельскохозяйственных машин, в первую очередь, конечно (помимо помещичьих усадьб), в хозяйства кулацкого слоя крестьянства. Речь идет о пореформенной деревне, поскольку «... широкое движение, направленное к преобразованию земледельческой техники, началось только в пореформенный период развития товарного хозяйства и капитализма».[2] В связи с проникновением в деревню новых машин появляются и новые термины. Приведем несколько примеров. В говорах начинают иметь широкое распространение *машина* 'молотилка', *веялка*, *веянка*, *сеялка* и др., также такие, как *чертеж* 'соха с лемехом' (МДК, II, № 54), *молотилка* — термин, по закону функциональной семантики в ряде местностей перешедший

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Соцэкгиз, М.-Л., 1931, стр. 141.

[2] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, М.—Л., 1931, стр. 169.

с обозначения цепа (*молотилка* 'цеп', ПАН, № 81; МДК, II, № 127, 1912, и др.), *рядо́вка* 'рядовая сеялка', *решета, сортовка* 'сортировка', *грохотка, арфа, триэр* 'машины для очистки зерна' (МДК, I, № 28. Никол. у., Самар. губ., 1912), *ветродуйка* 'фухтель', 'веялка без сит' (Сахаров, орл.), *грунт, садить на грунт* 'сажать огородные культуры без грядок' (д. Позем, Старолад., 1933), *бороздник* 'огородное орудие для срезывания травы в бороздах' (Волоцкой, ростов.), *жатвеница, жатка* (Словарь А. А. Шахм.), *сымакоска, сымавязка, сенокоска, сноповязка* (МДК, I, № 117[а]) и др. Но дело не ограничивается только появлением новых терминов. Благодаря новым социально-экономическим условиям, также влиянию самой структуры агрономической терминологии, начинается процесс типологического сближения местной сельскохозяйственной лексики с научным словарем. Происходит систематизация местных терминов в определенные ряды по производственному признаку обозначаемых предметов, которая сопровождается не только созданием обобщающего слова, но и вытеснением ряда терминов, препятствующих этому обобщению, также переосмыслением слов, вовлеченных в данный процесс. Так, в Котельническом у. б. Вятской губ. различные виды сохи имели самостоятельные, не связанные друг с другом обобщающим термином названия: *соха, косуля, оралка*, для плуга: *плуг* и *сабан*, для бороны: *борона* и *черкуха*. Аналогичное явление в названиях бороны было и в Староладожском сельсовете, но в новых условиях оно изменилось коренным образом. Почти все старые названия отмерли, осталось лишь одно: *борона*, которое явилось основным элементом в обозначениях различных борон: *деревянная борона, простая борона, борона-зигзаг, дисковая борона* (по словам И. Мариничева, эти термины зажиточными крестьянами употреблялись и до революции). Что важно подчеркнуть, процесс систематизации, «синтетического обобщения», местной сельскохозяйственной лексики происходил не обязательно в непосредственной связи с литературной лексикой. Поскольку толчок был дан, процесс, не меняя существа своих особенностей, мог оставаться и чисто местным явлением, проходить только в рамках диалектов, непосредственно не завися от литературного языка. Так, в Староладожском сельсовете при наличии нескольких, ранее независимых друг от друга, терминов, обозначающих различные пастбищные участки (что и до сих пор сохранилось в д. Селино, см. стр. 81), выдвигается из частного в общий термин *исхо́жа* 'любой пастбищный участок', раньше же употреблявшийся только в значении 'выгон для скота около деревни', который начинает вытеснять другие частные термины и обозначать различные пастбищные участки путем присоединения к себе соответствующих определений

(*луговая исхожа* вместо *дóлы*, *дóльны* 'пастбищные луга', *лесная исхожа* вместо *ледúна*, *ледúны* 'сухие пастбищные островки среди болот в лесу', *исхóжа* вместо описательных объяснений «коровы в лесу», «лошади в лесу» и т. д.). Термин *исхóжа*, становясь общим для всех пастбищных участков, родовым термином, следовательно по своей структуре аналогичным соответствующим литературным словам, территориально все же остается местным. Следовательно, нельзя говорить о новом терминотворчестве как лишь о пассивном заимствовании крестьянами терминов литературного языка: усвоение нового типа слов шло творческими путями. Тем более это относится к современной деревне. По поводу вышесказанного нужно сделать следующую оговорку. Как создание и распространение общелитературных слов, так и сложение новой техники образования терминов при капитализме, по существу, только лишь началось и было весьма далеко до своего завершения. Это объясняется тем, что капитализм дал деревне лишь жалкие крохи культуры, тем, что техническое развитие крестьянского хозяйства, соответственно производственное мышление крестьян, осталось на весьма низком уровне. Весьма характерен в этом отношении ответ на «Программу» Академии Наук учителя Каргопольского у. Олонецкой губ. И. И. Корехова: «плуга в нашей местности нет, а потому и название его не употребляется» (№ 106, 1897). Несмотря на вышеописанные сдвиги, крестьянская сельскохозяйственная терминология при капитализме, в основном, соответствовала допотопной технике ведения хозяйства. Исторически сложившийся терминологический разнобой, также различные напластования по технике сложения слов во всех их стихийных неупорядоченных переплетениях как наследие прошлого остались вплоть до наших дней, что представляет определенные затруднения для ведения планового (во всесоюзном масштабе) сельского хозяйства и требует к себе внимания как практических работников, так и лингвистов-теоретиков. Действительный процесс перестройки местной сельскохозяйственной лексики, ее как типологическое, так и материальное сближение с научной терминологией началось лишь после коллективизации, в период бурного, невиданного в истории языка, терминотворчества.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Говор и его границы

Территориальное распределение сельскохозяйственной лексики (по говорам) не может являться для нас самоцелью, оно необходимо лишь как подсобное средство для разрешения той или иной проблемы истории говоров, но, как и всякая техническая сторона дела, имеет очень большое значение для материального обоснования любой диалектологической работы. Распределение материала по говорам дает возможность поставить на твердую почву такие проблемы, как тенденция развития диалектов от множественности и раздробленности к общелитературному языку, известные стороны вопроса о происхождении русского языка и т. д. Вследствие этого вторая часть исследования не представляет собою нечто изолированное от других разделов, она является необходимым дополнением как для первой, так и для третьей части.

В выполнении поставленной здесь задачи автор встречает ряд трудностей. Помимо затруднений, указанных уже в предисловии, необходимо указать и на другие, кроющиеся в диалектологической литературе о говоре и его границах. Существует ли вообще говор, каков характер его границ, причины возникновения диалектов, взаимоотношение говора с другими говорами, соответствия в диалектах словаря и других сторонах языка и т. д. — по всем этим проблемам имеется множество различных взглядов, далеко до договоренности даже в рамках индоевропеистской методологии, причем все это выражено, пожалуй, в более резкой форме, чем в других областях языкознания. Коротко остановимся на истории изучения указанных выше проблем. Старая диалектология исходила из того положения, что говор является цельной единицей, своего рода организмом, выделившимся в процессе «естественного дробления» из «общего ствола» языка, отсюда и вывод о характере границ говоров: эти границы резко очерчены и пред-

ставляют собою аналогию административным.[1] Бесспорно, что это положение далеко от действительной истории диалектов, как и действительного их расположения, поскольку оно не учитывает ни сложных исторических переплетений различных говоров в течение многих веков, ни тем более социально-экономических условий их образования. Стремление найти точные, резко очерченные диалектические границы приводило к тому, что выдвигались лишь немногие языковые признаки, исключительно фонетические, по которым и судили о существовании того или иного говора и его границах. Мы не говорим уже о таком методологическом пороке, как выведение диалектов из «праязыка» или «праязыкового состояния». Жесткость и негибкость старого метода определения границ говоров привела к противоположности другого порядка. Еще в конце 60-х годов Hugo Schuchardt, в своей работе «Vokalismus des Vulgärlateins», выдвинул положение, развитое затем Yohann'ом Smidt'ом,[2] «Wellentheorie» которого была подхвачена многими диалектологами на Западе и в России в применении уже к говорам современных языков, что нельзя писать о говоре как реально существующей единице; говоры не противостоят друг другу, а незаметным образом, без каких-либо ощутительных переходов, «переливаются» один в другой. Следова-

[1] Подобного рода взгляды были широко распространены среди диалектологов всех стран. Как на характерный пример для русской диалектологии этого направления, укажем на высказывания И. И. Срезневского по поводу географического расположения говоров: «Во всяком крае есть свой язык, свое наречие, свой говор. Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или ином крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях, — вот задача географии языка. Эта география — в том же роде, как география ботаническая, зоологическая, патологическая, архитектурная, религиозная и т. д. («Замечания о материалах для географии русского языка», Вестн. Русск. геогр. общ., ч. 1, кн. I, СПб., 1851, стр. 4). «Первой принадлежностью этой лингвистической географии должна быть, как всякому понятно, карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы его наречий — как границы областей, границы местных говоров каждого из наречий — как границы округов и волостей каждой области» (там же, стр. 6). К тому же направлению, правда, несколько видоизмененному в связи с накоплением материала, принадлежит и ряд диалектологов позднейшего времени. Укажем здесь на Е. Ф. Карского, который писал о причинах возникновения говоров следующее: «Причины, вызвавшие современные диалектические разнообразия в русском языке, те же самые, которые содействовали распадению основного индоевропейского и основного славянского праязыков и которые до сих пор вызывают появление наречий и говоров в разных живых языках; это прежде всего те причины, которые вообще производят изменение в языке — условия физиологического, психологического и отчасти социального характера» («Русская диалектология», Л., 1924, стр. 5). Поскольку язык механически расщепляется на диалекты, то и границы таковых должны быть четкими и определенными, что Е. Ф. Карский и приводит в своих исследованиях (ср. критику его работ в ряде статей А. И. Соболевского: «О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности», Изв. АН, кн. 3, т. VII, 1902 и др.).

[2] «Die Heimatverhältnisse der Indogermanen», Weimar, 1872.

тельно, ни говоров, ни диалектических границ в действительности не существует. На той же точке зрения стоял P. Meyer, который в своей критике «Schizzi franco-provenzali» Ascoli утверждал, что говор есть лишь воображение мысли, конструктивная абстракция, основывающаяся на произвольном выборе признаков различий. Поэтому задача науки сводится лишь к указанию распространения языковых явлений.[1]

Позицию, близкую к этим исследователям, занял Gaston Paris со своими учениками и ряд других диалектологов Запада конца прошлого и начала настоящего столетия. В России М. Колосов еще в 1877 г. выступил против старой диалектологии с утверждением, что невозможно определить границы и характерные особенности местных говоров.[2] Но особенно резкую позицию против методов старой диалектологии занял А. И. Соболевский, опиравшийся в своих теоретических положениях на «Wellentheorie» И. Шмидта.[3] Это направление помогло теоретически устранить наивную точку зрения на говоры, пропагандировавшуюся старой диалектологией, но само оно положительного ничего не дало и не могло дать, поскольку им отрицалась реальность говоров. Каждый говор — «переход» к другому говору, причины, возникновения диалектических черт не могли быть объяснены, оставалось лишь констатировать распространение той или иной особенности, взятой в отдельности от другой; беспрестанные изменения, «переливания» тонули в море хаотических нагромождений.[4] Особенно ярко выраженный релятивизм мы находим позже у ряда

---

[1] A. Bach. Deutsche Mundartforschung ihre Wege, Ergebnises und Aufgaben, Heidelberg, 1934, стр. 27.

[2] Приводим его замечания по поводу распространения новгородских говоров: «Язык населения Новгородской губернии представляет не мало диалектического разнообразия; но ответить научным образом на вопрос, какие именно говоры можно различить на пространстве этой губернии, я, по крайней мере для себя, не вижу возможности» («Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия», Сб. ОРЯС, т. XVII, 1877, стр. 1). «От Ильменя до Белого озера различные звуковые черты новгородских говоров много раз и появляются и исчезают перед наблюдателем, и при том так, что почти нигде топографических причин их появления и исчезновения не оказывается. Во многих уездах местности, смежные одна с другой и неразделенные ни реками, ни озерами, ни лесами, ни болотами, представляют большие разности в звуковых чертах языка населения. Наоборот, не редко и то, что сходные и даже тождественные черты говоров можно встретить на разных противоположных концах губернии» (там же, стр. 2).

[3] Укажем здесь также на В. Попова («К определению типа русского наречия в верховьях Западной Двины», ИОРЯС, т. II, кн. I, 1929), который следует за И. Шмидтом в определении границ говоров.

[4] Необходимо заметить, что увлечение А. И. Соболевского, как и некоторых других исследователей, «Wellentheorie» И. Шмидта шло, главным образом, по линии теоретических выкладок, которые не налагали особого отпечатка на практическую часть их исследований, где они, в основном, придерживались распространенного в литературе деления диалектов и говоров.

представителей французской школы лингвистической географии, возглавляемой Жильероном. Центр тяжести исследования переносится на историю и распространение отдельного языкового явления, взятого изолированно от других. В очень редких случаях границы какого-нибудь одного явления совпадают с границами распространения другого, а поскольку отдельный факт, взятый сам по себе, играет доминирующую роль, то делаются соответствующие выводы о границах говоров. Релятивизм здесь совпадает с эмпиризмом, боязнью обобщений и т. д.[1] Если старая диалектология рассматривала говоры как цельные организмы, что обусловливалось в известной мере слабой изученностью диалектических особенностей, отсутствием достаточного количества материала, то последующее направление, представители которого окунулись в море фактов, представляло их как нечто условное, как сумму отдельных случаев. Действительно, трудно подыскать примеры полных совпадений границ распространения хотя бы двух языковых особенностей, и в этом упоминаемые здесь исследователи правы, но это лишь поверхность явлений, сущность же развития говоров оставалась в тени, математическая точность фиксации языковых фактов оказалась выражением беспомощного эмпиризма. Практически же данная точка зрения вынуждала исследователей исходить из того же «праязыка». Кажущаяся материалистичность обоснования каждого языкового факта, подкрепляемая историческими и вещественными данными, на самом деле далека от материализма; поскольку нет учета социально-экономической жизни исследуемой местности в целом, в ее общности и классовой противоречивости, поскольку факты языка представляются в разрозненном, разорванном виде.

Дальнейшие диалектологические исследования привели к новым выводам, как бы синтезирующим оба вышеупомянутые направления. Уже в конце XIX ст. появляются работы, в которых отстаивается реальность говоров и их границ, причем под границами уже не понимаются резко очерченные линии, а «зоны линий». Границы распространения отдельных диалектических особенностей хотя и не совпадают с математической точностью, но все же тяготеют друг к другу и составляют эти зоны.[2]

---

1 «M. Gilliéron, ayant conclu que chaque mot a son histoire propre, a mis d'avance une sorte de *veto* à tout essai de généralisation et de systématisation qu'on pourrait tenter de son oeuvre» (Terracher, стр. 14). Некоторые представители школы Жильерона держатся более положительных взглядов на диалекты и их границы (например, Gamillscheg).

2 Укажем здесь на работы: Horning. Über Dialektgrenzen im Romanischen (Ztschr. f. roman. Philol., Bd. 17, 1893); Karl Haag. Die Mundarten des Oberen Neckar und Donaulandes; в особенности Hermann Fischer. Geographie der schwäbischen Mundart Tübingen, 1893 и др.

Современная немецкая диалектологическая география на колоссальном диалектическом материале устанавливает существование «ядра» говора («Kerngebiet»), «узла линий» — («Linienbündel») и пограничных зон, отделяющих один говор от другого. Близко к этому взгляду стоят и некоторые русские диалектологи, хотя они опираются на неизмеримо меньший материал. Упомянем здесь работы Н. Н. Соколова и Н. Н. Дурново, в которых они выступают против применения в диалектологических работах «Wellentheorie» И. Шмидта. Их отправной пункт состоит в том, что «не может быть ни одного говора, который нельзя было бы причислить к одному из двух крайних типов... Переходной говор никогда не может всецело обратиться в тот, который на него действует».[1] Следовательно, устанавливаются своеобразные «крайности», «ядра», вокруг которых группируются говоры окружающих их местностей. Границы говоров не являются резко очерченными линиями, их территориальное расположение условно, они проходят где-то посредине двух крайних типов. Но переходные говоры, в свою очередь, могут обосабливаться и превращаться также в самостоятельные диалектические единицы. Вышеупомянутые исследователи также устанавливают различие между переходными говорами и смешанными. Переходной говор — как бы химическое соединение особенностей двух или нескольких говоров с весьма сильным органическим изменением одного из них, смешанный же говор — механическое соединение, заимствование некоторых элементов языка одним говором у другого.

Отсутствие резко очерченных границ, действительное, а не условное существование говоров, но не как цельных единиц, а продуктов сложных переплетений и скрещений, — факты, которые можно принять как положительные данные (другое дело, какое им дается объяснение). С нашей точки зрения, говор — языковая единица, обладающая некоторой долей самостоятельности в своем развитии, созданная и поддерживаемая определенными общественными отношениями. Но это определение относится к известному периоду времени, именно — к истории говоров до проникновения капитализма в деревню. С проникновением капитализма в деревню разрушается относительное единство крестьянства, начинается резкая классовая диффе-

---

[1] Н. Н. Соколов. Определение, стр. 7—8. Также Н. Н. Дурново. Диалектологические розыскания в области русских говоров, ч. I, 1917. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, СПб., 1910, стр. 4 и др. Но необходимо заметить, что вышеназванные диалектологи, правильно поставив вопрос о реальности диалекта, в своей лингвистической практике все еще исходили из традиционного определения диалектических границ по одному какому-либо фонетическому признаку, а не по всей совокупности особенностей этого диалекта.

ренциация в деревне. С этого момента говор уже не представляет собою чего-либо цельного, поскольку верхушечные слои деревни, также крестьяне, связанные с городом, каждые по-своему становятся уже носителями другой языковой культуры, непосредственно связанной с литературным языком. Говор все более и более переходит в разряд пережиточных языковых категорий и сохраняется, главным образом, отсталыми в культурном отношении слоями в деревне. Капитализм взорвал феодальные образования в языке, хотя далеко еще не уничтожил их. Действительно быстрое исчезновение местных особенностей началось только в наши дни. Конечно, социальные различия в говорах были и до капиталистических отношений в деревне, но они не носили столь резко выраженного характера, вследствие чего территориальные особенности в крестьянской речи выдвигались на первое место. Такое понимание истории говоров отсутствует в буржуазной диалектологии, а без него история превращается в хронологию, без него создается невообразимая путаница и подмена действительной картины подставной. До самого последнего времени создаются карты говоров обычно на основании опроса представителей отсталых в культурном отношении слоев крестьянства, которых становится все меньше и меньше, т. е. на основании опроса незначительного процента населения. И эти карты выдаются как отражение местных говоров вообще. На самом же деле речь местного населения в целом весьма далека от этих представлений. Следовательно, когда речь идет о территориальном распределении местных особенностей, нужно указывать, относятся ли они ко всему населению, или только к его определенным слоям. Указанный методологический порок относится целиком ко всем вышеприведенным диалектологическим направлениям. Недостаток старых методов чувствуется уже многими нашими диалектологами. Н. М. Каринский по этому поводу пишет: «Изучение русских диалектов обычно ограничивалось собиранием лингвистического материала, его классификацией по грамматическим категориям, нанесением на карту лингвистических особенностей (лингвистическая география) и указанием соотношения между древними говорами и современными (историческая диалектология); последняя, впрочем, более интересовала историков языка. В зависимости от специальных исследований и работы общего характера не могли, конечно, выходить из рамок указанной программы».[1] Но здесь необходимо предостеречь от возможности вульгарной трактовки данной проблемы, что мы уже и имели в диалектологической литературе, например в попытках «социологического»

---

[1] «Очерки из области русской диалектологии». Уч. зап. РАНИОН, т. IV, 1931, стр. 67.

анализа говоров членами бывшего «Языкфронта». Когда речь идет о говоре как пережитке, то вряд ли можно делать такие обобщения, что этот пережиток поддерживается сейчас определенными социальными группами, например, остатками кулачества и т. д. Можно говорить лишь о тенденциях развития, об общей социальной обусловленности, в каждом конкретном же случае можно представить себе кулака, великолепно владеющего литературной речью, и колхозника-активиста с яркими местными особенностями в речи. Тем более такое предостережение необходимо при трактовке сельскохозяйственной терминологии, поскольку она в подавляющем большинстве своем употребляется всеми слоями населения данной местности. При распределении сельскохозяйственной лексики по говорам основное внимание будет направлено на выявление пережитков диалектологических словарных границ, позволяющих реконструировать различные говоры, бывшие активными языковыми единицами, что и имеет очень большое значение для ряда генетических проблем. Конечно, нельзя ставить знаки равенства между границами, выявляемыми в таком виде, в каком они представляются за последнее десятилетие, и границами предшествующих эпох, поскольку происходили беспрестанные изменения, вызываемые изменениями общественных связей той или иной местности. Но все же можно делать выводы о тенденциях развития этих границ. Наконец, последнее замечание: в предисловии было уже указано, что территориальное распределение не только сельскохозяйственной терминологии, но и лексики говоров вообще, исследовано очень слабо, материалы не были подготовлены, поэтому в настоящей работе делается лишь первая попытка подобного распределения, вследствие чего ясно, что о какой-либо полной фиксации распространения того или иного термина не может быть и речи, как и о всей сельскохозяйственной лексике в целом.

По своей распространенности термины разбиваются на несколько групп: 1) слова, широко распространенные, употребляющиеся в пределах всего диалекта или значительной его части; 2) слова, встречающиеся в обоих диалектах; 3) областные слова, относящиеся к группе говоров, и 4) чисто местные термины. Конечно, это деление условно, но все же оно дает возможность наметить реальные взаимоотношения говоров в их словарной части. Территориальная ограниченность того или иного слова идет по трем семантическим линиям: 1) слова-синонимы, 2) слова-омонимы, 3) параллельные слова. Помимо этого, имеются термины исключительно местного значения, выражающие какие-либо индивидуальные особенности сельского хозяйства.

Термины, имеющие широкое распространение, и областные слова

1. *Пахать* и *орать*. Эти два термина делят говоры русского языка центральной части Союза (Сибирь, Средняя Азия, Дон, Кавказ, Украина, Белоруссия исключаются из нашего обзора) на две части. Приведем имеющиеся у нас материалы: *пахать* зафиксировано в следующих пунктах: МДК, II; с. Селищи, Краснослободского у. Пенз. губ. № 143, с. Сивинь Краснослоб. у. Пенз. губ., № 144а; Нижнеломов. у. Пенз. губ. № 145, с. Атемар Атемаровской вол. Саран. у. Пенз. губ. № 146, с. Верхний Шкафт Городищ. у. Пенз. губ. № 136а, Керен. у. Пенз. губ. № 141, дд. Сидорово и Кожино Вараксинск. вол. Царевококш. у. Казан. губ. № 66, д. Черемисские Кужеры Моркинск. вол. того же уезда и губернии № 67, д. Ежева Петриковской вол. того же уезда и губернии № 68, д. Чкарино Ронгинской вол. того же уезда и губернии № 72, Себеусадск. вол. того же уезда и губернии № 73 и другие ответы по Казан. губ.; Яхнобольская вол. Галич. у. Костром. губ. (но там же употребляется и *орать*) № 75, д. Клепинино Чухлом. у. Костром. губ. № 82 (там же и *орать*); д. Большая Муза Ветлуж. у. Костром. губ., № 87, д. Петровщина Шлиссельб. у. Петерб. губ. № 91, д. Большие Озерки Волог. у. и губ. № 35, д. Кузьмино Кадник. у. Волог. губ. № 37, волости по р. Онеге Каргоп. у. Волог. губ. № 38 (там же и *орать*); дд. Степановская и Ивановская Лоемск. вол. Сысол. у. Автономная область Коми № 50а (и *орать*), с. Верхний Услон Свияж. у. Казан. губ. № 60а, с. Яшевка и д. Байковка Колунецкой вол. Тетюш. у. Казан. губ. № 62, Краснополянская вол. Тетюшского у. Казан. губ. № 63, с. Чаган Астрах. у. и губ. № 10, д. Микшино Ковров. у. Владим. губ. № 15, в 14 пунктах Владим. у. и губ. (местности точно не обозначены), д. Бабик Высоковской вол. Волог. у. и губ. № 33; с. Новленское Волог. у. и губ. № 34; Д у р н о в о, д. Парфенки Руз. у. Моск. губ.; МДК, II: с. Большой Вьясс Саран. у. Пенз. губ. № 147, с. Огневское Екатеринб. у. и губ. № 149, с. Каменский Завод Камышин. у. Пермск. губ. № 150, с. Сретенское Пермск. у. и губ. № 154, с. Мехонское Щадр. у. Перм. губ. № 157, Салтыковская вол. Ахтар. у. Сарат. губ. № 167; Ч е р н ы ш е в, Моск. у.; МДК, II: Запонорская вол. Богород. у. Моск. губ. № 92, с. Абрамово Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 95, д. Мерлино Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 96, Гарская вол., Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 100, Мотовиловская вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 101, с. Новый Усад Арзамасск. у Нижегор. губ. № 103, д. Ратманово Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 104, с. Кержемка Спасской вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 105, Чернухинская вол. Арзамасск. у.

Нижегор. губ. № 107а, Мариинская вол. Макарьев. у. Нижегор. губ. № 110, с. Линдопустынь Семенов. у. Нижегор. губ. № 111а, с. Бор Семенов. у. Нижегор. губ. № 113а, с. Абапмово Сергач. у. Нижегор. губ. № 114, с. Аносово Сергач. у. Нижегор. губ. № 115а, Талицкая вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 125, Зайцевская вол. Крестец. у. Новгор. губ. № 127 (там же и *орать*), Тихв. у. Новгор. губ. № 130а (там же и *орать*) с. Пудожская гора Повен. у. Олон. губ. № 135 и др. Наконец, южно-великорусские местности (южная половина Московской области, южно-великорусская часть Курской и Воронежской областей и др.) употребляют исключительно термин *пахать*, где слово *орать* совершенно неизвестно. Термин *орать* зафиксирован в следующих пунктах: МДК, II: с. Мошенское Борович. у. Новгор. губ. № 119а, д. Ивантеево Валд. у. Новгор. губ. № 120, 31 деревня Велильской вол. Дем. у. Новгор. губ. № 124, Воскресенская вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 123, Зайцевская вол. Крестец. у. Новгор. губ. № 127, с. Ракушины Рахинской вол. Крестец. у. Новгор. губ. № 129, г. Тихвин и его окрестности № 130а, Яхнобольская вол. Галич. у. Костром. губ. № 75, с. Мисково Костром. у. и губ. № 77, д. Твердино Костром. у. и губ. № 78, Климовская, Левашевская и Челпановская вол. Костром. у. и губ. № 79а, с. Никольское Нерех. у. Костром. губ. № 84, д. Клепинино Чухлом. у. Костром. губ. № 82, Бельско-Сяберская вол. Луж. у. Петерб. губ. № 89; Якушкин, Яросл.; МДК, II: д. Дор и др. Грязов. у. Волог. губ. № 36, Великосельская вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 45, с. Ягрышское Федьковской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 57, д. Анисимовская Сольвыч. у. Волог. губ., № 49б, дд. Степановская и Ивановская. Сысольск. у. Авт. область Коми № 50а, Заостровская, Кегостровская и Уемская волости Арханг. у. и губ. № 1а, с. Марьегорское Каргопорской вол. Арханг. у. и губ. № 2а, с. Устьявашка Мезен. у. Арханг. губ. № 3, город Пинега Арханг. губ. № 5, с. Шеговары Шенк. у. Арханг. губ. № 7, д. Немировская Шенк. у. Арханг. губ. № 9а, с. Лежнево Ковров. у. Владим. губ. № 14, д. Федорова, Великол. у. Псков. губ. № 159, Загорская вол. Холм. у. Псков. губ. № 160, Старолад. сельсовет Волхов. р-на Ленингр. обл. 1933. МДК II: Тотем. и Устюг. уу. Волог. губ. № 39а, с. Назорное и д. Никитское Ростов. у Яросл. губ. № 190, с. Ровдинское Шенкур. у. Яросл. губ. № 8, с. Белье Демян. у. Новгор. губ. № 122, д. Качем Нижнетоемской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 48, Гавриловская вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 46, с. Пудожская Гора Повен. у. Олон. губ. № 135а, с. Воскресенское и другие деревни Благовещенской вол. Шенкур. у. Арханг. губ. № 6, с. Протасово Сараевской вол. Нерех. у Костром. губ. № 80,

д. Копнино Покров. у. Владим. губ. № 24, дд. Борисово, Михалево, Иголево и Постбово Еремеевской вол. Яросл. у. и губ. № 193, дд. Займище, Верхоглядово, Окунево Талицкой вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 126, окрестные деревни г. Вологды № 32, Легендский приход Никольск. у. Волог. губ., Пыщугский и Воздвиженский приходы Ветлуж. у. Костром. губ. № 44, Аньковская вол. Тейков у. Ив.-Возн. губ. № 59, Сидоровская вол. Нерех. у. Костром. губ. № 88, с. Лежнево Ковров. у. Владим. губ. № 14, волости по р. Онеге Каргоп. у. Волог. губ. № 38, Родниковская вол. Юрьев. у. Костром. губ. № 85, д. Окуловка Выйско-Ильинского сельсовета Верхнетотем. р-на Сев.-двинск. губ. № 178, с. Якимовское и дд. Гологузово, Елизарово, Сверчково, Горки и Городец Ростов. у. Яросл. губ. № 191, сс. Малахово и Устье Тутаев. у. Яросл. губ. № 192а, г. Иваново-Вознесенск № 30, окрестные деревни г. Тихвина Новгор. губ. № 131а; ПАН: г. Олонец Олон. губ. № 29, с. Муромля Петроз. у. Олон. губ. № 30, с. Сигорицкое Остров. у. Псков. губ. № 33, с. Верходворское Орл. у. Вятск. губ. № 42, с. Курострөв Холмогор. у. Арханг. губ. № 50, с. Торопатцы Холм. у. Псков. губ. № 54, Чухлом. у. Костром. губ. № 62, д. Борок Кинеш. у. Костром. губ. № 66, с. Благовещенское Шенкур. у. Арханг. губ. № 80, г. Кемь Арханг. губ. № 104, с. Половодово Соликам. у. Пермск. губ. № 136, с. Чуженга Кирил. у. Новгор. губ. № 152, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ. № 164, д. Ольховица Кирил. у. Новогор. губ. № 167, с. Мегра Белоз. у. Новогор. губ. № 169, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ. № 191, Миньковская вол. Тотем. у. Волог. губ. № 198, Шевденицкая вол. Тотем. у. Волог. губ. № 201, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, д. Кречетово Кирил. у. Новгор. губ. № 215, Сыпучинская вол. Чердын. у. Пермск. губ. № 258, д. Хмелозеро Тихв. у. Новгор. губ. № 271, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276, д. Смолино Грязов. у. Волог. губ. № 277а, с. Зимняя Золотица Арханг. у. и губ. № 284; Мат. Срезн.: Нерех. у. Костром. губ. № 80—81, Бугурус. у. Самар. губ. № 188; Второе доп.: Яросл. (рыбин.), костром. (буйск); Куликовский: сев.-зап. часть Онежского озера и его острова, петрозаводск.; Словарь А. А. Шахм.: рыбин., вытегор. Материалы позволяют сделать вывод, что первоначально термин *пахать* был достоянием исключительно южно-великорусских говоров, *орать* — северно-великорусских. Правильность этого вывода для последнего термина подтверждается тем, что слово *ора́ть* 'пахать' совершенно неизвестно южно-великорусским говорам. Правда, оно зафиксировано в двух-трех местах в форме производного слова и на юге: *оралка*, *оранка* 'соха' (МДК, I,

№ 9: Скопин. у. Рязан. губ., Сапожк. у. Рязан. губ.; ПАН, № 25, Крапив. у. Тульск. губ.), но эти слова можно с уверенностью считать перенесенными с севера, поскольку переселения северо-великоруссов в эти районы известны. Термин *пахать*, как видно из вышеприведенного материала, встречается и во многих местах северно-великорусской области. Но здесь он является позднейшим приобретением, перенесенным литературным языком, поскольку *пахать* стало общелитературным словом, с успехом вытесняющим диалектизм *орать*. На почве столкновения в этом пункте двух диалектов произошел интересный языковый «компромисс»: *пахать* в ряде пунктов ужилось вместе со словом *орать*. Но поскольку оба эти термина однозначны, то произошла специализация семантики обоих. Так, *пахать* стало обозначать 'обрабатывать землю плугом' (Чернышев, Псков., д. Акуловка Верхнетотем. р-он. Северодвинской губ. 1927, где *орать* пахать сохою, тоже для обоих слов (МДК, II, Семеновская вол. Белов. у. Новгор. губ.) и наоборот: *пахать* 'обрабатывать землю сохою', *орать* 'пахать плугом' (МДК, II, Аньковская вол., Тейков. у. Ив.-Возн. губ., д. Твердинино Костром. у. и губ., Сидоровская вол. Нерех. у. Костром. губ.), затем *орать* 'вспахать пар', *пахать*, 'запахивать зерно' (МДК, II, № 85, Родниковская вол. Юрьевецк. у. Костром. губ.) соответственно 'пахать' и 'сеять' (дд. Ширино и Симоновское Холм. у. Псков. губ. Герасимов, Ростов. у.). Слово *пахать* на севере (оно в этом значении встречается не только в западных, но и в восточных говорах) до усвоения литературного термина означало только 'мести', 'подметать'. Распространение слова *пахать* в северно-великорусских говорах происходило не в одно и то же время. Первоначально оно распространилось в средне- и нижневолжских северно-великорусских говорах, причем это видно из того, что в указанных говорах термин *орать* не сохранился вовсе за исключением Бугурусланского уезда. Также очень рано данное слово стало господствующим в так называемых переходных говорах, где оно и получило возможность возвыситься до общелитературного употребления. Отсюда оно стало распространяться в районы севера, приобретая при «столкновении» с термином *орать* специализированную семантику и, наконец, за последние годы начинает быстро вытеснять слово *орать* во всех уголках северно-великорусских говоров.

По приведенным здесь материалам (конечно, весьма неполным) термин *орать* фиксируется в псковских (отчасти и акающих местностях), новгородских, олонецких, вологодских, архангельских и костромских говорах. В вятско-пермской группе он отсутствует почти полностью. Отсутствует

этот термин и в верховьях р. Волги, как и во владимирских говорах (зафиксирован только в одном пункте). Аналогичное *орать* и *пахать* положение занимают термины *бороновать* и *скородить*, с тою лишь разницей, что до литературного значения возвысилось не южно-великорусское *скородить*, а северо-великорусское *бороновать*.

2. *Бороновать, скородить. Скородить* зафиксировано: в Скоп. у. Рязан. губ. (Будде); МДК, I, с. Карники Богородиц. у. Тульск. губ. № 55, с. Балахна Задон. у. Ворон. губ. № 58, с. Роговатое-Погорелое Н.-Дев. у. Ворон. губ. № 65, с. Дерюгино Дмитриев. у. Курск. губ. № 69, с. Кирейково Козельск. у. Калужск. губ. № 71, с. Домнино Орлов. у. и губ. № 76, с. Бакино и др. Белев. у. Тульск. губ. № 88а, с. Хмелевое Ефрем. у. Тульск. губ. № 89, с. Чубарово и др. Боров. у. Калуж. губ. № 100, Вепнская, Касьяновская и др. волости Козельск. у. Калуж. губ. № 101, с. Литвиново Белев. у. Тульск. губ. № 107, д. Дряблово и др. Медын. у. Калуж. губ. № 110а, с. Спасс при Угре-Перемышл. у. Калужск. губ. № 112, с. Герасимово Карач. у. Орл. губ. № 113, с. Топки и др. Малоарханг. у. Орл. губ. № 114; Запонорская вол.. Богород. у. Моск. губ. № 92 (там же и *боронить*), д. Новоселки и Чегодаево Алексин. у. Тульск. губ. № 129, д. Селино Дубен. р-на Моск. обл. 1933, Тульск. р-н Моск. обл. 1934, д. Павлово Крапив. р-на, Моск. обл. 1934, Теплоогарев. р-н Моск. обл., 1929, с. Ульянино Бронниц. р-на Моск. обл. 1930. МДК, I: г. Малоархангельск Орл. губ. № 3, с. Шатово Лесковской вол. Короч. у. Курск. губ. № 2, д. Куземкино Касим. у. Рязан. губ. № 5, д. Ветчане Касим. у. Рязан. губ. № 6, с. Мордово Ягодновской вол. Сапожск. у. Рязан. губ. № 9, с. Бутчино Жиздрин. у. Калуж. губ. № 33, д. Козловка Жерелевской вол. Мосал. у. Калуж. губ. № 41, ст. Туголес Рязан. губ. № 46, д. Урово Болшевской вол. Бельск. у. Смол. губ. № 50, с. Шовское Лебед. у. Тамб. губ. № 51, с. Мосолово и дд. Редькино, Брюхово, Пирогово, Болынь-Лужное Абрамовск. вол. Малоярославск. у. Калуж. губ. № 74а, сс. Грязцы, Нижний Кунач, Георгиевское на Сосне, Кунач Ливен. у. Орл. губ. № 75, с. Баловнево Данков. у. Рязан. губ. № 83, Ивонинская вол. Ельнин. у. Смол. губ. № 85, с. Новоселебное Куракинской вол. Богородиц. у. Тульск. губ. № 87, с. Старая Паволжанка Белгор. у. Курск. губ. № 102а, дд. Марьинка и Пушкино Медын. у. Калужск. губ. № 111, д. Карташевка Колпинской вол. Малоарх. у. Орл. губ. № 115, Луковская вол. Малоарх. у. Орл. губ. № 116а, с. Архангельск-Вишневец Яковлевской вол. Орл. у. и губ. № 117а, д. Бордаковка Витичной вол. Севск. у. Орл. губ. № 118а, г. Вязьма и окрестные деревни № 127,

с. Аннино Куребинской вол. Веневск. у. Тульск. губ. № 130; МДК, II, д. Степаново Гиблицкой вол. Касим. у. Рязан. губ. № 161; ПАН, с. Паньково Новосил. у. Тульск. губ. № 77, Бронницы и ее окрестности № 81, д. Воронцово Яковлевской вол. Корч. у. Тверск. губ. № 84 («проехать бороной по одному разу»), г. Касимов Рязан. губ. № 109, с. Запол-Тербунец Елец. у. Орл. губ. № 111б, с. Михайловское Дмитр. у. Курск. губ. № 125, с. Васютино Петровской вол. Егорьев. у. Рязан. губ. № 133, пригородные деревни г. Мещовска Калуж. губ. № 150, с. Дубровка Зубцов. у. Тверск. губ. № 60 («бороновать по первому разу»), с. Красные Буйцы Епифан. у. Тульск. губ. № 189, с. Бобрики Епифан. у. Тульск. губ. № 140, с. Сторожевое Мцен. у. Орл. губ. № 188, с. Куркино Ефрем. у Тульск. губ. № 173, с. Двоелучное Курск. губ. № 246, Покров. у. Владим. губ. № 244, с. Меньшиково Дмитр. у. Курск. губ. № 236, с. Алешенка Трубч. у. Орл. губ. № 282, д. Анохино Егорьев. у. Рязан. губ. № 277, с. Ураево Валуйск. у. Ворон. губ. № 261; Мат. Срезн.: с. Верхотишанка Бобров. у. Ворон. губ. № 41; второе доп.: владим. (покровск., вязниковск.), калужск. (боровск., мещовск.), моск. (богор.); Словарь А. А. Шахм.: венев., скопин., калужск., медынск., перемышл., мещовск., воронеж., коломенск.; 'вновь обработать запущенную пашню' (псков.); Мальцев: Белгор. р-н Курской области.

Бороновать, *боронить* зафиксировано (до момента его повсеместного распространения) в ряде южно-великорусских и средне-великорусских говоров: посад Погорелое Городище Зубцов. у. Тверск. губ. № 47а, Абрамовская вол. Малояросл. у. Калуж. губ. № 74а (на ряду со *скородить*), с. Одоещино Сапожк. у. Рязан. губ. № 82, Луковская вол. Малоарх. у. Орл. губ. № 116а (и *скородить*), г. Вязьма (и *скородить*) и в некоторых других местах. Но до коллективизации этот термин в южно-великорусских говорах встречался лишь спорадически. *Бороновать* повсеместно употребляется и употреблялось в северно-великорусских говорах. Распространение слова *скородить* более или менее совпадает с границами южно-великорусского наречия. После коллективизации *бороновать* становится общелитературным словом и начинает широко употребляться и в южно-великорусских говорах, вытесняя слово *скородить*. Характерный пример: в д. Селино в 1933 г. целиком преобладало еще *скородить*, а в 1934 г. автор наблюдал другую картину: *бороновáть*, *боронúть* употреблялось уже почти всеми колхозниками.

Интересно, что *бороновать* в южно-великорусских говорах дают поздние (1909 г. и позже) ответы на программы Московской диалектологической

комиссии, тогда как более ранние ответы на программу Академии Наук и, тем более, материалы Срезневского не зафиксировали ни одного подобного случая. Но в какой-то период времени намечалось обратное движение: *скородить*, вместе со словом *паха́ть*, начало проникать на север, правда, нигде целиком не вытеснив слово *бороновать*, вследствие чего приобретало там специализированную семантику. Такие случаи зафиксированы в Покровском у. Владимирской губ. где *боронова́ть* — 'бороновать уже засеянные полосы', *скоро́дить* 'бороновать незасеянные полосы' («картофель исключительно *скородят*»), то же в Заколпинской волости Меленковского у. Владимирской губ., *скоро́дить* сбороновать бороной, перевернутой вверх зубьями', Покров. у. Владим. губ., 'бороновать до сева', 'сглаживать', 'равнять' с. Семеновское Каляз. у. Тверск. губ., 'бороновать по свежим пластам' (Волоцкой, ростов.) и т. д.

«Небезнаказанно» проходило распространение и слова *бороновать*, когда оно не было еще общим для всех диалектов термином: *бороновать* в ряде пунктов южно-великорусских говоров также получило специализированную семантику: 'бороновать во второй раз', 'бороновать незасеянную полосу' и т. д. В подавляющем же большинстве местностей северо-великорусского наречия *скородить* совершенно неизвестно. Раньше, чем слово *боронова́ть*, в южно-великорусские говоры проникло обозначение сельскохозяйственного орудия — *борона*, которое употребляется в настоящее время там повсеместно. Что это слово является недавним приобретением южно-великорусских говоров, видно из того, что еще в XIX ст. было в широком распространении *скорода́*, *скороди́лка*, 'борона' (Даль: рязан., тульск., ворон., смол.; Мат. Срезн.: Духовищ. у. Смол. губ., Венев. у. Тульск. губ. № 157 и др.). В настоящее время *скорода́* встречается крайне редко. По поводу распространения слова *борона* необходимо заметить следующее: причина его распространения лежит не только в проникновении литературного языка в деревню, но и в самой технике орудия. Борона более совершенное земледельческое орудие, в котором рыхление земли производится зубьями, укрепленными в деревянной или металлической решетке. Скорода — вид примитивной бороны, так называемая борона-смык, состоящая из соединения ряда древесных стволов с сохраненными на них сучьями. Естественно, что с развитием сельского хозяйства более совершенное орудие заменило собой примитивное. Эта сторона дела, конечно, должна учитываться, но не она является определяющей. Было бы крайне наивно и упрощенно ставить знаки равенства между распространением слова и распространением обозначаемой им вещи, так как такой подход привел бы нас к истории вещей,

а не истории языка (это замечание весьма кстати, так как формула «Wörter und Sachen» пользуется популярностью и среди некоторых наших диалектологов). В конце концов и история вещей с таким подходом неминуемо заходит в тупик. Как объяснить историю бороны и ее обозначения, если исходить из адэкватности в движении слова — его материальной и звуковой сторон? Ведь борона в свое время также была примитивным орудием. Для языковеда история предмета важна не сама по себе, а для объяснения истории слова и смена *скороды бороной* — факт развития диалектов. Скорода как сельскохозяйственное орудие было известно и в районах северовеликорусских говоров (без каких-либо материальных отличий), но там оно называлось *суковаткой*. Различие обозначений, а не адэкватность материальной части предметов, представляет главный интерес для лингвистического исследования. Это относится ко всем аналогичным *бороне* и *скороде* случаям (распространению таких слов, как *волоку́ша*, *воло́чить*, *кичи́га*, *цеп* и т. п.). Мы не говорим уже о том, что не материальная сторона предмета сама по себе, а его общественная функция определяет развитие слова.

3. *Заро́д* (*зуро́д*, *зоро́д*, *взоро́д азаро́д*) 'стог сена', иногда 'скирд' 'небольшая копна' (Якушкин, яросл.); Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.: Васнецов, вятск.; МДК, II: д. Семково Белоз. у. Новгор. губ. № 116; Соловьев, Новгор. у.; Соколов, Тихв. у. Новгор. губ., все селения Старолад. сельсовета, 1933; МДК, II: с. Липенский Котлован Вышневол. у. Тверск. губ. № 183[а]; ПАН: № 199 — Богоявленское Устюж. у. Волог. губ., № 198 — Тотем. у. Волог. губ.; Герасимов, Черепов. у.; Тотем. у. Вятск. губ. (со слов учителя Боброва в 1933 г.). МДК, II: деревни в окрестностях Тихвина Новгор. губ. № 131[а], Нижне-Салдинский завод Верхотур. у. Пермск. губ. № 148; ПАН: с. Муромля Петроз. у. Олон. губ. № 30, сс. Конгезеро, Великая Губа, Вырозеро Петроз. у. Олон. губ., сс. Лады и Ивино Вытегор. у. Олон. губ. № 34, с. Чекуево Онеж. у. Арханг. губ. № 41, с. Верходворское Орл. у. Вятск. губ. № 42, с. Мухино Слобод. у. Вятск. губ. № 48, с. Воронцово Яковлевской вол. Корч. у. Тверск. губ. № 25, то же № 84[а], с. Благовещенское Шенкур. у. Арханг. губ. № 80, с. Кизнерь Малмыж. у. Вятск. губ. № 79, д. Борок Семеновский вол. Кинеш. у. Костром. губ. № 66, с. Полынки Слобод. у. Вятск. губ. № 65, с. Пышак Орл. у. Вятск. губ. № 63; с. Ильинское Кологрив. у. Костр. губ. № 58, с. Торопатцы Холм. у. Псков. губ. № 54 (*азарод*), с. Прилук Онеж. у. Арханг. губ. № 49, Красноуф. у. Пермск. губ. № 154, с. Чуженга Воскресенской вол. Кирил. у. Новгор. губ.

№ 152, с Богородское Красноуф. у. Пермск. губ. № 137, с. Половодово Соликам. у. Пермск. губ. № 136, с. Троельго Кунгур. у. Пермск. губ. № 134, с. Осиповское Шадр. у. Пермск. губ. № 128, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120, с. Чердынцевское Екатеринб. у. Пермск. губ. № 113, с. Лепшино Каргоп. у. Олон. губ. № 106, г. Кемь Арханг. губ. № 104, Перм. губ. № 89, с. Першинское Шадр. у. Пермск. губ. № 86, с. Мольское Тотем. у. Волог. губ. № 192, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ. № 191, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 184, с. Колашемское Новгор. губ. № 183, с. Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ. № 181, г. Соликамск Пермск. губ. № 180, с. Нердвинское Соликам. у. Пермск. губ. № 179, д. Пиксимово Кирил. у. Новгор. губ. № 170, с. Мегра Белоз. у. Новгор. губ. № 169, Семеновской вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 168, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ. № 167, Тимошкинская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 165, с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ. № 164, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, д. Шарово Крестец. у. Новгор. губ. № 160, Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 158, Арханг. и Вологод. губернии № 155, окрестные деревни г. Слободского Вятск. губ. № 222, д. Кречтово Кирил. у. Новгор. губ. № 215, Бродоколамское Шадр. у. Пермск. губ. 211, с. Мехонское Шадр. у. Пермск. у. № 210, местность по р. Сылве Кунгур. у. Пермск. губ. № 208, с. Козьмодемьянское Соликам. у. Пермск. губ. № 207, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, Шевденицкая вол. Тотем. у. Волог. губ. № 201, с. Шуя Кем. у. Арханг. губ. № 208, с. Кладушино Пошех. у. Яросл. губ. № 275, с. Иванов-Бор Кирил. у. Новгор. губ. № 272, с. Ахреньгба Никольск. у. Волог. губ. № 266, с. Порог Онеж. у. Арханг. губ. № 260, Сыпучинская вол. Чердыр. у. Пермск. губ. № 258, Волог. и Грязов. уу. Волог. губ. № 238; Куликовский: р. Свирь, петерб., петроз., вытегор., каргоп.; Мат. Срезн.: — арханг., тверск., пермск. № 193, Пермск. губ. № 131, Тихв. у. Новгор. губ. № 114, Нерех. у. Костром. губ. № 82, Вятск. губ. № 44, Шенкур. у. Арханг. губ. № 8, Пинежск. у. Арханг. губ. № 6, Кем. у. Арханг. губ. № 5, Арханг. губ. № 1, Шадр. у. Пермск. губ. № 141; Пермск. Охан. и Соликам. уу. Пермск. губ. № 133, с. Верховажье Волог. губ. № 29; Копорский: яросл.; Калинин: онеж.; Словарь А. А. Шахм.: тихв., арханг., волог., петроз., орл., вятск., олон., вытегор., лодейноп., пермск., борович., мезен., шенкур., заон., верховаж., каргопол.

Из приведенных материалов видно, что распространение термина *зарод* близко к распространению слова *орать*. *Зарод*, как и *орать*, употребляется не во всех северо-великорусских говорах (отсутствует во вла-

димирских, средне- и нижневолжских и фиксируется в акающих псковских; известная общность лексики акающих псковских и новгородских говоров, очевидно, продукт их тесных исторических взаимоотношений. А. А. Шахматов, пожалуй, был прав, относя говоры Пскова к одной из групп северновеликорусского наречия).[1]

4. *Жито* употребляется в различных местностях в значении зерна какой-либо определенной культуры и зерна вообще. *Жито* 'яровой хлеб', *житник* 'ячмень' (Якушкин, яросл.), *жито* 'рожь в зерне', *житное поле*, 'поле засеянное рожью' (Васнецов, вятск.), *жито* 'ячмень' АГО: г. Пинега, 1850, Шенкур. у. Арханг. губ.; Соловьев, Новгор. у. («Жито исключительно ячмень», стр. 32); Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ., Зеленин, вятск.; Колосов, Новгор. губ.; Смирнов, Кашин. у.; МДК, II: Арханг. губ. с. Марьегорское Карпогорской вол. Арханг. у. и губ. № 2ª, с. Ровдинское Шенкурс. у. Арханг. губ. № 8, д. Микшино Ковров. у. Владимирск. губ. № 15, с. Купань Переясл. у. Владимирск. губ., д. Качем Сольвыч. у. Волог. губ. № 48, д. Черная Кологрив. у. Костром. губ. № 76, Дем. у. Новгор. губ.; Соколов, Тихв. у. Новгор. губ. Старолад. сельсовет 1933, *жито* 'рожь' ПАН: с. Смородины Грайвор. у. Курск. губ., № 279, Цивил. у. Казан. губ., Красноуф. у. Пермск. губ. № 143, с. Алешинка Трубч. у. Орл. губ. № 283; МДК, I: с. Знаменское Судж. у. Смол. губ.; МДК, II: с. Чирково Городищ. у. Пенз. губ. № 138, МДК, I: с. Дерюгино Дмитриев. у. Курск. губ. № 69, с. Борисовка Лебед. у. Тамб. губ. ПАН: г. Олон. Олон. губ. № 29, с. Муромля Петроз. у. Олон. губ. № 30, с. Утесовское Алатыр. у. Симб. губ. № 32, с. Сигорицкое Остров. у. Псков. губ. № 33, Петроз. и Вытегор. уу. Олон. губ. № 34 ('ячмень'), с. Красногорское Котельн. у. Вятск. губ. № 35 ('зерно вообще'), с. Раслово Грязов. у. Волог. губ. № 36, с. Черемисский Малмыж Малмыж. у. Вятск. губ. № 38, с. Чекуево Онеж. у. Арханг. губ. № 41 ('ячмень'), с. Верходворское Орлов. у. Вятск. губ., № 42 ('зерно вообще'), с. Подольское Костром. губ. № 44, погост Лукин Великол. у. Псков. губ. № 45 ('ячмень'), с. Мухино Слобод. у. Вятск. губ. № 48 ('зерно вообще'), с Воронцово Корч. у. Тверск. губ. № 25 ('ячмень'), Предтеченская вол. Шенк. у. Арханг. губ. № 83, с. Благовещенское Шенк. у. Арханг. губ. № 80, с. Кизнерь Малмых. у. Вятск. губ. № 79 ('зерно вообще'), с. Соколовское Нолин. у. Вятск. губ. № 68, с. Василькóво Мышк. у. Яросл. губ. № 78

---

[1] А. А. Шахматов. Курс истории русского языка (литографированный курс, читанный в СПб. университете в 1908—1909 гг.), ч. II, стр. 204—205.

('ячмень'), с. Полынки Слобод. у. Вятск. губ. № 65, с. Пышак Орл. у. Вятск. губ. № 63, Чухлом. у. Костром. губ. № 62, с. Халбуж. Кологр. у. Костром. губ. № 61, с. Дубровка Зубцов. у. Тверск. губ. № 60 ('ячмень'), с. Кугушерское Яран. у. Вятск. губ. № 59 ('зерно вообще'), с. Ильинское Кологр. у. Костром. губ. № 58, с.Ембулаты Буин. у. Симб. губ. № 57, г. Галич. Костром. губ. № 55, с. Торопатцы Холм. у. Псков. губ. № 54 ('ячмень'), с. Николаево Березинск. вол. Слобод. у. Вятск. губ. № 53 ('рожь, готовая к жатве'), с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52 ('зерно вообще'), Куростров Холмогор. у. Арханг. губ. № 50 ('ячмень'), с. Прилуп Онеж. у. Арханг. губ. № 49, с. Никулино Корсун. у. Симб. губ. № 153 ('зерно вообще'), с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141 ('чистое зерно'), с. Богородское Красноуф. у. Пермск. губ. № 137 ('рожь'), с. Устье Козлов. у. Тамб. губ. № 135 («слово это употребляется редко»), с. Новый Буян Ставроп. у. Самар. губ. № 130 ('чистое зерно'), Корч. у. Тверск. губ. № 126 ('ячмень'), с. Благовещенский Суксан Ставроп. у. Самар. губ. № 124 ('чистый хлеб'), Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. ('немолотая рожь'), д. Елисеево Семен. у. Нижегор. губ. № 118 ('хлеб'), с. Чердынцевское Екатеринб. у. Пермск. губ. № 113 ('измолоченный хлеб'), Бирск. у. Уфим. губ. («жито употребляется очень редко и означает запас всякого рода хлеба»), с. Михайловское Дмитр. у. Курск. губ. № 125 ('рожь'), с. Запол-Тербунец Елецк. у. Орл. губ. № 111б, с. Столыпино Рубцовск. у. Тверск. губ. № 108 (без определения), г. Кемь Арханг. губ. № 104 ('ячмень'), д. Большое Жирново Малмыж. у. Вятск. губ. № 103 ('зерно вообще'), г. Муром и окрестные деревни Владим. губ. № 93, Пермск. губ. № 89, д. Троицкое Великоуст. у. Волог. губ. № 195, с. Черевково Сольвыч. у. Волог. губ. № 193 ('ячмень'), с. Мольское Тотем. у. Волог. губ. № 192 ('ячмень' и 'зерно вообще'), с. Успенское Белоз. у. Новгов. губ. № 191 ('ячмень'), Введенская вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 187, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 183, с. Нердвинское Соликам. у. Пермск. губ. № 179 ('ржаное зерно', 'солома'), д. Ченцы Кашин. у. Тверск. губ. № 178 ('ячмень'), д. Пиксимово Кирил. у. Новгор. губ. № 170, с. Мегра Белоз. у. Новгор. губ. № 169 ('ячмень' и 'пшеница'), д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ. № 167 ('ячмень'), с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ. № 164, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, с. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ. № 162, с. Ферапонтово Кирил. у. Новгор. губ. № 161, Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 158, с. Двоелучное Курск. губ. № 246 ('рожь'), с. Меньшиково Дмитр. у. Курск. губ. № 236, с. Шувары Инсар. у. Пенз. губ. № 231 ('хлеб на корню'), окрестности

г. Слободского Вятск. губ. № 222 ('всякое перевеянное зерно'), д. Бобынино Старнц. у. Тверск. губ. № 219, д. Кречетово Кирил. у. Новгор. губ. № 215, с. Бродокаламское Шадр. у. Пермск. губ. № 211 ('ржаное зерно') с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203 ('ячмень'), Шевденецкая вол. Тотем. у. Волог. губ. № 201, с. Нестеферовское Великоуст. у. Волог. губ. № 200 ('пшеница' и 'ячмень'), с. Зимняя Золотица Арханг. у. и губ. № 284 ('ячмень'), с. Шуя Кем. у. Арханг. губ. № 280, д. Смолино Грязов. у. Волог. губ. № 277[a] ('зерно вообще'), с. Кладушино Пошех. у. Яросл. губ. № 275, с. Иванов Бор. Кирил. у. Новгор. губ. № 272 ('пшеница и ячмень'), г. Калязин Тверск. губ. № 270 ('ячмень'), с. Пяла Онеж. у. Арханг. губ. № 262, Сыпучинская вол. Чердын. у. Пермск. губ. № 258 ('рожь'), Волог. и Грязов. у. Волог. губ. № 238 ('ячмень' и 'зерновой хлеб вообще'); МДК, I: дд. Щирино и Симоновское Холм. у. Псков. губ. № 4 ('ячмень'), с. Терехово Спасск. у. Казан. губ. № 13 ('рожь'), с. Тальцы Осташковск. у. Тверск. губ. № 16 (значение не указано), д. Дубровка Новторж. у. Тверск. губ. № 23, с. Бутчино Жиздр. у. Калуж. губ. № 25 ('рожь'), погост Благовещенский Новоторж. у. Тверск. губ. № 32 (значение не указано), с. Засечное Зубовской вол. Наровч. у. Пенз. губ. № 79, Ивонинская вол. Ельнин. у. Смол. губ. № 85, с. Суна Слобод. у. Вятск. губ. № 98, с. Мулино Слобод. у. Вятск. губ. № 99 ('рожь'), с. Чирково Благовещ. у. Пенз. губ. № 104, с. Борисовка Лебед. у. Тамб. губ. № 108, Медын. у. Калуж. губ. № 110[a] (значение не указано), с. Спасс при Угре Перемышльск. у. Калуж. губ. № 112 ('семена разных хлебов'), Торопатцкая вол. Холм. у. Псков. губ. № 43 ('ячмень'), д. Кремена Луж. у. Петерб. губ. № 45; МДК, II: г. Ивано-Вознесенск № 30 ('ячмень'), д. Бабик Волог. у. и губ. № 33 ('яровой хлеб'), с. Новленское Волог. у. и губ. № 34 ('зерно вообще'), волости по р. Онеге Каргоп. у. Волог. губ. № 38, (значение не указано), д. Пахомовская Вятск. у. и губ. № 51 ('зерно вообще'), с. Мулино Слобод. у. Вятск. губ. № 56, с. Поджорново Слобод. у. Вятск. губ. № 57, д. Твердино Костром. у. и губ. № 78, с. Протасово Нерех. у. Костром. губ. № 80, д. Клепинино Чухлом. у. Костром. губ. № 82, д. Ивановка Сергач. у. Нижегор. губ. № 115[в], д. Ивантеева Валд. у. Новгор. губ. № 120 ('ячмень'), д. Горлово Черепов. у. Новгор. губ. № 132, с. Куштозеро Вытегор. у. Олон. губ. № 134, с. Пудожская гора Повен. у. Олон. губ. № 135[a], Загорская вол. Холм. у. Псков. губ. № 160, д. Окуловка Верхнетотем. р-на Сев.-двинск. губ № 178 ('ячмень'), с. Кузлово Вышневол. у. Тверск. губ. № 182[a] (не обозначено); Мат. Срезн.: с. Никольское Ставроп. у. Самар. губ. № 152 ('зерно вообще'), с. Черновское Охан. у. Пермск. губ. № 130,

Тихв. у. Новгор. губ. № 114 ('ячмень'), Семен. у. Нижегор. губ. № 108 ('немолотый хлеб'), Нижегор. губ. № 102, Рыл. и Судж. уу. Курск. губ. № 96 ('рожь'), Обоян. у. Курск. губ. № 93, Устюж. у. Новгор. губ. № 34 (значение не указано), с. Верховажье Волог. губ. № 29 ('ячмень'), Шенк. у. Арханг. губ. № 6, Кем. у. Арханг. губ. № 5, Юрьев. у. Владим. губ. № 15 (значения не указано), Арханг. губ. №№ 4, 1, второе доп.: семен. (нижегор.), буйск. (костром.), юрьев. (владим.), тихв. (новгор.), пинеж. холмогор. (арханг.), ржев. (тверск.); Калинин: онеж. (ячмень); Мальцев: Белогор. р-н ('рожь'); Словарь А. А. Шахм.: *житарь* 'ячмень' (костром., роман., ростов., скопин., шуйск.), 'яровая рожь' (покров.), *житец* 'ползучая пшеница' 'пырей' (орл.), *житмень* 'ячмень' (псков.), *житорь* 'ячмень' костром., (макар.), *жито* (котельн.); Феноменов д. Гладыши Валд. у. Новгор. губ. ('ячмень').

Жито, по своему распространению, значительно шире, чем термины *орать* и *зарод*. Оно встречается исключительно во всех северно-великорусских говорах, но и этот термин теперь начинает быстро выходить из употребления, так как его заменяют соответствующие литературные слова. По своему значению *жито* распадается на некоторые территориальные группы: 1. 'ячмень' — западные северно-великорусские говоры (граница проходит, приблизительно, между ярославскими и костромскими говорами и по середине вологодской группы; характерно, что и в данном случае псковские акающие говоры объединяются с новгородскими; псковское акающее *жито* 'ячмень' вряд ли позднейшее заимствование); 2. 'Рожь' и 'пшеница' — окраины южно-великорусских говоров (влияние украинского), частично встречаются и в северо-восточной группе, а пшеница спорадически также в новгородских говорах; 3. 'Зерно вообще' — большая часть северно-великорусских говоров.

5. *Ки́та́, кити́на* 'стебли растений', 'ботва': Белоруссов, Тотем. у. Волог. губ.; ПАН: д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ. № 167; второе доп.: (костром., буйск.) 'стебли ползучих растений'; Словарь А. А. Шахм.: 'стебель гороха' — волог., никольск., чистоп., яран., кирилл. 'связка хмеля' — никольск., 'картофельная ботва' — черепов., 'стручковые стебли' — кинеш.; *ти́на* 'ботва', 'сорная трава' ПАН: Устюж. у. Новгор. губ. № 28, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276, Старолад. сельсовет, 1933; МДК, II: Дем. у. Новгор. губ., 'гороховая или картофельная ботва' (Кос ский, яросл.), *лети́на* ПАН: Папуловская вол. Устюж. у. Волог. губ. № 202; *мити́на* ПАН: Корсун. у. Самар. губ. № 153; *нати́на* Сахаров, Болх. у. Орл. губ.; Куликовский: Вытегор. у. Олон. губ., р. Свирь;

нятйна МДК, II: Онеж. у. Арханг. губ.; Куликовский: Водлозеро, р. Онега, Канакша, Заонежск.; *некйна* ПАН: Кирил. у. Новгор. губ. № 187; Даль: пермск., арханг.; Куликовский: Петроз., Усть Вельга, Заонежье, Купецко-Троицкая вол.: *нетивни* Даль — псков.; тверск.

Эта группа слов распространена исключительно в северно-великорусских говорах (в южно-великорусских зафиксирован лишь один случай Сахаровым в Болховском уезде Орловской губ.; о нем трудно что-нибудь сказать, поскольку нет никаких данных), встречаясь в самых различных местностях, но имея очень много «белых пятен», образовавшихся вследствие влияния литературного языка и наличия других терминов. Первоначально данные термины занимали, повидимому, более ограниченную территорию, затем получили широкое распространение, и потом стали вытесняться другими, не поднявшись до общелитературного значения. Это подтверждается наличием в северно-великорусских говорах других терминов, имеющих то же значение, например, *лýчей* 'ботва всех огородных растений, кроме картофеля' (ПАН, № 25, Кадник. у. Волог. у.), *лычей* (Васнецов, Вятск. губ.), 'свекольная ботва' (ПАН, Малмыж. у. Вятск. губ., № 38), *лычь* 'стебель репы', ПАН: № 167, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ. Оларовская вол. Волог. у. и губ. № 82 ('стебель репы'), с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52 ('ботва всех огородных растений, кроме картофеля'), Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120 ('ботва'), дд. Отар и Пеногур Яран. у. Вятск. губ. № 101 ('ботва моркови и свеклы'), окрестности г. Слободского Вятск. губ. № 222 ('ботва всех огородных культур кроме картофеля'); Мат. Срезн.: Кадник. у. Волог. губ. № 30 ('ботва репы, редьки и моркови'). В южно-великорусских говорах этим терминам соответствуют слова *ботвá*, *ботвйнья*, *батóвник*, из которых термин *ботва* стал литературным словом и в настоящее время распространяется повсеместно.

6. *Овйн* 'скирд ржи'. *Овин* '300 снопов' — ПАН, № 94, Казан. у. и губ.; 'скирд, приспособленный для просушки снопов' (Старолад. сельсовет, 1933), '400 снопов'; Васнецов, вятск. (без определения); МДК, II: Благовещенская вол., Шенк. у. Арханг. губ., д. Качем Великосельской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 48, д. Ивантеево, Валд. у. Новгор. губ. № 120, Талицкой вол., Кирил. у. Новгор. губ. ПАН: Устюж. у. Новгор. губ. № 28, с. Утесовское Алатыр. у. Симб. губ. № 32, с. Чекуево Онеж. у. Арханг. губ. № 41, Чухлом. у. Костром. губ. № 62, с. Куростров Холмогор. у. Арханг. губ. № 50, с. Ильинское Кологр. у. Костром. губ. № 58, Пермск. губ. № 89, с. Богородское Казан. у. и губ. № 92, с. Столыпино Рубцовск. у. Тверск. губ. № 108, Бирск. у. Уфим. губ. № 112, д. Елисеево

Семен. у. Нижегор. губ. № 118, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 158, с. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ. № 162, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ. № 164, Тимошкинская вол. Белоз. у., Новгор. губ. № 165, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ. № 167, с. Мегра Кирил. у. Новгор. губ. № 169, с. Семеновское Каляз. у. Тверск. губ. № 176, д. Ченцы Кашин. у. Тверск. губ. № 177, с. Нердвинское Соликам. у. Пермск. губ. № 179, Веденская вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 187, с. Успенское Барановской вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 191, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, с. Михайловский Завод Красноуф. у. Пермск. губ. № 209, д. Леушино Стариц. у. Тверск. губ. № 218, д. Бобынино Стариц. у. Тверск. губ. № 219, с. Илькино Меленк. у. Владим. губ. № 247, Волог. и Грязов. уу. Волог. губ. № 238, Сыпучинская вол. Чердын. у. Пермск. губ. № 258, с. Ахреньгба Никольск. у. Волог. губ.; МДК, I: с. Тальцы Осташ. у. Тверск. губ. № 16, пост Благовещенский Новоторж. у. Тверск. губ. № 32, сс. Емельяново, Зиновьево и Мичково Стариц. у. Тверск. губ. № 34, с. Засечное Наровч. у. Пенз. губ. № 79, сс. Дряблово, Обухово и др. Медын. у. Калуж. губ. № 110ª; МДК, II: Благовещенская вол. Шенк. у. Арханг. губ. № 6, Владим. губ. № 30, Волог., Грязов., Кадник., Тотем. и Вельск. уу. Волог. губ. № 40ª, д. Усть-Ивановская Великоуст. у. Волог. губ. № 42, с. Суна Слобод. у. Вятск. губ. № 58, д. Щепетково Арбанской вол. Царевококш. у. Казан. губ. № 64ª, д. Черная Кологрив. у. Костромск. губ. № 76, д. Твердино Костром. у. и губ. № 78, с. Протасово Нерех. у Костром. губ. № 80, д. Клепинино Чухлом. у. Костром. губ. № 82, с. Никольское Нерех. у. Костром. губ. № 84, Варнавинская вол. того же уезда Костром. губ. № 86, Гарская вол. Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 100, с. Волчиха Арзамсск. у. Нижегор. губ. № 101, д. Ивановка Сергач. у. Нижегор. губ. № 115ᵛ, сс. Левоча и Минца Борович. у. Новгор. губ. № 118, д. Мишутино Кирил. у. Новгор. губ. № 124, Талицкая вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 125, дд. Займище, Верхоглядово и Окунево Талицкая вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 126, с. Куштозеро Вытегор. у. Олон. губ. № 134, с. Пудожская Гора Повен. у. Олон. губ. № 135ª, с. Верхний Шкафт Городищ. у. Пенз. губ. № 136ª, с. Коповка Керен. у Пенз. губ. № 142, с. Большой Вьясс Саран. у. Пенз. губ. № 147, с. Мехонское Шадр. у. Пенз. губ. № 157, с. Брусяна Сызран. у. Симб. губ. № 175ª, с. Градницы Бежецк. у. Тверск. губ. № 179, Нагорская вол. Каляз. у. Тверск. губ. № 184ª, д. Хорлово Новоторж. у. Тверск. губ. № 187, сс. Малахово и Устье Тутаевск. у. Яросл. губ. № 192ª, д. Але-

ксандровка Муром. у. Владим. губ. № 18, д. Площево Александр. у. Владим. губ. № 11, с. Ивонино Судог. у. Владим. губ. № 28, д. Новинки-Абрамовы Александр. у. Владим. губ. № 12, Загорская вол. Холм. у. Псков. губ. № 160; Куликовский каргоп., вытегор.; Мат. Срезн.: с. Черновское Охан. у. Пермск. губ. № 130, Андомская вол. Вытегор. у. Олон. губ. 119, Тихв. у. Новгор. губ. № 114, с. Чистое поле Семен. у. Нижегор. губ. № 107.

Овин широко распространен в северно-великорусских говорах, тогда как в южно-великорусских он неизвестен (там обычно ему соответствует термин *рига*, встречающийся и на севере).

7. *Пóроз, пóрос, порозóк, порозéйка*, — Даль: северн. и восточн. 'бык', 'бугай'; вятск. пермск. псков. 'кабан', 'кнур', 'нерезь', 'нехолощенный', сибир. 'некладенный домашний олень', *пороз* 'бык', Якушкин, яросл.; 'бык производитель', Грандлиевский: Холмогорск. у. Арханг. губ. (там же *порозня́к* 'кастрированный бык'), Старолад., ПАН: с. Романовское Оренб. у. и губ. № 5, Устюж. у. Новгор. губ. № 28, с. Черемисский Малмыж Малмыж. у. Вятск. губ. № 38, с. Верходворское Орл. у. Вятск. губ. № 42, с. Шараницкое Котельн. у. Вятск. губ. № 46, с. Куростров Холмогор. у. Арханг. губ. № 50, с. Мухино Слобод. у. Вятск. губ. № 48, с. Воронцово Корч. у. Тверск. губ. № 25, с. Халбуж Кологрив. у. Костром. губ. № 61, с. Пышак Орл. у. Вятск. губ. № 63, с. Полынки Слобод. у. Вятск. губ. № 65, д. Борок Кинеш. у. Костром. губ. № 66, с. Соколовское Нолин. у. Вятск. губ. № 68, с. Благовещенское Шенк. у. Арханг. губ. № 80, Предтеченская вол. Шенк. у. Арханг. губ. № 83, Пермская губ. № 89, д. Большое Жирново Малмыж. у. Вятск. губ. № 103, с. Жданово Курмыш. у. Симб. губ. № 110, с. Чердынцевское Екатеринб. у. Пермск. губ. № 113, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120, с. Благовещенский Суксан Ставроп. у. Самар. губ. № 124, с. Осиновское Шадр. у. Пермск. губ. № 128, с. Троельго Кунгур. у. Пермск. губ. № 134, с. Половодово Соликам. у. Пермск. губ. № 136, с. Богородское Красноуф. у. Пермск. губ. № 137, с. Сухановское Красноуф. у. Пермск. губ. № 138, с. Большие Ключи Красноуф. у. Пермск. губ. № 139, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, с. Гришино Цивил. у. Казан. губ. № 143, Красноуф. у. Пермск. губ. № 154, Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 158, д. Шарово Крестов. у. Новгор. губ. № 160, с. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ. № 162, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, с. Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ. № 164, Тимошкинская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 165, Семеновская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 168,

д. Ченцы Кашин. у. Тверск. губ. №178, с. Нердвинское Соликам. у. Пермск. губ. № 179 г. Соликамск. Пермск. губ. № 180, Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ. № 181, с. Колашенское Новгор. губ. № 183, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 184, Введенская вол. Кирил. у. Новгор. губ. № 187, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ. № 191, с. Мольское Тотем. у. Волог. губ. № 192, д. Троицкая Великоуст. у. Волог. губ. № 195, Миньковская вол. Тотем. у. Волог. губ. № 198, с. Нестеферовское Великоуст. у. Волог. губ. № 200, Шевденицкая вол. Тотем. у. Волог. губ. № 201, Популовская вол. Устюж. у. Волог. губ. № 202, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, с. Козьмодемьянское Соликам. у. Пермск. губ. № 207, местность по р. Сылве Кунгур. у. Пермск. губ. № 208, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276, и др.; второе доп.: чистоп., шенк., крестец., ржев. и др. Даль фиксирует *по́рус* в орловском, тамбовском и калужском говорах. Наши материалы не дают ни одного случая бытования этого слова в южновеликорусских говорах. Характерно, что этот термин отсутствует также во владимирской группе, наличествуя во всех других говорах северно-великорусского наречия, а также в акающих псковских.

8. *Нетель.* Термин зафиксирован в олон., петроз., вытегор., малмыж., котельн., зубцов., нолин., шенк., корч., шадр., пермск., яран., кем., слобод., соликам., красноуф., цивил., белоз., крестец., кирил., новгор., великоуст., тотем., кунгур., чердын., онеж., никольск. пошех., мамадыш. говорах. Разумеется, что при недостаточности материалов невозможно сделать более или менее точные выводы по распространению того или иного слова.

Не́тель нигде не зафиксирован в районах южно-великорусских говоров и является исключительно достоянием северно-великорусского наречия (за исключением опять-таки владимирской группы).

9. *Бере́жая, бере́жа* 'жеребая'. Термин употребляется в говорах малмыж., котельн., слобод., корч., холм., буин., яран., нолин., шенк., волог., пермск., бирск., шадр., кунгур., красноуф., кирил., белоз., кашин., соликам., тотем., великоуст., вятск., буйск., ворон., борисоглебск., пошех., охан., новоусол., онеж., арханг., нижнедевицком.

Кроме воронежско-тамбовской группы *бережая* в южно-великорусских говорах нигде не употребляется. Обращает на себя внимание отсутствие этого слова во владимирской группе.

10. *Цеп* и *приус, привязь. Цеп* — Дубен., Тульск., Крапив., Бронниц. р-ны Моск. обл.; Дурново, д. Парфенки Руз. у. Моск. губ.; ТМДК, III: Сарат. губ. (цоп); ТМДК, XI: д. Усть-ивановская Великоуст. у. Волог. губ., д. Помаштур Царевококш. у. Казан. губ.; ТМДК, X: с. Архан-

гельск-Вишневецк Орл. у. и губ., с. Засечное, Наровчацк. у., Пенз. губ. (цоп); МДК, I, № 33, с. Селишня Ржев. у. Тверск. губ. и др. *Цеп* употреблялось в южно-великорусских говорах повсеместно (после коллективизации слово стало быстро отмирать).

Приус, приуз, — Старолад. сельсовет 1933, МДК, II, № 41, Онеж. у. Арханг. губ.; Даль: северн.; ТМДК, XI: Молог. у. Яросл. губ.; Томилов, Карпогорск. вол. Арханг. у. и губ.; ТМДК, XII: с. Мошенское Борович. у. Новгор. губ., Рахинская вол. Крестец. у. Новгор. губ.; Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.; ПАН: с. Муромля Петроз. у. Олон. губ. № 30, с. Чекуево Онеж. у. Арханг. губ. № 41, с. Куростров Холмогор. у. Арханг. губ. № 50, д. Воронцово Корч. у. Тверск. губ, № 84[a], с. Лепшино Каргоп. у. Олон. губ. № 106, д. Шарово Крестец. у. Новгор. губ. № 160, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 184, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ. № 191, с. Пяла Онеж. у. Арханг. губ. № 262, д. Хмелезеро Тихв. у. Новгор. губ. № 271; МДК, II: Мошанская и Устрекская вол. Борович. у. Новгор. губ. № 142. *Привязь* второе доп.: псков., погос. Лукин Великолуцк. у. Псков. губ. ПАН, № 45, *привуз* д. Окуловка Верхнетоем. р. Сев.-двин. губ.; МДК, II, № 178, *привязь*, д. Щирино Холм. у. Псков. губ. Слово *приус* распространено не по всему северно-великорусскому диалекту: оно фиксируется лишь в северо-западной группе говоров (новгор., псков., тверск., олон., арханг. и отчасти волог.). Более широкое распространение имеет слово *молоти́ло, молоти́лка* 'цеп', которое употребляется иногда и в районе распространения термина *приуз*: ПАН, № 141, Слобод. у. Вятск. губ.; МДК, № 25, Кадник. у. Волог. у.; ПАН, № 163, с. Кленовское, Кирил. у. Новгор. губ., № 272 с. Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ.; МДК, II, № 18 Крестец. у. Новгор. губ.; ПАН, № 81, Бронницк. у. Моск. губ., ТМДК, XI: с. Верхний Юс, Малмыж. у. Вятск. губ.; Васнецов, Вятск. губ.; Якушкин Яросл. губ. ПАН: Устюжск. у. Новгор. губ. № 128, с. Красногорское Котельн. у. Вятск. губ. № 35, с. Черемисский Малмыж Малмыж. у. Вятск. губ. № 38, с. Верходворское Орл. у. Вятск. губ. № 42, с. Подольское Костром. губ. № 44, с. Мухино Слобод. у. Вятск. губ. № 48, с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52, г. Галич Костром. губ. № 55, с. Ильинское Кологр. у. Костром. губ. № 58, с. Кугушерское Яран. у. Вятск. губ. № 59, с. Халбуж Кологр. у. Костром. губ. № 61, Чухлом. у. Костром. губ. № 62, с. Пышак Орл. у. Вятск. губ. № 63, д. Борок Кинеш. у. Костром. губ. № 66, с. Соколовское Нолин. у. Вятск. губ. № 68, с. Благовещенское Шенкур. у. Арханг. губ. № 80, Предтеченская вол. Шенкур. у. Арханг. губ. № 83, Пермская губ. № 89,

с. Богородское Казан. у. и губ. № 92, Кадомская вол. Яран. у. Вятск. губ. № 101, д. Большое Жирново Малмыж. у. Вятск. губ. № 103, Бирск. у. Уфим. губ. № 112, д. Елисеево Семеновской вол. Нижегор. губ. № 118, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120, с. Осиновское Шадр. у. Пермск. губ. № 128, с. Полонодово Соликам. у. Пермск. губ., № 136, с. Мегра Белоз. у. Новгор. губ. № 169, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., № 167, с. Елизаветино Мокш. у. Пенз. губ № 232, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276 и др.

10. *Молотя́га* — Наумов, Пермск. губ. («деревянный чурбан длиною в 2, шириною в $^3/_4$ аршина, усаженный кругом деревянными зубьями, один от другого на расстоянии дюйма» для молотьбы гороха). Термин в южновеликорусских говорах не встречается (там имеется *молоти́лка* — ‘конная или паровая машина’).

11. *Косу́ля*, ‘соха особого устройства’, МДК, II: д. Твердино Костром. у. и губ., Шиншинская вол. Царевококш. у. Казан. губ., д. Щепетково Царевококш. у. Казан. губ., Завалинская вол. Волог. у. и губ.; МДК, II: д. Черная Кологр. у. Костром. губ., д. Семково Белозерск. у. Новгор., Покровск., Буйский у. Костром. губ., Котельн. у. Вятск. губ. (сообщено учителем Бобровым); ПАН: Антушевская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 158, Покров. у. Владим. губ. № 244, окрестности с. Слободского Вятск. губ. № 222, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276, с. Ахренгьба Никольск. у. Волог. губ. № 266, с. Красногорское Котельн. у. Вятск. губ. № 35, с. Раслово Грязов. у. Волог. губ. № 36, с. Подольское Костром. губ. № 44, с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52, с. Ильинское Кологр. у. Костром. губ. № 58, Чухлом. у. Костром. губ. № 62, с. Пышак Орл. у. Вятск. губ. № 63, с. Васильково Мышк. у. Яросл. губ. № 78, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 184 и др.; МДК, II: д. Кремена Луж. у. Петерб. губ. № 45, с. Кужеры Царевококш. у. Казан. губ. № 116 и др.; Мат. Срезн.: Пошех. у. Яросл. губ. № 169, Кинеш. у. Костром. губ. № 79; Словарь А. А. Шахм.: буйск., белоз., волог., вятск., нижегор., псков., пудож.

Как пишет Д. К. Зеленин, «косулю вообще можно назвать орудием северо-восточного угла Европы».[1] Это определение неточно, о чем заявляет и сам автор, так как *косуля* неизвестна в пермских говорах. *Косуля* — слово центральной части северно-великорусских говоров. В настоящее время слово это быстро отмирает, что связано с исчезновением обозначаемого им сельскохозяйственного орудия.

[1] Дм. Зеленин. Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908, стр. 78.

12. *Отрез* — 'железный нож в сохе'. Слово употребляется в оренб., устюж. (новгор.), грязов. (волог.), холмог., нолин. (вятск.), кологр. (костр.), зубцов. (тверск.), чухлом. (костр.), кинеш., волог., яран., малмыж., семен., ставроп. и других говорах северно-великорусского наречия. Теперь быстро исчезает.

13. *Ральники* — 'сошники'; ПАН: с. Чердынцево Екатеринб. у. Пермск. губ. № 113, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120 (*ла́рник*), Кизеловской завод Соликам. у. Пермск. губ. № 181, г. Соликамск Пермск. губ. № 180, Троицкий приход Шенк. у. Арханг. губ. № 235, окрестности г. Слободского Вятск. губ. № 222, Михайловский завод Красноуф. у. Пермск. губ. № 209, Популовская вол. Устюж. у. Волог. губ. № 202, с. Ахренгьба Волог. губ. Никольск. у. № 266, Красноуф. у. Пермск. губ. № 154 (*ла́рник*), с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, с. Богородское Красноуф. у. Пермск. губ. № 137 (*рыльник* — новое переосмысление старого термина), с. Половодово Соликамск. у. Пермск. губ. № 136; МДК, II: Камкинская вол. Вельск. у. Волог. губ. № 31ª; Мат. Срезн.: пермск., охан. и соликам. № 133, Шенк. у. Арханг. губ. и др. Распространение этого слова тесно связано с распространением термина *орать*. *Ральники*, так же как и *орать*, быстро вытесняется соответствующими литературными словами. Причина этого вытеснения лежит в общих условиях нивелировки говоров, но не в смене одного сельскохозяйственного орудия — примитивного, другим — более совершенным. *Ра́льники* по функции стали обозначать и позднейшую усовершенствованную часть сохи (*ральники* — металлические сошники) и даже плуга (мною было зафиксировано в Староладожском сельсовете в 1933 г. слово *ра́льник* в значении лемеха плуга).

Совершенно очевидно, что дело здесь не в технической стороне. В этом отношении нельзя согласиться с Д. Зелениным, который приписывает словам *пахать* и *орать* особые значения, наличествовавшие и в предшествовавшие эпохи. «*Орать* — слово общеевропейское... и, значит, восходит к такой древности, когда плугов в собственном, узком смысле этого слово еще не должно было быть».[1] Отсюда Д. Зеленин делает выводы, на которых собственно построена вся историческая часть его, по своему материалу весьма ценного, исследования, что *орать* обозначало пахать примитивным орудием, а *пахать* уже усовершенствованным орудием. Но *пахать* не менее древнее слово, восходящее, как это показал Н. Я. Марр, к эпохе, предшествовав-

---

1 «Русская соха», стр. 12.

шей образованию русского языка и русской народности, т. е. ко времени, когда ни о какой дифференциации орудия обработки земли нельзя и говорить. Если *рало* первоначально примитивное орудие, то и *соха* — 'палка', 'жердь', т. е. также примитивное орудие обработки земли. Все термины типа *соха*, *плуг*, *рало*, *борона* и т. п. генетически восходят к обозначению одного и тоже примитивного сельскохозяйственного орудия. Дифференциация началась позже.

Дм. Зеленин в доказательство своей гипотезы приводит также факты, что в некоторых местностях существует различие в значении между терминами *пахать* и *орать*: *пахать* сохой, *орать* орудием плужного типа. Но в говорах имеется и обратное: *пахать* плугом, *орать* сохой. Это различие позднейшего порядка, принадлежащее к явлению так называемой семантической специализации, когда усовершенствование того или иного орудия требует нового обозначения, которое берется в процессе тесных взаимоотношений у соседнего говора, где оно существовало в том же самом значении. Слову *ральник* обычно сопутствует термин *шабала*, *шабалка* 'полица'. Оба эти термина совершенно неизвестны южно-великорусским говорам.

14. *Обжа*, *вóбжа* 'оглобли у сохи', также 'ручки сохи' онеж., старолад., дмитр., белгор., белоз., мцен., козлов., валд., курск., тихв. и др. Слово распространено в северозападной группе северно-великорусских говоров, также в южной части южно-великорусского наречия, где оно, несомненно, украинского происхождения. Теперь это слово на севере встречается очень редко.

15. *Бастры́к*, *бастри́к* 'жердь для пригнетания воза' — оренб., казан., соликам., красноуф., чистопольск., спасск., никол., вятск. и др. Термин имеет распространение, главным образом, в восточной части северно-великорусских говоров.

16. *Кичи́га* — особого рода цеп. Термин зафиксирован в онеж., холмогор., кологр., семен., шенк., волог., грязов., черепов. и валд. ('валек для стирки белья'), покров., буйск., арханг., валд. и других говорах северно-великорусского наречия, имея повсеместное распространение. В настоящее время слово это выходит из употребления.

17. *Саба́н* — плуг особого устройства — глазовск., вятск., сарат., симб., пермск., орл., нолин., слобод., буин., цивил., красноуф., ставроп., шадр., чердын. и др. Распространен в северо-восточных говорах.

18. *Стожа́р* 'жердь для укрепления стога' — старолад., белоз., холмогор., яросл., вятск., петроз., котельн., кунгур., волог., грязов., пошех.,

буйск., вытегор., каргоп., олон., шенк., кем., арханг. и др. В южно-великорусских говорах термин не употребляется.

19. *Бя́нки*, *вя́нки* 'вилы' — саран., владим., покров., александр., ростов., симб., слобод., бронниц., костром. *Бя́ни* 'навозные вилы' покров. и др. Термин распространен в восточной и центральной части северно-великорусских говоров; особенно часто употребляется он во владимирской группе.

20. *Доло́нь*, *ладо́нь* 'ток' — никольск., кунгур., слобод., ростов., яросл., корч., кинеш., красноуф., белоз., никольск., тверск., буйск., владим., пермск., бирск., новоусольск. и др. Слово отсутствует в северо-западных говорах.

21. *Заво́ры* 'ворота из жердей в изгороди' — арханг., волог., белоз., клин., ржев., покров., буйск., онеж.; *заво́рни* пермск., охан., соликам.; *пово́рина* 'переклад под крышей овина, избы или сарая сверх потолка' — нерех.; *пово́рник* 'бревно, скрепляющее плот' — жиздр., *прово́ра*, *прово́р* — новгор., тихв., покров. и др. В южно-великорусских говорах термин неизвестен.

22. *Пови́ть*, *пове́ть* 'пристройка ко двору', 'соломенный навес', 'сеновал', 'сарай' ПАН: с. Романовское Оренб. у. и губ. № 5, с. Зашижемское Орл. у. Вятск. губ. № 37, г. Самара и окрестные деревни № 40, Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120, с. Половодово Соликам, у. Пермск. губ. № 136, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, Арханг. и Волог. губ. № 155, Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ. № 181, Соликамск № 180, д. Кречетово Кирил. у. Новгор. губ. № 215, Волог. и Грязов. уу. Волог. губ. № 238, с. Зимняя Золотица Арханг. у. и губ. № 284; Кр. ПАН: Раменская вол. Любим. у. Яросл. губ. № XXII; МДК, I: д. Ветчане Касим. у. Рязан. губ. № 6, с. Новоселки Рязан. у. и губ. № 7. Торопатцкая вол. Холм. у. Псков. губ. № 43; МДК, II: с. Марьегорское Арханг. у. и губ. № 2[а], с. Ровдинское Шенк. у. Арханг. губ. № 8, д. Микшино Ковров. у. Владим. губ. № 15, Влади́м. губ. № 30, д. Бабик Волог. у. и губ. № 33, д. Большие Озерки Волог. у. и губ. № 35, дд. Артемово, Ваняково, Дор и др. Грязов. у. Волог. губ. № 36, Тотем. и Устюг. у. Волог. губ. № 39[а], волог., грязов., кадник., тотем. и бельск. № 40[а], д. Усть-Ивановская Великоуст. у. Волог. губ. № 42, Легендский приход Никольск. у. Волог. губ. и Ветлуж. у. Костром. губ. № 44, Великосельская вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 45, д. Качем Нижнетотемской вол. Сольвыч. у. Волог. губ. № 48, д. Нуж Ключ Шиншинской вол. Царевококш. у. Казан. губ. № 74, д. Клепинино Чухлом. у. Костром. губ. № 82, с. Арать Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 97, с. Новый Усад Арзамсск. у. Нижегор. губ. № 103 (акающ.), Талицкая вол. Кирил. у. Новгор. губ.

№ 126, д. Горлово Ольховской вол. Черепов. у. Новгор. губ. № 132, с. Казарка Городищ. у. Пенз. губ. № 137, с. Сретенское Пермск. у. и губ. № 154, д. Окуловка Верхнетотем. р-н. Сев.-Двинск. губ. № 178; Второе доп.: черепов., шенк., буйск., ржев., мещов., покров., никол., белоз.; Копорский, яросл.; Мат. Срезн.: волог. № 196, пермск., охан. и соликам. № 133, чухлом. № 86, кинеш. № 79, кадник. № 30, Верховажье Волог. губ. № 29, арханг. № 1, казан. № 53, вятск. № 43, Старолад. сельсовет 1933. Слово распространено во всех северно-великорусских говорах, хотя в ряде мест (что относится и к другим вышеприведенным терминам) оно имеет «белые пятна». *Пове́ть* известно также в некоторых местах южно-великорусских говорах, главным образом, близко расположенных от северно-великорусских, где оно явно северного происхождения.

23. *Пу́ня, пу́нька* 'пристройка', 'клеть', сарайчик'. ПАН: с. Меньшиково Дмитр. у. Курск. губ. № 236, с. Двоелучное Курск. губ. № 246; МДК, I: с. Шатово Короч. у. Курск. губ. № 2, сс. Емельяново, Зиновьево, Мичково Старицк. у. Тверск. губ., № 34, Ельно-Ровненская вол. Холм. у. Псков. губ. № 40, с. Роговатое-Погорелое Нижнедев. у. Ворон. губ. № 65, с. Нежода Ельнин. у. Смол. губ. № 85, дд. Марьинка и Пушкино Медын. у. Калуж. губ. № 111; МДК, II: д. Ивантеево Валд. у. Новгор. губ. № 120, Прямухинская вол. Новоторж. у. Тверск. губ. (акающ.); Мат. Срезн.: Мцен. у. Орлов. губ. № 126, Обоян. у. Курск. губ. № 93, курск. № 87, новгор., дем., крестец., валд. № 109, Нижнедев. у. Ворон. губ. № 37, ворон. № 36, Медын. у. Калуж. губ. № 68, Жиздр. и Мосал. у. Калуж. губ. Второе доп.: калуж., мещов., земл., риволад., луж., смол.; Мальцев: Белгор. р-н, Дубен., Крапив., Тульск., Теплоогаров. и Бронниц. р-ны Моск. обл. Слово распространено в южно-великорусских говорах, но непрерывной полосой через западные (южно-великорусские и говоры белорусского языка) проходит и на северо-запад в новгородскую группу.

24. *Заку́та* 'хлев'. Зафиксировано в оренб., новосил., корч., мещов., дмитр., епифан., мцен., кашин., калязь., ефрем., кирил., ранненб., курск., лебед., богородиц., орл., белев., симб., рыл., судж., тульск., одоев., дубен., крапив., бронниц., белгор. и др. Термин широко распространен в южно-великорусских говорах. В северно-великорусских он позднейшего происхождения (там он изредка встречается лишь в новгородской группе и средневолжских говорах, да и то в подавляющем большинстве случаев на ряду с употреблением слова *хлев*, которое в южно-великорусских неизвестно).

25. *Коту́х* 'хлев'. АГО; XLII, 42 — с. Монастырское Епифан. у. Тульск. губ.; XLII, 46 — Чернск. у. Тульск. губ.; Будде, Скопин. у.

Рязан. губ. МДК I: с. Поляны Скопин. у. Рязан. губ., Лебед. у. Тамб. губ. № 108, с. Токарево Михайл. у. Рязан. губ. № 80, с. Баловнено Данков. у. Рязан. губ. № 83, с. Завидово Сапожк. у. Рязан. губ. № 123; МДК, II: Владим. губ. № 30 ('курятник'); Мат. Срезн.: казан. № 53, ворон. № 137, с. Рахмановка Никол. у. Сам. губ. № 155; Второе доп.: соликамск ('курятник'); Словарь А. А. Шахм.: новоуз., владим., касим., рязан., нижнедев., обоян., козлов. и др. По своему семантическому сложению *кот́ух* — слово сравнительно позднего просхождения, имеющее ясную «внутреннюю форму», поскольку оно образовалось от глагола *кот́иться* 'производить на свет' (об овцах и некоторых других животных). В этом значении слово распространено в южно-великорусских говорах, в особенности в рязанской группе, поэтому можно с уверенностью его отнести к лексическому составу южно-великорусского наречия. Отсюда оно стало распространяться в северно-великорусских говорах (в восточной их половине), но уже с измененной специализированной семантикой — 'курятник', затем 'собачья конура' (ирк.), 'шалаш' (яросл.), 'темный закрытый сарай', 'низкая и грязная комната' (симб.), 'футляр, в котором вращается мельничный жорнов' (покров.) и т. д. Все эти значения постепенно весьма далеко отходят от первоначальной семантики, что и понятно, потому что в других говорах уже имелся эквивалентный этому слову термин, и *котух* мог быть использован только с измененной семантикой. На позднейшее появление слова *котух* в северно-великорусских говорах указывают и другие факты: 1) в окающих владимирских говорах термин зафиксирован в акающем произношении (*кат́ух*); 2) отмечено, что в ряде мест северно-великорусских говоров *кот́ух* употребляется, главным образом, переселенцами из южно-великорусской области (Мат. Срезн., № 155 и др.). В настоящее время слово как будто выходит из употребления (во многих местах южно-великорусских говоров оно неизвестно).

26. *Вор́ок, в́орак* 'огороженное место для скота' — малоарх., тамб., рославл., обоян., курск., ворон., тульск., одоев., дубен., крапив., бронниц., теплоогаров., белгор. и др. Слово присуще южно-великорусским говорам.

27. *Ќарда, ќалда* 'загородка для скота', 'хлев' — ставроп., никол., самар., тамб., бугурусл., *ќалдас* — сарат., *ќалдус* — сарат., казан. (*ќарда*) буин., козьмодем., симб., стерлитам., уфим., оренб., пермск., вятск. и др. Термин этот заимствование из мордовского (ср. мордовск. *кардаз*) и первоначально употреблялся в районах соприкосновения с мордовским населением, позже проник (отчасти) и на северо-восток.

28. *Зобня́, зобни́ца, зобе́нька, зобёнка* 'корзинка' — черепов., волог., грязов., онеж., арханг., кирил., (*зубе́нька*) — красноуф., новоусольск., ношех., пермск., бирск., каргоп., вятск., кадник., новгор., (*зобе́лька*) — шенк., (*зобёнка*) — заонеж., вятск., осташ., олон., шуйск., буйск., тотем., весьегон., ростов. и др. В южно-великорусских говорах термин этот неизвестен.

29. *Ка́дка, ка́дца, каду́шка* 'известная часть цепа' — волог., бельск., грязов., кадник., никол., сольвыч., тотем., вытегор., бирск., зубцов., каргоп., корч., орл.-вятск., осташ., ржев., шадр., яросл., дмитр., муром., слобод., шенк., пинеж., онеж., кунгур., яран., красноуф., петроз. и др. В южно-великорусских говорах это слово в данном значении неизвестно.

30. *Песте́рь* 'березовый кузов', 'корзинка'; Мат. Срезн.: пермск., охан., соликам. (№ 133), пермск. (№ 131), оренб. (№ 122), вятск. (№ 43), тихв. (№ 109), волог. (№ 28); Второе доп.: буйск., кирилл., шенк., оренб.; ПАН: волог., грязов. (№ 238) и др. Термин распространен в северно-великорусских говорах.

31. *Тын* 'ограда', 'изгородь', 'забор'; Мат. Срезн.: кадник. (№ 30), новгор., дем., крестец., старорусск., валд. (№ 109), молог. (№ 167), шадр., (№ 140); старолад. и др. В южно-великорусских говорах слово неизвестно.

32. *Кате́лка* 'связка из лык' — дубен., тульск., крапив., теплоогарев., бронниц., одоев., жиздр.; Второе доп.: 'связка в бороне', орл. 'баранка'. Слово южно-великорусского происхождения. Распространено в западных говорах южно-великорусского наречия.

33. *Грабить* и *трясти* сено. Первый термин повсеместно распространен в северно-великорусских говорах (Старолад. сельсовет, 1933, Волог. губ. — сообщил С. А. Шамахов, Вятск. губ., Петроз., ПАН, № 30 и др.), второй имеет такое же повсеместное распространение в южно-великорусском наречии.

34. *Зубья* и *клевцы*. *Зубья* ПАН, № 46 — Котельн. у. Вятск., губ., 1896, № 38 — Малмыж. у. Вятск. губ., 1896; Васнецов: Вятск., Старолад. сельсовет 1933 и др. *Клевцы* широко употребляется в южно-великорусских говорах. *Зубья* стало общелитературным словом и теперь быстро вытесняет слово *клевцы*.

35. *Огрех*. Употребляется в южно-великорусских говорах повсеместно. На севере во многих местностях до последнего времени не имелось соответствующего эквивалента. Пропуск в пахоте имел различные обозначения: *целйзна* 'огрех', но и 'целина', 'новь' (Старолад. сельсовет, 1934), *челизна* 'местечко, оставшееся случайно непропаханным' (Будде, Казан. губ.), *чилизна́* 'оставшееся нераспаханным место среди вспаханного, иногда невспа-

ханная полоса' (ТМДК, XII, Белоз. у. Новгор. губ., 1923), *челыжня* 'огрех' (Даль, Владим. губ.) В Вологодской губ. вовсе отсутствует обозначение этого явления (сообщил С. А. Шамахов), так же как и в Котельническом у. Вятской губ. (сообщил Бобров). В настоящее время всюду распространяется слово *огрех*, которое стало литературным.

36. *Позём*, *назём* и *навóз*. Первое — северно-великорусское, второе — южно-великорусское. *Пáзьмо* (Даль: симб., пенз., казан.), *позём* (Соловьев: Новгор. у. и губ., Старолад. сельсовет, 1933), *назём*: МДК, II: с. Ровдинское Шенк. у. Арханг. губ. № 8, Яхнобольская вол. Галич. у. Костром. губ. № 75; Волоцкой: Ростов. у.; ПАН, № 103, Малмыж. у. Вятск. губ., Самара и окрестные деревни № 40, с. Половодово, Соликам. у. Пермск. губ. № 136, с. Сухановское Красноуфим. у. Пермск. губ. № 138; Кр. ПАН: с. Успенское Пошех. у. Яросл. губ. № XXII; МДК, II: д. Бабик Волог. у. и губ. № 33, с. Новленское Волог. у. и губ. № 34, д. Большие Озерки Волог. у. и губ. № 35, волости по р. Онеге Каргоп. у. Волог. губ. № 38, д. Черная Кологр. у. Костромск. губ. № 76, д. Семково Белоз. у. Новгор. губ. № 116, с. Казарка Городищ. у. Пенз. губ. № 137, с. Чирково Саран. у. Пенз. губ. № 138, г. Кузнецк Ср.-Волж. края № 177, д. Окуловка Верхне-тоем. р-на Сев.-двинск. губ. № 178, с. Автодеево Арзамасск. у. Нижегор. губ. № 200; Мат. Срезн.: с. Рахмановка Никол. у. Самар. губ. № 155, с. Вралово Кадник. у. Волог. губ. № 30, Владим. губ. № 20, волог. костром. № 195, Чухлом. у. Костром. губ. № 85; второе доп.: судогод., богород., новгор., сузд., АГО, № 49, Шенк. у. Арханг. губ.; Васнецов Вятск.; Смирнов, Кашин. у. Тверск. губ. и др. Слово *навоз*, став литературным, вытесняет сейчас термин *назём*. Интересно, что и в данном случае в некоторых местностях происходит специализация семантики: в Старолад. сельсовете *позем* осознается как «приличное», «литературное» слово, *навоз* же — «неприличное», «грубое».

37. *Пóжня* 'луг'. В южно-великорусских говорах слово *пóжня* неизвестно, тогда как в северно-великорусских говорах оно имеет широкое распространение. *Пóжня* — Старолад. сельсовет, 1933; Якушкин, Яросл. губ.; Волоцкой — Ростов. у.; МДК, II: д. Семково, Белоз. у. Новгор. губ. № 116, д. Ивантеево, Валд. у. Новгор. губ. № 120; Белоруссов, Тотем. у. Волог. губ.; ТМДК, III: с. Яковлево, Тихв. у. Новгор. губ.; Куроптев, Слобод. у. Вятск. губ.; Грандлиевский: Холмог. у. Арханг. губ., Волог. губ. (Шамахов), Котельн. у. Вятск. губ. (Бобров). ПАН: с. Воронцово Корч. у. Тверск. губ. № 25, с. Чекуево Онеж. у. Арханг. губ. № 41, дд. Отар и Пеногур Яран. у. Вятск. губ. № 101,

Кирсинский завод Слобод. у. Вятск. губ. № 120, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, с. Ферапонтово Кирил. у. Новгор. губ. № 161, с. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ. № 162, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ. № 163, г. Соликамск Пермск. губ. № 180, с. Никольское Белоз. у. Новгор. губ. № 184, с. Успенское Белоз. у. Новгор. губ. № 191, Сыпучинская вол. Чердын. у. Пермск. губ. № 258, с. Пяла Онежск. у. Арханг. губ. № 262, с. Ахреньгба Никольск. у. Волог. губ. № 266, д. Воротишино Черепов. у. Новгор. губ. № 268, с. Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ. № 272, с. Кладушино Пошех. у. Яросл. губ. № 275, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276, д. Смолино Грязов. у. Волог. губ. № 277а; МДК, II: Владим. губ. № 30, д. Горлово Черепов. у. Новгор. губ. № 132; Мат. Срезн.: Шадр. у. Пермс. губ. № 140, сс. Андрошино и Покровское Царскосел. у. Петерб. губ. № 128, пермск. охан. соликам. № 132, Кинеш. у. Костром. губ. № 79; Второе доп.: лужск., новгор., соликам., шенк., покров., вытегор., богород.; Куликовский олон., петроз. каргоп. соликам.; Калинин., онеж. Термин этот не зафиксирован в средне- и нижневолжских говорах северно-великорусского наречия.

38. *Нúва* 'пашня', 'поле'. ПАН: Тимошкинская вол. Белоз. у. Новгор. губ. № 165, Волог. и Грязов. уу. Волог. губ. № 238; Кр. ПАН: Нелазская вол. Черепов. у. Новгор. губ. № IX ('полянка в лесу'); ПАН: с. Васютино Егорьев. у. Рязан. губ. № 133, с. Раслово Грязов. у. Волог. губ. № 36 ('конец каждой работы'); МДК, II: д. Семково Белоз. у. Новгор. губ. № 116 ('незасеянная полоса'); Мат. Срезн.: ворон. ('десятина') № 195; Мальцев: Белгород. р-н ('десятина'); Куликовский: петроз., Заонежье, Свирь, Тудозеро, Черная Слобода ('подсека', 'вновь распаханная в лесу земля'); Старолад. сельсовет ('пашня'). Хотя термин и вошел в литературу, но широкого распространения в говорах он в настоящее время не имеет. Употребляется в западной части северно-великорусских говорах и в южной части южно-великорусских.

39. *Выть* и его производные. Мат. Срезн.: пошех. (№ 171), пермск. охан. соликам. (№ 132), тихв. (№ 116), кадник. (№ 31); МДК, I, рязан. (№ 7); МДК, II, белоз. (№ 116); Мат. Срезн.: вятск. (№ 43), уфим. (№ 166), охан. (№ 130), новгор. (№ 109), шадр. (№ 140), арханг. (№ 1), никольск., волог. (№ 33), онеж. (Калинин) и др. Слово быстро выходит из употребления. Первоначально оно употреблялось весьма широко и, став при феодализме литературным термином, отчасти проникло из северно-великорусских говоров в южно-великорусские (Рязан. у.). Можно предполагать, что в более ранний период данный термин бытовал

лишь в западной части (новгор. и арханг.) северно-великорусских говоров.

40. *Боровóк* 'возвышенное среди болот место', 'полоска пашни' и пр. Второе доп.: буйск.; Калинин: онеж., старолад.; *боровúнка* 'небольшой лес на пригорке' (онеж.) и др. С этим термином связано слово *бор* 'лес', которое распространено в северно-великорусских, но неизвестно в южно-великорусских говорах.

41. *Сóгра* 'болотистое и кочковатое место' — волог. (Мат. Срезн. № 28), шенк. (там же, № 8), пермск. (там же, № 131), 'ольховый лес', шадр. (там же, № 142), 'смешанный лес на низком месте' и др. В южно-великорусских говорах слово не встречается.

42. *Рель* (Корбозеро, Купецкое — Куликовский), *рел* (Водлозеро — Куликовский), *рéла* (пудож. — Куликовский), *релá* (Выгозеро Повен. у., Корбозеро Пудож. у., оз. Купецкое, Канакша Каргоп. у., Кулгала Пудож. у. — Куликовский) 'горка', 'холм', 'возвышенное место', 'возвышенность', 'мель'; оренб. *рéлка* 'мыс' (Мат. Срезн., № 122), волог. 'луг — под горою, орошаемый водами с холмов' (там же, № 29), шадр. 'низменный безлесный остров на реке' (там же, № 142), шадр. 'безлесное ровное место, окруженное бором' (там же, № 141), новгор. 'луг', старолад. 'луг' и др. Слово распространено в северно-великорусских говорах, но с большими «белыми пятнами».

43. *Рáда* 'болото' — холм. (МДК, I, № 4); Мат. Срезн.: 'лесистое место близь болота или тундры' (арханг. № 2), 'торфяное болото, покрытое лесом' (повен., вытегор. — Куликовский), 'болото' (старолад., верхнетоем.) и др. Употребляется в западной групе северно-великорусских говоров (хотя и там во многих местностях слово это неизвестно).

44. *Обод* 'луг возле деревни' (ПАН, № 30, петроз.), огороженный выгон для рабочих лошадей' (петроз., повен., каргоп. — Куликовский), 'огороженное место' (Мат. Срезн., № 2, арханг.). Слово сохранилось в некоторых местностях олонецких и архангельских говоров.

45. *Ухóжа, исхóжа* 'пастбище' — тихв. (Соколов), новгор. (Даль), старолад., тихв. (Мат. Срезн., № 141), петроз., лодейноп., вытегор. (Куликовский).

46. *Лядá, лядúна* 'чернозем', 'сухое место, на котором растет крупный, а иногда и дремучий лес' — тихв. (Мат. Срезн., № 116, там же *лядúть* 'томиться', 'изнывать', 'хиреть'), 'низкое место' — пошех. (Мат. Срезн., № 171), «плоское и ямистое на полях и пастбищах место, где

вода может долго держаться» (там же, № 170), ‘поле с корнями срубленных кустов и деревьев’ — рославл. (там же, № 160), ‘неглубокая яма в поле и в лесу’ — волог. (там же, № 28), ‘земля, лежащая под срубленным лесом и затем выжженная’ — жиздринск., мосальск. (там же, № 69), ‘мелкий лес’ — новгор. (Второе доп.), ‘молодая березовая роща’ — псков. (там же), ‘запущенная пашня’ — яросл., волог., ‘неглубокая яма в поле или в лесу’ — волог. (Даль), ‘сухой бугорок среди болота’ (старолад.) и др. В южно-великорусских говорах термин этот неизвестен, за исключением некоторых говоров или соприкасающихся с северно-великорусскими или с украинским и белорусским языками.

47. *Верх, вершина* ‘овраг’, ‘низ’, ‘глубокая и большая продольная яма’ — Дубен., Тульск. и Крапивен. р-ны Моск. обл.; АГО, № XLII, 37, Алекс. у. Тульск. губ.; МДК, I, с. Пичкиряевский Майдан, Спасск. у. Тамб. губ. № 24; Мальцев, Белгор. р-н Курск. обл. В северно-великорусских говорах слово неизвестно.

48. *Страдá* ‘рабочая пора’, ‘уборка хлеба’ ПАН: с. Воронцово Корч. у. Тверск. губ., № 25) (*овсяные страды, ржаные страды*), с. Черемисский Малмыж Малмыж. у. Вятск. губ. № 38, с. Красногорское Котельн. у. Вятск. губ. № 35, с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ. № 52, с. Соколовское Нолин. у. Вятск. губ. № 68 («*страда ржаная, яровые страды*»), Оларовская вол. Волог. у. и губ. № 82, Предтеченская вол. Шенк. у. Арханг. губ. № 83, с. Богородское Казан. у. и губ. № 92, дд. Отар и Пеногур Яран. у. Вятск. губ. № 101, Бирск. у. Уфимск. губ. № 112, с. Троельго Кунгур. у. Пермск. губ. № 134, с. Нагорское Слобод. у. Вятск. губ. № 141, Красноуф. у. Пермск. губ. № 154, Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ. № 181, Популовская вол. Устюж. у. Волог. губ. № 202, с. Чаловское Тотем. у. Волог. губ. № 203, окрестности г. Слободского Вятск. губ. № 222, Сыпучинская вол. Чердын. у. Пермск. губ. № 258; МДК, II: Камкинская вол. Бельск. у. Волог. губ. № 31а; Мат. Срезн.: черепов. № 109, оренб. № 122, олон. № 118, тихв. № 116, переясл. № 17, шенк. № 8, кем. № 6, арханг. № 1 (там же *страдáль* ‘работник на сенокосе или жатве’, *стрáдать* ‘работать в рабочую пору’), с. Рахмановка Никол. у. Сам. губ. № 155, пермск., охан. и соликам. № 132, ядрин. № 67, чистоп. № 66, спасск. № 60, кадник. № 30, Верховажье Волог. губ. № 29 (‘жатва’, там же *стрáдать* ‘жать’), лаишевск. № 58; Второе доп.: ‘тяжелый труд вообще — юрьевск., ‘полевые работы’ — юрьев., сузд., никол., тихв., шенк., нижегор., старолад. В южно-великорусских говорах слово неизвестно.

49. *Уповод* 'время земледельческой работы от перерыва до перерыва'. — ПАН, № 276 рыбин. («какую он палестину за один уповод скосил», или «с раннего утра да за один уповод все и спахал»), 'долго' № 172 белоз., 'короткий промежуток времени' № 167, кирилл.; Кр. ПАН, IX, черепов.; Мат. Срезн.: 'отрезок времени от еды до еды' — черепов. № 112, 'выть' черепов. № 109, охан. № 130, '4-я часть дня' — бирск. № 123, 'время, употребляемое на работу с лошадью' — владим. № 20, 'не очень большой и не очень маленький отрезок времени' — шенк. № 8, 'отрезок времени в рабочую пору' — ставроп. № 152, 'некоторый промежуток времени' — шадр. № 140, 'время работы без отдыха' — пермск., охан. и соликам. № 132, «день разделяется на уповоды. Летний 3, зимний 2 уповода» — никольск. № 33, кадник. № 31, мамадыш. № 59, 'половина дня' — казан. № 53, 'отрезок времени' (*уповедь*; день делится на три *уповеди*) — вятск. № 43. Термин распространен в северно-великорусских говорах.

50. *Волочить* 'бороновать'. МДК, I: с. Новоселки Рязан. у. и губ. д. Бордаковка Сев. у. Орл. губ. № 118[а], с. Дурное-Никольское Пронск. у. Рязан. губ. № 120[а], с. Желобовы борки Сапожк. у. Рязан. губ. № 122[а], с. Завидово Сапожк. у. Рязан. губ. № 123, г. Спасск Рязанск. губ. № 125[а], с. Ирцы Спасск. у. Рязан. губ. № 126, с. Малый Студенец Шацк. у. Тамб. губ. № 128; Мат. Срезн.: Морш. у. Тамб. губ. № 164, Судог. у. Владим. губ. № 25, Юрьев. у. Владим. губ. № 15. С. Песочное Сапожк. у. Рязан. губ. № 10, с. Бутчино Жиздр. у. Калуж. губ. № 25; д. Кравковка Муром. у. Владим. губ., Заколинская вол. Меленк. у. Владим. губ., с. Морозовы Борки Сапожк. у. Рязан. губ. № 124а, д. Степаново, Каспм. у. Рязан. губ. № 161, (МДК II) и др. Слово наиболее распространено в рязанских говорах, что дает возможность предполагать о рязанщине как области, откуда данный термин проник в сопредельные с рязанскими владимирские говоры, затем в тамбовщину и далее на юг в область р. Дона.

51. *Старновать, тарновать* — 'молотить цепами по первому разу', *старновка, тарновка* 'солома в снопах', 'снопы, обмолоченные цепами первый раз и подлежащие окончательному обмолоту' — Дубен., Тульск., Крапив. и Тепло-огарев. р-ны Моск. обл.; АГО, XLII, 16, с. Паньково Новосил. у. Тульск. губ.; Даль: калуж., орл.; Сахаров: орл.; Будде: Скопин. у. Рязан. губ.; ПАН: с. Устье Козлов. у. Тамб. губ; № 135; Мальцев: Белгор. р-н Курск. обл.; Второе доп., ворон.; Мат. Срезн.: Нижнедев. у. Ворон. губ. № 37, Медын. у. Калуж. губ.

№ 71 («отрезывать колос от снопов цепами»), Мцен. у. Орл. губ. № 126; Стахович: Елецк. у. Орл. губ. Термин распространен в южно-великорусских говорах.

52. *Брать* 'дергать коноплю или лен' — Тульск.. Дубен., Крапив., Бронниц. и Тепло-огарев. р-ны Моск. обл.; Мальцев; Белгор. р-н Курск. обл.; ПАН: с. Трескино Мокш. у. Пенз. губ. № 230, с. Куликовка Чембар. у. Пенз. губ. № 229, с. Покров при Угре Медын. у. Калуж. губ. № 263, г. Калязин Тверск. губ. № 270, с. Корма Рыбин. у. Яросл. губ. № 276 и др. Такие термины, как *брать*, *таскáть*, *дёргать* и другие позднейшие образования, в своей основной семантике общие для всего русского языка, поэтому в их распространении хотя и намечаются какие-то более или менее компактные районы (например, *брать* употребляется, главным образом, в южно-великорусских говорах), но все же они территориально весьма неустойчивы и зачастую встречаются в самых различных говорах, что объясняется уже новыми условиями развития крестьянской речи, при которой говоры начинают переходить в разряд пережиточных явлений.

53. *Вóлна* 'овечья шерсть' — Дубен., Тульск., Крапив., Бронниц. и Тепло-огарев. р-ны Моск. обл.; Мальцев, Белгор р-н Курск. обл.; Сахаров: орл.; МДК, I: с. Шовское Лебед. у. Тамб. губ. № 51, с. Куракино Малоарх. у. Орл. губ. № 116[б]. В северно-великорусских говорах слово это неизвестно.

54. *Кербъ*, *кирбъ* 'мера выделанного льняного волокна' — ПАН: рыбин. № 276, арханг. и волог. № 155; Второе доп.: судог., буйск., старолад.; Словарь А. А. Шахм.: яран., волог., кинеш., нерех., мышк., ростов., яросл., рыбин., устюж., грязов., кадник., новгор., судог., уржум., вятск., (*кúрбеть*, *кúрбя*). *Кéрбъ*, повидимому, является заимствованным термином (ср. финск. kerpo, шведск. kärfve 'сноп'). Слово распространено в северно-великорусских говорах.

55. *Кабáн* 'стог сена', 'скирд хлеба'. Мат. Срезн.: слобод., котельн. № 43; Васнецов, вятск., ПАН: Малмыж. № 38; Даль, вятск.; Словарь А. А. Шахм.: уржум., нолин., орл., вятск., сарап. В этом значении слово употребляется в вятской группе говоров.

56. *Оводь*, *óбодь óудь* 'яровая рожь' — старолад.; ПАН: с. Хмелезеро Тихв. у. Новгор. губ. № 271; МДК, II: сс. Левоча и Мшца Борович. у. Новгор. губ. № 118; МДК, I, Торопатцкая вол. Холм. у. Псков. губ. № 43 (*овыдня*). Слово распространено в новгородской группе говоров.

57. *Брона́, бро́ня, бро́нка* 'овсяный колос и вообще колос растений, свислый в одну сторону', — олон. (Куликовский); *бронь* ПАН: кирил. № 170, красноуф. № 209, волог., грязов. № 238; Мат. Срезн.: шадр. № 141, пермск., охан., соликам. № 132, слобод. № 45; Второе доп.: буйск. В южно-великорусских говорах термин неизвестен.

58. *Дику́ша* 'гречиха' ПАН: курмыш. № 110, муром. № 93; МДК, II: владим. № 30, арзамасск. № 95; Чернышев-лукоянов: Мат. Срезн., спасск., № 61; Второе доп., княгин. Слово употребляется во владимирско-нижегородских и прилегающих к ним северно-великорусских говорах.

58. *Борка́н* 'морковь' — старолад.; Кр. ПАН, порхов. XII; МДК, II, тихв. № 131; Мат. Срезн., тихв. № 115; второе доп.: новгор., старорусск, псков., луж., ямб. Термин распространен в новгородской группе говоров.

60. *До́чка* 'свинья' ПАН: екатеринб. № 113, соликам. № 180, шадр. № 211; Мат. Срезн.: новоусол. («кто назвал бы девочку *дочкой*, тот допустил бы странность и возбудил бы смех и даже насмешки над собою», так как *дочка* — уменьшит. от *дочь* 'девочка', по словам составителя словаря Гиляровского, в Новоусольском у. неизвестно) № 136, пермск., охан., соликам. № 133, вятск., пермск., усол. № 193: Второе доп.: соликам. Слово употребляется в вятско-пермской группе говоров.

61. *Ба́лька, ба́рька* 'овца'. ПАН: соликам. № 180; Мат. Срезн. пермск. № 131, нижегор. № 102, волог. № 28, яран. № 27 и др. Термин фиксируется в северо-восточных говорах.

62. *Прасу́к*. МДК, I, лебед. № 108; Второе доп.: рязан., зарайск. и др. Слово употребляется в восточной части южно-великорусских говоров.

В дополнение можно указать на ряд других слов (*ма́чига* 'ремень у цепа', *па́жа* 'выгон', *хива* 'ржаная мякина', *пелева, шором* 'копна или кладушка в плетях' и др.), которые имеют более или менее компактную территорию своего распространения, соответствующую той или иной группе, области или нескольким группам говоров.

Конечно, вышеприведенным материалом мы и в малой степени не исчерпали терминов, имеющих аналогичное распространение, но и из имеющихся у нас материалов можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, можно установить определенное соответствие между распространением некоторой части сельскохозяйственной терминологии и границами русских диалектов. Подобные соответствия словарных границ с границами фонетическими и морфологическими уже в ряде случаев установлены в западно-

европейских языках.[1] Иначе не могло и быть. Несмотря на свои специфические особенности развития и распространения, словарь все же имеет теснейшие связи с распространением фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, что и вполне понятно, поскольку источники их развития — те же, поскольку язык, отображая особенности мышления какой-либо социальной группы, является в своем действии неразрывным целым.[2] Расчленение языка на изолированные части, в социальном и территориальном отношениях несвязанные, — методологический порок буржуазной диалектологии. Но могут возразить, что подавляющая часть местных терминов не совпадает с границами диалектов обычно представляемых в литературе по фонетико-морфологическим признакам. Это верно. Вышеприведенные слова в своем распространении не имеют точных совпадений, но они о т н о с я т с я к тому или иному диалекту. Общеизвестно, что за последние десятилетия, особенно же в наше время, идет непрерывное стирание диалектических границ (как словарных, так и фонетико-морфологических). Слова, имеющие в настоящее время распространение в обоих диалектах, принадлежали раньше к одному диалекту (*огре́х, паха́ть, боронова́ть* и т. д.). Процесс этот производит коренную перестройку в словарном составе говоров. Ряд местных слов возвышается до литературного значения, другие, параллельные первым, исчезают, выходят из употребления (не говорим здесь о словах, отмирающих в связи с отмиранием обозначаемых ими понятий), наконец, в процессе взаимоотношения говоров происходит специализация семантики, образование омонимов, причем здесь можно нащупать определенную закономерность: движение первоначальной синонимичности терминов к омонимизму. *Паха́ть* в его употреблении в одном диалекте имело то же значение, что *ора́ть* в другом, при переходе же в другой диалект получает ряд новых, более узких, значений. Термины, сохранившие пережитки древне-русской общины (обозначения общины, земельной площади, нерасчлененность сельскохозяйственных орудий и т. д.), впоследствии в различных местах получают самые разнообразные значения, сохраняя свою прежнюю связь уже в современных говорах зачастую лишь номинально, по сходству основ, но не реально-семантически. Конечно, эти термины представляли собою также своеобразные омонимы, но эти омонимы имели совсем другие особенности: 1) они имели другую «внутреннюю форму», переходную от «до-технологической» к «технологической», тогда как омонимы, образовав-

---

1 Ср. A. B a c h, стр. 106.

2 Это положение осознает кое-кто и из буржуазных диалектологов, хотя и рассматривает его с других методологических позиций. См., напр., Gamillscheg, стр. 70.

шиеся уже в русских говорах, за исключением пережитков, строятся по «технологическому» способу словообразования; 2) они употреблялись со всем комплексом их значений в одной местности и одним и тем же слоем населения, тогда как здесь речь идет об омонимах, различные значения которых разобщены территориально по разным говорам. Конечно, автор далек от мысли, что исключительно все омонимы, употребляющиеся в говорах, образовались благодаря перемещениям слов из одного говора в другой, обусловленных различными социально-экономическими причинами, но что эти перемещения являются одной из причин их возникновения — факт, устанавливаемый нашими материалами. Данное явление широко известно западноевропейской диалектологии, но оно не находит там действительного объяснения, поскольку в нем не усматривают ступеней развития, а объясняют лишь как «механическое столкновение слов»,[1] рассматривают как «бессознательный алогичный процесс», характерный для языка низших слоев общества (современных крестьян и современных дикарей заодно)[2], расценивают рост омонимов как «порчу языка», «бич языка» и т. д.[3] Увеличение числа омонимов — продукт усиления взаимоотношений говоров и их разложения, больший же удельный вес синонимов стоит в тесной связи с наличием множества параллельных слов в феодальную эпоху, что является показателем большей замкнутости говоров, большей очерченности их границ. Делаем заключение, что слова, широко распространенные в современных говорах, как правило, раньше употреблялись на значительно меньшей территории. Не затрагиваем здесь проблемы наличия данных слов в других языках, но это наличие вовсе не опровергает данного вывода: русская народность не есть нечто «самобытное», «расово или культурно чистое, цельное»; она создалась в определенный исторический период, как то доказывает новое учение о языке, в путях сближения (на основе социально-экономических связей) из первоначально совершенно различных этнических и языковых единиц, поэтому слово, употребляющееся в одном из диалектов или говоров русского языка и в каком-либо другом языке или языках, вовсе не обязательно возводить к «обще-русскому языку» и «обще-русской территории». Приведенный здесь материал позволяет также предполагать, что многие слова, являющиеся в настоящее время общими для всего диалекта, раньше принадлежали только одному говору или группе говоров.

---

[1] См., напр., Gilliéron. Les conséquences d'une collision lexicale et la latinisation des mots français, Paris, 1921.

[2] Последователи Naumann'a.

[3] См., напр., у Dauzat, La géographie linguistigue, Paris, 1922, стр. 65.

Такие слова, как *выть*, *обжа* и др., попав в литературные феодальные языки, через них далеко вышли за пределы своего первоначального распространения, но впоследствии, когда обозначаемые ими явления феодального строя отжили свой век, начался как бы обратный процесс: сужение территории распространения (а не просто повсеместного отмирания) в сторону первоначальной исходной области (которая, конечно, не восстанавливается точно в своих прежних границах), где сохранились еще пережитки более первичных значений, переосмысленных в соответствии с современными условиями.

Кроме того, большинство местных терминов тяготеет не ко всему диалекту в целом, а к отдельным его центрам. Наибольшее число слов, распространенных во всех основных районах диалекта, падает на северно-великорусское наречие (*жи́то*, *ови́н*, *стожа́р*, *заво́р*, *пове́ть*, *назём*, *ляда́*, *страда́* и нек. др.), тогда как южно-великорусское наречие значительно беднее местными лексическими особенностями (по нашим материалам к нему относятся *скороди́ть*, *пу́ня*, *заку́та*, *старнова́ть* и *во́лна* и некоторые другие термины). То же явление наблюдается и в территориальном распространении областных слов, которых в северно-великорусских говорах значительно больше, чем в южных. К такому же выводу пришел Д. К. Зеленин на основании исследования этнографических особенностей русского крестьянства и распространения в говорах смягчения задненебных согласных. В северно-великорусских говорах «очень редко приходится различать говоры отдельных селений, а большею частью говоры целых областей или, по крайней мере, целых уездов, которые, за редкими исключениями, представляют собою нечто единое. Диалектологические границы здесь большею частью совпадают с прежними административными границами — уездов и княжеств».[1]

Что же касается южно-великорусского наречия, то здесь «мы встречаем теперь . . . такую пеструю смесь населения . . ., почему распространение здесь разных этнографических и диалектологических признаков подчиняется не географическому принципу, а какому-то иному».[2] Действительно, южно-великорусские говоры не менее богаты местными терминами, не входящими в литературный язык, чем северные, но их лексические особенности не представляют в такой мере более или менее компактных областей распространения, как это имеется на севере. Что это, явление более раннего

---

[1] Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, СПб., 1913, стр. 360.

[2] Там же, стр. 35.

или позднейшего порядка? Конечно, в каждом конкретном случае распространение того или иного слова в южно-великорусских говорах может быть и ранним и совсем недавним образованием, но в целом южно-великорусские говоры в территориальном распределении своей лексики представляют собою более позднюю ступень развития по сравнению с северно-великорусскими, когда в силу ряда исторических причин границы говоров, созданные феодальными социально-экономическими единицами, стираются и «перемешиваются», превращаясь как бы в хаос перепутанных линий. То же самое можно сказать и о некоторых семантических особенностях (термины, сохранившие обозначения общинных отношений, встречаются главным образом в северно-великорусских говорах и т. д.). В литературе уже неоднократно указывалось на то, что более поздние явления, как правило, уже не имеют в своем распространении той территориальной определенности, как более ранние. Тот же Д. К. Зеленин, прослеживая границы распространения мягкого «к», устанавливает очень широкое его употребление в говорах на ряду с несоответствием этого распространения с теми или иными диалектическими границами, и совершенно справедливо объясняет это тем, что такое широкое распространение данного языкового явления — факт позднего порядка.[1]

Весьма характерно, что наибольшее стирание диалектических границ не только в области морфологии и фонетики, но и в области лексики, наблюдается в так называемых переходных или в средне-великорусских говорах, больше всего подвергнутых влиянию литературного языка и являющихся продуктом относительно недавнего времени. Средне-великорусские говоры по нашим материалам не дают ни одного слова, специфичного для них в целом или для их каких-либо отдельных территориально компактных частей.

Для истории языка областные слова должны представить особый интерес. Конечно, при территориальном определении этих слов перед нами стоит более трудная задача, поскольку мы не обладаем достаточным материалом, в силу чего термин, который выше отнесен нами к одной группе говоров, при получении дополнительных данных окажется более распространенным, чем мы его фиксируем, или наоборот. Другая трудность — весьма слабая разработанность определения различных групп говоров и по фонетико-морфологическим данным.

Группу областных терминов, с получением соответствующего материала, можно до бесконечности увеличивать. Пока трудно более или менее

[1] Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, стр. 1—2.

точно наметить какие-либо областные центры, вокруг которых группировались бы определенные, характерные для этих областных говоров, слова. Тем более, что особенности областных говоров подвержены значительно большему стиранию, чем особенности диалекта в целом. Но все же можно в этом отношении сделать кое-какие выводы. Работы по анализу словарного состава диалектов, если их поставить в плане исторического исследования, позволили бы вскрыть более четкие границы областных говоров, существовавшие в прошлом, их постоянные изменения в связи с историей социально-экономических взаимоотношений различных местностей. Чем дальше в глубь истории, тем больше увеличивается удельный состав областных, также чисто местных терминов, в общем сельскохозяйственном лексиконе той или иной местности: слова, имеющие в настоящее время широкое распространение по всему диалекту, также многие литературные термины, употреблялись раньше на более узкой территории, много местных слов вовсе вытеснено из речевого обращения, областные слова, употребляющиеся сейчас в различных группах говоров, бытовали раньше в одном из говоров и т. п. Автор, конечно, вовсе этим не хочет сказать, что говоры феодального времени были почти полностью обособлены друг от друга (в таком случае это были бы не говоры, а самостоятельные языки), речь идет лишь о тенденции развития.

Сами говоры в целом являются продуктами феодализма. Это положение можно считать установленным. Старое направление в индоевропейской диалектологии, исходящее из диалекта, как некоего «организма», вовсе не ставило вопроса о социальной подоплеке возникновения говоров, поскольку считалось само собою разумеющимся, что диалекты, в силу «вечно действующих сил», приводящих язык к постоянному дроблению, результат как бы естественного раскола языка. Среди представителей этого направления были широко распространены также идеи, что в границах современных говоров можно видеть остатки древних племенных границ, а в группах местного населения, имеющих этнографические и языковые особенности, — прямых наследников древних племен. В частности, эти взгляды господствовали в немецкой диалектологии вплоть до начала настоящего столетия (K. Müllenhoff, Spruner-Menke, O. Bremer, Virchov и др.). Их можно встретить и среди представителей русской диалектологии.[1]

---

[1] Ср. Е. Ф. Будде, «Говор Брянского уезда, как и говоры известных мне других уездов Орловской губ., относится к типу южно-великорусских говоров, испытавших на себе влияние еще в давнее время потомков северского наречия, причем северяне не могут считаться ни в коем случае белоруссами» (К какому из русских наречий принадлежит говор современ-

Гипотеза эта дальнейшими исследованиями была отвергнута. Материалы вынудили диалектологов к социальной постановке вопроса, к анализу взаимоотношений между диалектическими границами и политико-экономическими границами. Все чаще и чаще начинает встречаться в литературе попытка объяснить особенности того или иного говора влиянием в данной местности культурного или государственного центра, крупного города, торговых путей и т. д.[1]

Наконец, данная постановка вопроса конкретизируется, и возникновение говоров относится к определенному историческому периоду. Одно из важнейших достижений немецкой диалектологии заключается в положении, что говоры являются продуктами культурных, политических и прочих центров

ных жителей Брянского уезда Орловской губ. ИОРЯС, кн. 4, 1905, стр. 282). См. также критические замечания об исследованиях Е. Ф. Будде А. И. Соболевского: «Е. Ф. Будде, ознакомившись, с одной стороны, с акающим говором Касимовского у. Рязанской г., с другой — с окающими говорами нескольких мест Вятской г., нашел, что они «почти одинаковы», и отсюда заключил, что жители Вятки — не что иное, как переселенцы из бассейна Оки, двинувшиеся на северо-восток по Оке, Волге, Каме и Вятке и перенесшие на новую территорию свое старое племенное название . . . Никаких оснований производить вятчан от вятичей мы не видим. Прежде всего сомнительно, чтобы жители Касимовского уезда и других мест еще недавнего (XIV—XV вв.) Мещерского края имели право считаться прямыми чистыми потомками вятичей. Сколько можно судить о последних на основании летописных данных, изо всех уездов Рязанской губ., именно в Касимовском (с соседнею частью Егорьевского у.), мы не в праве искать сколько-нибудь чистого и однородного населения» (Заметка о вятском говоре. РФВ, 1906, № 1, стр. 80—81). Но не свободны от этого взгляда были и сами А. И. Соболевский и А. А. Шахматов и другие крупные русские исследователи, не говоря уже о менее заметных диалектологах. Было много попыток видеть в современных «сицкарях», «полехах» и т. д. прямых потомков древних племен. Из позднейших последователей «Stammes hypothese» укажу на В. Попова, утверждающего, «что не только белорусские диалекты не являются «частью» великорусского, но и великорусский, в своем южно-великорусском диалекте, восходит к языку кривичских племен, на месте которых находим сейчас псковичей и смолян с прилегающими к ним «областями» (К определению типа русского наречия в верховьях Зап. Двины. ИОРЯС, т. II, кн. 1, 1929, стр. 121).

[1] См., напр., А. И. Соболевского, который трактует особенности говоров в их обусловленности связями данной местности с крупными центрами (Новгородом, Москвою и др.) (Опыт, стр. 2, и др.). Особенно четко это формулирует А. А. Шахматов, отмечая один из моментов формирования говоров: «Политическое возвышение Москвы имело следствием проникновение московского наречия в городские центры всего государства, и каждый такой центр образует вокруг себя большую или меньшую периферию, где местный говор получает московскую окраску» (Курс, ч. II, стр. 500). Ср. Н. Н. Дурново: «Самое образование таких диалектических единиц — говора, наречия, наконец языка — стоит в связи с образованием культурного центра, объединяющего известные группы населения, и с обособлением этих групп от других групп, тяготеющих к другим культурным центрам: вокруг мелких центров — торгового села, фабрики, монастыря и т. п. группируются отдельные говоры, крупные областные центры иногда содействуют образованию наречий, наконец, выделение известных областей в целые государства способствует созданию языка» («Диалектологические разыскания», стр. 5). Отметим здесь, что Дурново не различает особенностей исторических эпох, кроме того, считает появление диалектов как процесс обособления, расчленения первоначального «ствола».

средневековья, т. е. феодализма.[1] Более того, показывается, что позднейшие (капиталистические) преобразования не создали каких-либо новых диалектических границ, современные административные границы не оказывают никакого влияния на говоры,[2] т. е. подтверждается мысль, что капиталистические отношения сламывают территориальную обособленность диалектов, стирают местные языковые особенности, ведут к обобщению, схождению наречий, происходящему через могущественное влияние литературного языка.[3] Поэтому можно с уверенностью говорить о значительно большей диалектической раздробленности в прошлом, т. е. устанавливать картину, обратную обычной индоевропеистской схеме вечного дробления, обособления и т. д. В подкрепление к вышесказанному сошлюсь на известное всем положение В. И. Ленина, дающее блестящую характеристику развитию исторического процесса в России: «Если можно было говорить о родовом быте

---

1 Укажем здесь на работу Theodor'a Frings'a «Rheinische Sprachgeschichte, Essen», 1924 в которой особенно четко ставится вопрос об обусловленности диалектических границ территориально-политическими союзами средневековья (споров немецких диалектологов о том, в какой период феодализма возникли говоры, здесь мы не касаемся). Теоретичеекие замечания по этой линии в русской литературе последнего времени также имеются. Авторы этих замечаний ставят точки над «и», называя определенную общественную формацию, именно феодализм См. А. И. Иванов и Л. Якубанский: «Феодальной языковой общественности присуще было районирование: феодальное общество распадалось на ряд языковых районов, соответствующих феодальным поместьям; эти языковые районы мы условимся называть поместными диалектами (наречиями, говорами)» Очерки по языку, Л.—М., стр. 64.

2 В вышецитированной работе Frings'a показывается, что изменения политических границ Рейнской области за последние два столетия (т. е. в капиталистическую эпоху) не наложили никакого отпечатка на границы говоров, поэтому, по мнению Frings'a, в современных диалектах Рейна можно прочитать географию средневековых территориально-политических объединений. В тех же случаях, где на первый взгляд выступают связи между говорами и современными административными делениями, эти связи обусловлены лишь совпадением этих делений со средневековыми объединениями (стр. 8, 9 и др.).

На отсутствие какой-либо зависимости границ говоров от современных административных границ часто делались указания и в русской литературе.

3 Факт исчезновения местных особенностей отмечался неоднократно. Еще И. И. Срезневский писал, что «в некоторых городах Ярославской, Костромской и Владимирской губ. есть еще остатки исчезающего наречия, известного под названием суздальского, галицкого и т. д.». («Замечания», стр. 11). Еще четче формулировал эту мысль М. Колосов: «Стремление говоров подойти под один общий уровень замечается сильное. Есть местности, в которых исчезновение звуковых особенностей языка совершается, так сказать, «воочию» («Заметки», стр. 3). Позже это явление отмечает Н. М. Каринский («О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа», РФВ, 1898, № 3, стр. 93—94) и др. С течением времени процесс исчезновения местных особенностей все более усиливается. «Вторая половина XIX века, особенно два последние десятилетия, внесшие так много нового и необычного в замкнутую жизнь деревни, оказали, конечно, свое влияние и на говор. Особый интерес материалов по данному говору я и вижу в указании на фактическом материале порядка исчезновения диалектизмов в любом говоре, порядка, правда уже известного нам, но на основании теоретических предположений» (Н. П. Гринкова, Очерки, стр. 251).

древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г-н Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных».[1]

Поскольку средневековые общины «были чисто территориальными связями», то и в языке определяющим признаком для всех местных особенностей была территориальная замкнутость крестьянства. Языковые особенности распределялись по территориям, и в своем расположении имели более или менее заметные границы. Примерно с XVII в. начинается разрушение этих границ, которое проходит особенно интенсивно в наше время.[2] Поэтому понятно, что ни о каких «чистых» резко оконтуренных границах современ-

---

[1] Сочинения, т. 1, изд. 3-е, стр. 74.

[2] Необходимо отметить, что несмотря на отмеченное достижение буржуазная диалектология все же далека до действительного разрешения проблемы происхождения говоров (не говоря уже о неверном понимании социально-экономических основ Средневековья), поскольку ею предполагается возникновение говоров как д р о б л е н и е в феодальных княжествах первоначально более или менее единого языка, т. е. в этом пункте (фактическом утверждении «праязыка») новое направление совпадает со старым. «Stammeshypothese» пыталась доказать, что древние племена были такими же по культуре, языку и прочим признакам германами, славянами и т. д., как и современные германе, славяне и т. п. Новое направление по существу не отвергает этого положения, перенося лишь происхождение говоров (в этом отношении совершенно правильно), на более позднее время. Несомненно, языковая раздробленность феодального времени перешла по преемственности от ранних эпох, когда эта раздробленность была еще большей, и уже не диалектической, а языковой в полном смысле этого слова. Но эту проблему нельзя уже решать средствами диалектов, ее можно решить лишь при привлечении фактов других языков, в особенности же языков так наз. яфетической системы.

ных говоров говорить нельзя, так как таковых вообще не существует. Но все же даже такой неполный материал, который имеется у нас, позволяет, хотя бы предположительно, наметить некоторые областные группы говоров, имеющие характерные особенности в своей сельскохозяйственной лексике. Так, выделяется северо-западная группа, центром которой является б. Новгородская губ. (что вполне понятно, если учесть исторические данные), куда относятся слова: *исхóжа*, *óводь*, *прúус*, *óбжа*, 'выть, *нáволок* 'луг', *тéреб*, *прúтереб* 'лесной покос', *óбод*, *рáда*, и др., затем северо-восточная группа (вятско-вологодский и пермский край) *сабáн*, *ондрéц*, *андрéц*, *адрéц* 'возовая телега', *кабáн* 'стог сена', 'копна ржи', *опýток* 'сноп', *отрéз*, часть плуга', *кочýра* 'куча снопов', *бастрúк*, *долóнь* 'ток', *хива*, *шаром*, *дóчка* 'свинья' и т. д.; рязанск—*котух*, *прасýк*, *волочить* и др.; владим.—*бянки*, *дикýша* и др. Названия «рязанская», «владимирская», конечно, вовсе не предполагают очерченность предполагаемых групп говоров в пределах б. Рязанской и Владимирской губ. Как было сказано уже выше, территории распространения слов почти никогда не совпадают друг с другом, но все же они тяготеют к определенным центрам, составляя особые группы говоров. При определении лексических областей очень важно учитывать не только наличие какого-либо специфического для данной области слова, но и отсутствие терминов, употребляющихся в других группах; так, скажем, владимирская группа, по имеющимся у нас материалам, значительно беднее лексическими особенностями, чем другие группы северно-великорусского наречия (за исключением средне- и нижневолжских говоров), но для нее весьма характерно именно отсутствие терминов, распространенных в северно-великорусских говорах повсеместно.

Местные термины. Терминологическая множественность

Многие из нижеприведенных терминов по своему территориальному распространению, должны быть переведены в разряд областных слов и даже диалектических и междиалектических; задача этой главы отличается от предыдущей, поскольку в ней ставится цель: показать воочию ту терминологическую множественность, которая существовала совсем недавно в сельскохозяйственной лексике говоров и существует во многом и сейчас, что имеет большое значение и для ряда практических проблем, встающих в связи с необходимостью упорядочения сельскохозяйственной терминологии. Типологически местные термины представляют собою разнообразную массу, поскольку они в своем происхождении восходят к различным историческим эпохам.

Анализ и обобщение материала считаем наиболее удобным дать в конце главы. Поскольку здесь дается картина терминологической множественности, материал распределяется по отдельным отраслям сельского хозяйства.

1. Сельскохозяйственные орудия, инвентарь и постройки

1) Плуг, соха и их части: имеется сравнительно немного названий для плуга и сохи. *Плуг, соха* — термины, в настоящее время распространенные всюду. На востоке употребляется *сабáн*, кое-где *косýля*, *орáлка*. Несомненно, раньше обозначений сохи и плуга было значительно больше.[1] Правда, при распространении плуга на местах начались создаваться новые термины, но эта терминологическая множественность имела временный характер; она была обусловлена новизною данного сельскохозяйственного орудия. Так, *колесянка* (в отличие от сохи) 'плуг' (ПАН, № 134, Кунгурск. у. Пермск. губ., 1898), *колесня́* Котельн. у., Бобров, *железя́нка* (д. Извоз, Старолад. сельсовет, 1933).

Следовательно, можно констатировать, что по этой линии терминологической множественности уже не имеется. Несколько различных терминов имеется в обозначении особых видов плуга или сохи, со специальными приспособлениями: *чертеж* 'соха с лемехом' (МДК, II: с. Верхний Юс, Малмыж. у. Вятск. губ., 1911), *клóпик* 'один из видов косули' (зафиксировано только у Зеленина, Вятск. губ.) *бороздúльник*, *бороздни́к* 'сошка для проводки борозд под посев овощей' (Даль, сев.), *скоропашка* 'соха особого устройства' (МДК, I: д. Токарево Михаил. у. Рязан. губ., 1919), *рассóха* 'род сохи' (МДК, I: № 9 Скопин. Рязан. губ.; ТМДК, 3: с. Бычки Сапожк. у. Рязан. губ., д. Селино Дубен. р-на, 1933), *рассошник* (Зеленин, вятск.); значительно больше разнобоя в обозначении частей плуга и сохи: *чертеж*, *отрез*, *резец* 'лемех' (ПАН: № 105 — Малмыж. у. Вятск. губ. 1897, № 46 — Котельн. у. Вятск. губ. 1896) и др. преимущественно на северо-востоке, *сошник* (распространено широко), *лемех* (также), *желéзья* 'лемехи' (ПАН, № 58, Кологивск. у. Костром. губ., 1898), *присох* 'лемех' (по функции от сошника) (МДК, I, № 4, д. Щирино и Симоновское Холм. у. Псков. губ., 1909), *рáльники* 'лемехи' (Котельн. у., Бобров), *сошникú* (МДК, II, Вельск. у Волог. губ., 1912), *полúца*, *палúца* 'отвал в сохе' (д. Селино, 1933; ПАН, № 84, Корч. у. Тверск. губ., 1900; Сахаров, орл., и др.) имеет широкое распространение; *óмеши* 'сошники' (МДК, II;

[1] Ср. древне-русские *рало, лемешь* 'плуг' и др.

с. Пудожская гора, Повен. у., Олон. губ., 1912), *ле́меш* 'сошник' (первоначально же, как и *пали́ца* 'примитивное сельскохозяйственное орудие') (МДК, I, № 4 д. Щирино и Симоновское Холм. у. Псков. губ., 1909), *черте́ц* 'отрез у косули' (Якушкин, яросл.), *присох* 'сошная лопаточка для отвала земли' (Даль, новгор.), *лопаточка* 'лопаточка для отвала земли' (Дубен. р-н), *исподник* 'поперечина', 'ножик в сохе для укрепления оглобель' (Даль), *каза́чка* 'рукоять у сохи' (Даль), *лу́коть* 'главная часть сохи, к которой приделывают лемехи' (ТМДК, III: Дем. у. Новгор. губ.), *обжа* 'оглобля сохи' (Даль: курск., северн.; МДК, II: Дем. у. Новгор. губ. и др.), *рога́ч* 'рукоять у сохи' (Якушкин, яросл.), *лопа́тка* 'отвал у сохи' (ПАН, № 272, с. Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ., 1903), *плотва́* 'отвал у косули' (МДК, № 78, Покров. у. Владим. губ., 1912), *кичи́га* 'палица у сохи' (ПАН, № 155, Арханг. и Волог. губ., 1893). Но и здесь терминологический разнобой не так велик, как в обозначении предметов, имеющих меньшее экономическое значение, или в обозначении различных индивидуальных сторон тех или иных сельскохозяйственных процессов. Отметим, что ряд терминов, обозначающих сейчас лишь части сохи или плуга, раньше обозначал все орудие в целом.

2. *Борона́* — распространено повсеместно. Терминологические особенности имеются, главным образом, в названии ее частей: *олук* 'оглобля у бороны' (ПАН, № 155, Арханг. и Волог. губ.; МДК, № 41, Онеж. у. Арханг. губ.), *баран* 'дуга у бороны, к которой прикреплены оглобли' (Подвысоцкий, Арханг.), *зубья* (сев.-великор.) *клёвцы* (южно-великор.), *ко́льца*, *по́тяг* 'веревочный баран у бороны, по которому ходит побегало', *барашок* 'баран' (ПАН: № 46, Котельн. у. Вятск. губ., 1896), *полозки*, *брусики* (ПАН, № 38, Малмыж. у. Вятск. губ., 1896), *ружины* 'палки у бороны, между которыми вколачиваются зубья', *перебега́лка* 'дужка у лука бороны', *пе́речень* 'валек у бороны', *станок* 'остов бороны' (Володарский: Рыбин. у.), *ры́скыльница*, *рыскульница* 'лучок у бороны' (*ры́скул* 'лучок вообще', тульск.), *верёвка* 'потяг' (д. Селино, 1933), *потяжо́к* 'постромка у бороны' (Даль), *побега́ло* 'деревянное колечко у бороны' (Даль).

3. Коса́ — распространено повсеместно. На севере и востоке *горбу́ша* 'серпообразная коса на короткой палке' (ПАН, № 280, с. Шуя, Кем. у. Арханг. губ., 1909; МДК, № 104, Городищ. у. Пенз. губ., Васнецов, Вятск.; АГО, № 148, Шенк. у. Арханг. губ.; ТМДК, XII, д. Семково Белоз. у. Новгор. губ. и др.), слово это раньше имело широкое распространение, теперь сохранилось в качестве пережитка, *сто́йка* 'коса, в отличие от горбуши'

(ПАН, № 280, с. Шуя Кем. у. Арханг. губ.; Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.), *резун* 'коса' (ПАН, № 84а, Осташ. у. Тверск. губ., 1897), *литовка*, *летовка* (ПАН, № 112, Бирск. у. Уфим. губ., 1897; Ламанский, Томск. окр., Котельн. у. Вятск. губ., Бобров), *крюк* 'коса с прутьями, приспособленными для ровной косьбы хлебов' (тульск.), *пáльцы* 'деревянные прутья в клюку' (тульск.), *окóсья*, *óкось* (ПАН, № 40, Самар. у. и губ., 1896), *косьевúще* (д. Позем Старолад. сельсовет, 1933), *окóсиво* (ПАН, № 274, Меленк. у. Владим. губ.), *косьé* (д. Селино, 1933), *косовище* *косовье* (Даль, тверск., псков.), *косовúна* (Даль, орл. и др.) 'древко косы'. Этот термин в самых различных оформлениях употребляется повсеместно. *Костелéк* 'длинная ручка из естественного сучка на древке косы' (Старолад. сельсовет), *полóк* 'ручка на древке косы' (старолад.), *пáлец* 'ручка' (д. Селино), *напáлок* то же самое (Чернышев, Моск. у.).

4. Цеп, приус, молотило. Части цепа: *держáлка*, 'ручка', *бúтик* 'цепинка' (ПАН, № 178, д. Ченцы, Кашин. у. Тверск. губ., 1898), *бáтог* 'ручка', *пýтце* 'ремешок', *кáдця* 'цепинка' (ПАН, № 163, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *кáдця* 'ручка', *цеп*, *цепúнка* (ПАН, № 272, с Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ., 1902), *кáтцо* 'ручка', *пýдцо* 'ремешок', *молотило* 'цепинка' (Герасимов и Кедров., Новгор. губ.), *цепь* 'ремешок' (Водарск., ростов.), *боéк* 'цепинка', *кадочка* 'ручка', *пýдцо* 'ремешок' (Шейн), *бúло, молотúло, бúлень, бич, бúтчик, киéк, бáтог, нáвязень, висяга, молотúльник, типóк, типúнка, цепúнка* (Даль), *кявúна,* 'ручка цепа', *кепóк* 'цепинка', (Иеропольский д. Савкино, Пушкин. р-на Псков. окр.), *кáдочка* 'ручка' (АГО, № XLII, 46, Черн. у. Тульск. губ., 1853; ПАН, № 141, Слобод. у. Вятск. губ., 1897), *бáтог* 'цепинка' (МДК, II, д. Семково Белоз. у. Новгор. губ.), *кадýшка* 'ручка' (ПАН, № 84, Корч. у. Тверск. губ., 1900), *цеповúще цепник, кевьé, держáло, держáлень, держáлка* 'ручка' (Даль) *кáдка* 'ручка' (Якушкин, яросл.), *ýвязь, пýдцо* 'ремешок' (Якушкин, яросл.) *мáчига* 'ремешок' (Даль: тверск., псков.), *пýчье*, 'ремешок', *пáлка* 'ручка' (ПАН, № 141, Слобод. у. Вятск. губ.), *мáтка* 'ручка', *тепéц* 'цепинка' (Старолад. сельсовет, 1933), *цепúльня* 'ручка', *кáпица* 'ремешок', *бич* 'цепинка' (ПАН, № 246, с. Меньшиково, Дмитр. у. Курск. губ., 1898), *рýчка, ремешóк, цепúнка* (д. Селино, 1933).

5. Вилы, лопата. Имеются различные обозначения чисто местного порядка, употребляемые на ограниченной территории, хотя есть и совпадения между различными, часто отдаленными друг от друга районами: *Подавáленки* 'железные вилы для подачи снопов' (ПАН, № 136, Соликам. у.

Пермск. губ.), *подавáльница* 'орудие, которым подают снопы на кладушку' (Васнецов, вятск.), *кокотóк* 'загнутые вилы для срывания навоза' (МДК, II: с. Марьегорское, Карпогорской вол. Арханг. у. и губ.), *карáкуля* 'железные вилы для наваливания навоза' (Волоцкой, ростов.; Смирнов, Кашин.), *рáтовище* 'рукоять вил, граблей, лопат и т. д.' (Грандлиевский, Арханг. у.), *рожнú* 'железные навозные вилы' (Даль), *тройни, двóйни, тройные вилы, двойные вилы* (Даль, Арханг., д. Селино, 1933), *трясéнки* 'вилы для тряски соломы' (ПАН, № 111ª, Касимовский у. Рязан. губ., 1897, Старолад. сельсовет, 1933), *метáлица* 'деревянные вилы для подачи снопов' (ПАН, № 153, Корсун. у. Симб. губ., 1897), *цапýльки* 'двойные загнутые вилы для навоза' (ПАН, № 84, Корч. у. Тверск. губ., 1900), *цáпальки* то же (МДК, II, Александр. у. Владим., губ., 1912), *копы́ч* то же (МДК, I, № 33, с. Кипеть Козельск. у. Калуж. губ.), *вилы* 'железные вилы', *навильники* 'деревянные вилы' (д. Селино, 1933). В обозначениях лопаты различаются железные лопаты и деревянные, для которых по разным местностям имеются самые различные названия. Так, *рéйка* 'железная лопата', *лопáта* 'деревянная лопата' (ПАН, № 57, с Ембулаты Симб. губ., 1896) соответственно *посадка* и *лопата* (ПАН, № 153, Корсун. у. Симб. губ. 1897), *скрéбка* и *лопата* (д. Селино, 1933), *заступ* 'железная лопата в огороде', *лопата* 'железная или деревянная лопата вне огорода' (Старолад. сельсовет, 1933), *кирóк* 'заступ' (ПАН, № 272, с. Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ., 1903), *копáч* 'род мотыги' (МДК, II: Великосельская вол. Сольвыч. у., с Марьегорское Арханг. у.), *кéрка* 'орудие для разработки почвы новой расчистки' (с. Марьегорское Арханг. у.), *вéяльница* 'деревянная лопата' (Тепло-огарев. р-н, 1929).

6. Жерди, палки, носилки. *Поддорки* 'жерди под хлебным скирдом' (Бычков, Гороховск. у.), *бастры́к* 'жердь для пригнетания сена или снопов к возу' (Мотовилов: симб. и др.), *висляки* 'жерди для копен, чтобы их не раздувал ветер' (Зеленин, вятск.), *слéги* 'толстые жерди', *притýги* 'тонкие жерди' (д. Селино, 1933), *аншпуг* 'толстая короткая жердь' (Грандлиевский, арханг. у.), *стяг* 'жердь для пригнетания сена или снопов в возу' (Грандлиевский, арханг. у., А. А. Шахм.; орл. (вятск.) и котельн.), *сажáлка* 'жердь, на которую садят в овине снопы' (Васнецов, вятск.), *вéтренница* 'жердь, которой покрывают стог сена' (Будде, Казан.) *колупéлька* 'палка для собирания картофеля' (ПАН, № 111ª, Касим. у. Рязан. губ., № 1897), *пихало* (ПАН, № 41, Онеж. у. Арханг. губ.), *пéхло* (ПАН, Орл. у. Вятск. губ., 1897), *подавáлка* (Старолад. сельсовет) 'палка для перевертывания снопов при молотьбе', *ерáтик* 'кол, к которому привя-

зывают пасущуюся лошадь на огороженном лугу' (Словарь А. А. Шахм., пинеж.), *рожо́н* 'кол', 'заостренный шест' (Даль), *остро́вье* 'колышки, вбиваемые кругом на месте предполагаемого стога' (Соловьев, новгор.) *крюки* (МДК, II, Новторж, у. Тверск. губ.), *рожни́* (ПАН, № 136, Соликам. у. Пермск. губ., 1897), *кро́шни* (ПАН, № 84[а], Осташ. у. Тверск. губ., 1897), *носи́лки* (д. Селино, 1934) 'носилки для соломы'. Терминологическая множественность устанавливается здесь еще и своеобразными местными особенностями самого подсобного сельскохозяйственного орудия, что находит свое отражение и в языке. Для полного учета терминологического разнобоя необходимо принимать во внимание не только параллельные термины и термины-синонимы, но и обозначение местных предметов, употребляющихся лишь на ограниченной территории, придавая им, конечно, другое значение.

7. Корзины: *Зобня́, сева́лка* (Васнецов, вятск.), *пляту́шка* (МДК, I, д. Андреевка, Малоарх. у. Орл. губ., д. Селино, 1933), *мы́тка, мы́тница* 'корзина из ивовых прутьев' (Васнецов, вятск.), *кошо́лка* 'корзина из цельной бересты в один шов' (Волоцкой, ростов.) *кошо́лка, кормовая кошолка* (д. Селино, 1933), *плетю́ха* (Волоцкой, ростов., МДК, II, Покров. у. Владим. губ., 1912), *плетуха, кошни́ца* 'корзина из ивовых прутьев' (АГО, XLII, Чернь, 1850), *берку́н* 'корзина для ягод и грибов', *мости́на* 'корзина для сена' (Якушкин, яросл.), *берьку́шка* 'небольшая корзина', *зобе́нька* 'корзина для ягод и грибов' (Якушкин, яросл.), *помы́тня* 'лукошко', 'хлебная мера' (Белорусов, Тотем. у. Волог. губ.), *ла́сбень* 'осиновое лукошко' (АГО, XLII, 46, Чернск. у. Тульск. губ., 1853), *наби́рка* 'небольшая корзинка' (Волоцкий, ростов.) *песте́рь* 'большая корзинка для сена', *песте́рка* 'корзинка' (ПАН, № 90, Кирил. у. Новгор. губ., 1912), *бура́к* 'корзинка' (Наумов), *куже́ня* 'корзинка' (Чернышев, Моск. у.), *вереньκа* — то же (Сахаров, Болх. у. Орл. губ.), *луко́шко* 'корзинка из луба', *коше́ль* 'небольшая корзинка из лыка', *корзинка, рыдику́ль* (д. Селино, 1933), *колы́шка*, 'плетушка' (Труды ОЛРС, 1820, XX, стр. 109: яросл.), *по́шев, ве́ко* 'лукошко с крышкою, куда кладется хлеб' (там же, стр. 112, яросл.), *ту́зик* 'бурак' (там же, стр. 131, скопин.), *ты́рсик* 'бурак из бересты' (там же, стр. 135, касим.), *пещер* 'сума из лыка или бересты у пешеходов за плечами' (там же, стр. 151, костром.), *лу́бка* 'корзинка' (там же, стр. 218, г. Осташков), *чума́ш* 'берестяная четырехугольная корзинка' (там же, стр. 211, ярен.) и др.

Характерно, что для обозначения корзинки, которая применяется в важном производственном процессе — севе, всюду распространен один термин,

лишь с разным морфологическим оформлением: *севáлка* (д. Селино, 1933; Чернышев, Моск. у.), *сéтиво* (МДК, II: с. Аносово Сергач. у. Нижегор. губ.; Якушкин, яросл.; Васнецов, вятск.), *сúтево* (МДК, II: д. Семково, Белоз. у. Новгор. губ.; Белорусов, Волог. губ., Васнецов, вятск.), *сéтево* (Волоцкой, ростов. у.), *севня́* (Старолад. сельсовет, 1933), *севнúца*, *сéвка* (северн.), *севáльник* (Даль, рязан.).

8. Сельскохозяйственные постройки: *рúга* (Соловьев, Новгор. губ., АГО, № XLII, 26, с. Никольское, Богородиц. у. Тульск. губ., 1849; Белорусов, волог., и др.), *рыга* (д. Селино, 1933; МДК, I: д. Андреевка Малоарх. у. Орл. губ. и др.) — термин имеет широкое распространение, но теперь исчезает; *гумнó*, *гувнó* употребляется повсеместно, *половень* 'сарай для корма' (АГО: XLII, 33 — с. Сурово Новосил. у. Тульск. губ., 1850, XLII, 26 — с. Никольское Богородицк. у. Тульск. губ., 1849, XLII, 51 — с. Нижне-Залегощь Новосил. у. Тульск. губ.; МДК, I, д. Андреевка МДК, I, д. Андреевка Малоарх., у. Орл. губ.), *половня́* (МДК, I, с. Засечное, Наровч. у. Пенз. губ.), *хизóк* 'клеть' (АГО, XLII, 51, с. Нижне-Залегощь Новосил. у.), *бáцуй* 'гумно' (МДК, I, д. Ольгино, Сев. у. Орл. губ., 1914), *теплýнька* 'загон для скота' (Каменев: Одоев. у. Тульск. губ.), *хабýнка* (Сидоров, Воскресенск. у. Моск. губ.), *хлебня́* 'гумно' (АГО, XLII, 33, с. Сурово, Новосил. у. Тульск. губ., 1850), *мякúнница* 'сарайчик для мякины' (Смирнов, кашин.), *евня́* 'большой овин с топкою' (Словарь А. А. Шахм., Смол. у.), *вóрак* 'коровник' (Будде, казан.), *гáйна* 'свиной хлев', *карда* 'скотный двор' (Будде, казан.), *стáя*, 'хлев, на верх которого набрасывают сено' (Куроптев, вятск.), *задвóрок* 'сарай для сена и сельскохозяйственного инвентаря' (Тульск. и Дубен. р-ны), *закýта*, *пýня*, *пýнька*, *овúн* и др.

2. Сельскохозяйственная работа

Не меньший (если не больший) разнобой имеется и в глаголах, обозначающих различные производственные процессы, поскольку распространенная в говорах описательность, зачастую заменяющая термины, выражается чаще всего через глаголы; кроме того, в производственных процессах имеется значительно больше местных, индивидуальных особенностей, чем в предметах. К сожалению, собиратели местных терминов обычно обращали меньше внимания на глагольные обозначения, чем на именные, поэтому и соответствующего материала у нас меньше. В главе: «Термины, имеющие широкое распространение», частично приводился материал по параллельным

словам и синонимам в обозначении производственных процессов (*паха́ть*, *ора́ть*, *бороно́ва́ть*, *скородить* и др.). Приведем здесь дополнительные данные: *меси́ть*, *меша́ть* 'пахать пар в последний раз перед посевом', *подня́ть взмет* 'поднять пар под зябь' (МДК, I, № 4, д. Щирино и Симоновское Холм. у. Псков. губ., 1909), *заде́лывать*, *борони́ть*, *борозди́ть* (МДК, II, Покров. у. Владим. губ.; П А Н, № 84[а], Осташ. у. Тверск. губ., 1897) 'бороновать', *приваливать борозды* 'бороновать борозды картофеля' (ПАН, № 277, д. Анохино Егорьев. у. Рязан. губ., 1905), *вспарить* (ПАН, № 48, Слобод. у. Вятск. губ., 1896), *вспа́ривать*, *подпа́ривать* (ПАН, № 78, Мышк. у. Яросл. губ., 1897), *паренину поднять* (ПАН, № 161, с. Ферапонтовское, Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *метать парину* (ПАН, № 246, с. Двоелучное Курск. губ., 1898), *челье пахать* (ПАН, № 266, Никольск. у. Волог. губ., 1897), *взодрать* (ПАН, № 81, Бронниц. у. Моск. губ., 1897), *пар метать* (МДК, I, с. Одоевщино Сапожк. у. Рязан. губ.) 'пахать в первый раз'. *Обрядить землю* 'обработать землю' (Я к у ш к и н, яросл.), *сошить* 'пахать' (Д а л ь: костром. тверск.), *зябить* 'пахать под зябь' (Б у д д е, казан.: П А Н, № 57, с. Ембулаты Симб. губ., 1896), *сошить* 'подсыпать картофель сохою' (В о л о ц к о й, Ростов. у.). В некоторых местностях для обозначения того, какой раз вспахивается поле, употребляются термины: *двоить* 'вспахивать поле второй раз' (д. Селино, 1933; МДК, I: с. Кирейково Козельск. у. Калуж. губ., с. Одоевщина Сапожк. у. Рязан. губ., и др.), *трои́ть* 'перепахивать третий раз' (ПАН, № 84, Корч. у. Тверск. губ., 1900; МДК, II, Новторж. у. Тверск. губ., и др.). В других же местностях для обозначения этих действий употребляются особые названия: *переяривать* 'перепахивать' (МДК, II, Повен. у. Олон. губ., 1912), *мешать перемешку* (ПАН, № 272, с. Иванов Бор Кирил. у. Новгор. губ., 1903), *пахать перепарку* (П А Н, № 266, Никольск. у. Волог. губ., 1902), *перекрывать* (МДК, II: с. Пудожская Гора Повен. у. Олон. губ., 1912) 'двоить'. Из обозначений других сельскохозяйственных процессов приведем *навива́ть* 'накладывать сено, солому, снопы на воз' (д. Селино, 1933; В а с н е ц о в, вятск. и др.; термин имеет широкое распространение), *сеять наволокою* 'не запахивать, а только заделывать бороною семена' (Д а л ь), *обсеяться* 'отсеяться' (В а с н е ц о в, вятск.), *оборонить* 'проехать с бороною кругом или по закраине полосы' (В а с н е ц о в, вятск.), *поло́ть* 'отделять полоту хою зерно от мякины' (Д а н и л е в с к и й, Мезен. у. Арханг. губ.), *посе̇яться* 'отсеяться' (Чернышев, Моск. у.), *садить овин* 'сушить снопы для молотьбы' (Ч е р н ы ш е в, Моск. у.), *тарновать*, *старновать* 'молотить цепами по первому разу',

изназмить поле ‘унавозить’, *карáбить* бороновать’ (Даль, тамб.), *засеяться* ‘отсеяться’ (Смирнов, кашин.), *отвернýть* ‘ударить три раза втакт при молотьбе’, *отбивать снопы* ‘разделять их на пряди и передавать молотильщикам’ (Якушкин, яросл.). Более или менее детальные обследования хотя бы нескольких пунктов различных говоров показали бы весьма большое различие в обозначении производственных процессов. Приводим сравнительные данные двух обследованных нами пунктов (уже колхозных деревень):

Д. Селино (1933 г.)	Староладожский сельсовет (1933 г.)
Навивáть ‘накладывать на воз сено, солому или снопы’. («Хтó *навjóт*’ кбикък ды γуўнáтъ в’éс’ хлéп абмалóт’ит’», С. М).	*Наклáдывать возы.* («Два *вóз налóжъл’и* и по^{а}jéхъл’и», А. Марк, д. Позем).
Старновáть ‘молотить цепами по первому разу’.	Нет соответствия.
Таскáть, подтáскивать снопы ‘подтаскивать снопы к барабану во время молотьбы’.	*Подсóвывать снопы.*
Стоять от барабáна ‘отгребать солому от барабана, что делает первая пара молотильщиц’. («Стаjáт’ ад барабáнъ чижалó, д’ýжъ пы́л’нà», А. В.)	*Откидывать от барабана.*
Гонять солóму ‘грести солому к носилкам, что делают вторая и третья пары молотильщиц, принимающие солому от первой’.	*Грáбить солому.*
Стрясáть кóлос ‘встряхивать граблями обмолоченный колос’.	*Поддавáть кóлос.*
Нет соответствия, так как в д. Селино как правило солому в снопы не вяжут.	*Вязáть солому в снопы.*
	Выносить снопы ‘нести снопы к омету или стогу’.
Класть омёт. Таптáть солóму утаптывать на омете обмолоченную солому’.	*Вершить омет, стог* ‘накладывать солому’.
Подавáть солому ‘подавать вилами солому на омет’	*Подкидывать солому.*

Отворáчивать 'обмолачивать цепями в последний раз'	*Молотить на отдачу.*
Скорóдить 'бороновать'.	*Бороновать, боронить.*
Нет соответствия.	*Разодрáть целину, клевер,* 'вспахать целину, поле из под-клевера'.
Пахáть под рóжь, пахáть пар.	*Метáть пар.*
Нет соответствия.	*Разодрáть мéжу* 'припахать к пашне дернистую целину без ограничения размеров', буквально: 'выйти за пределы пашни'.
Сéять на борозду 'сеять по свежевспаханному, но не заборонованному полю'.	*Сéять на грунт.* *Садить на грунт* 'сажать огородные культуры без грядок'.
Двоить 'пахать вторично'.	Нет соответствия (передается описательно: «снова пахать»).
Задéлывать семена 'запахивать и забороновывать семена'.	*Закрывáть семена* (д. Извоз, А. Коз.).
Брать пеньку, коноплю, лен 'дергать пеньку, коноплю, лен'.	*Таскáть лен, коноплю.*
Сучить перевёсла 'крутить вязку для снопов из соломы'.	*Крутúть свя́зки.*
Разваливать, разбивать ряды 'разваливать валки скошенной травы', *трясти́, перетрясáть сено, сгребáть, грести́, копни́ть* 'сгребать сено в копны'.	*Разбивать, разбрасывать прокóсы, грáбить, обносúть в кучи, метáть стог, распускáть сено* 'разваливать копны для окончательной просушки сена'.
Катáть ряд 'сгребать скошенную рожь, пшеницу, овес для снопа'.	Нет соответствия.
Перепáхивать картóшку 'окучивать сохою грядки картофеля'.	*Подваливать грядки* 'окучивать огородные культуры, в том числе и картофель' (д. Позем). *Проезжать картошку* 'окучивать сохою картофель' (д. Трусово, Б.).
Нет соответствия.	*Наезжать борозды* 'намечать борозды под огородные культуры маркером' (д. Трусово, А.).
Лешить 'размечать соломенными вешками поле для посева'.	Нет соответствия.

Этими примерами далеко не исчерпано все многообразие обозначений производственных процессов д. Селино и Староладожского сельсовета, но и приведенного достаточно, чтобы показать, какой терминологический разнобой царит в этой отрасли сельскохозяйственной лексики. На первый взгляд этот разнобой как бы сильно ослабляется тем, что подавляющее большинство терминов данной группы имеет общность семантики с лексикой литературного языка: *гонять солому*, *проезжать картошку* и т. д., где термины *гонять*, *проежать* общеизвестны, но здесь нужно иметь в виду, что помимо указанной общности имеется различие, которое и составляет производственную сущность данных слов. Обозначения производственных процессов — не просто описательные обороты, которые легко могут быть заменены другими, а более или менее устойчивые в своих значениях термины. Приготовление соломенных вязок в д. Селино может быть обозначено только выражением *сучить перевёсла*, а в д. Позем—*крутить связки*, или окочательный обмолот цепами в д. Селино — *отворачивать*, а в д. Позем — *молотить на отдачу*. За этими словами, имеющими в литературном языке отвлеченный смысл, укрепляется местное, конкретное значение, которое имеет перевес над отвлеченным, тем более, что многие из данных терминов в живой речи употребляются без дополнений, только в форме глагола. Поэтому не так-то легко крестьянам различных местностей сразу понять друг друга, когда речь заходит о каких-либо производственных процессах, тем труднее понять местную производственную лексику человеку, мало знакомому с сельскохозяйственным бытом в деревне. Конечно, не все термины этой группы обладают семантической устойчивостью (новое лексическое образование зачастую колеблется), часто заменяются описательными оборотами и т. д., пока не приобретают достаточной устойчивости. Помимо этого, в связи с проникновением мощного потока литературных слов в колхозную деревню, относительно устойчивый старый запас глагольных терминов, представлявший собою некую систему обозначения, приходит в расстройство, появляется масса слов-дублетов, повышается удельный вес описательных оборотов, разрушается местная обособленность этих глагольных терминов.[1]

Одной из характерных особенностей данной группы слов является обилие недавних, свежих образований, происхождение которых лежит на самой поверхности, поскольку эти образования являются специализацией значений общеупотребительных литературных слов в современной речи. В террито-

[1] Но с разрушением старого наблюдается новое терминотворчество, новая терминологическая стабилизация, имеющая совсем другие отличительные черты.

риальном отношении эти термины ни в какой мере не совпадают с границами говоров и диалектов (речь идет о новообразованиях): они могут встретиться в самых различных уголках, имея в одно и то же время множество «белых пятен»; в одно и то же время две соседние деревни какой-либо определенный производственный процесс обозначают различными терминами (так, в д. Селино — *разва́ливать копны*, в д. Павлово — *распуска́ть копны*), тогда как наличествует сходство между одной из этих деревень и весьма отдаленным от нее пунктом (в Староладожском сельсовете, как и в д. Павлово, — *распускать сено*). Это положение еще более подкрепляет то положение, что данная группа терминов в своей массе является наиболее поздним по своему происхождению слоем сельскохозяйственной лексики. Термины эти остаются местными, но распространение их уже совсем другого порядка, чем территориальное распределение более ранних терминов: оно связано не с феодальным уделом или поместьем, а с индивидуальным крестьянским хозяйством более поздних времен, с одной стороны, и внедрением широких хозяйственных связей в деревню, т. е. связей капиталистических, обусловивших стирание старых диалектических границ и бурное проникновение в крестьянскую речь особенностей литературного языка — с другой. В течение этой позднейшей эпохи происходило как бы обновление данной отрасли сельскохозяйственного словаря на базе литературной лексики, которое облегчалось тем, что глагольные термины наиболее текучи и наименее устойчивы в своем употреблении.

3. Названия сельскохозяйственных растений

Рожь, овес, пшеница и ряд других культур, повидимому, в связи с их большим удельным весом в хозяйственной жизни, который они приобрели еще в давнее время, имеют названия общие для всех говоров. Совершенно другую картину дают культуры, занимающие меньший удельный вес в сельском хозяйстве. Особенно сюда относятся картофель (в первый момент его распространения эта культура не играла значительной роли) и брюква. В настоящее время слово *карто́фель* употребляется повсюду, но раньше оно имело много параллельных обозначений, которые в известной своей части сохранились и до нашего времени. Некоторые из них являются переоформлением слова *карто́фель*, другие же представляют собой совершенно различные по происхождению термины: *парфе́нки* (З е л е н и н, вятск.), *парфеты* (Д а л ь, вятск.), *бу́льба* (Б у р н а ш е в, псков.), *гуле́на* (МДК, II: с. Бор Семен. у. Нижегор. губ., 1912), *бу́лка* (ТМДК, II: Дем. у.

Новгор. губ.), *антиевый хлеб* (Шейн, пермск. губ.), *земляные яблоки* (МДК, Варнав. у. Костром. губ., 1912; по словам составителя ответа, «Слово *картофель* почти не употребляется»; Чернышев, Моск. у: «Так крестьяне называли картофель, когда он входил в употребление»), *яблоки* (ПАН: № 197 — Тотем. у. Волог. губ., 1898, № 167 — д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., 1898, № 162 — д. Георгиевское Белоз. у. Новгор. губ.: В. Герасимов, Черепов. у. Новгор. губ.; Якушкин, яросл.; Волоцкой, ростов.; МДК, II, Molог. у. Яросл. губ., причем в д. Воротишино Черепов. у Новгор. губ., 1902, ПАН, № 268, *яблоки* — 'картофель', яблоки же назывались: *базарные яблоки*), *корфе́т* (Бобров: Котельн. у. Вятск. губ.), *картыши*, *карто́фия* (Куроптев, Слобод. у. Вятск. губ.), *гу́льба* (Кр. ПАН, № XII, Порхов. у. Псков. губ.), *карто́сы* (ПАН, № 38 Нолин. у. Вятск. губ.), *гуля́ва* (Второе доп.: семен.), *гу́нъба* (Второе доп.; псков.), *карто́вник* (МДК, II, с. Б. Вьяс, Саран. у. Пенз. губ.), *картофъ* (МДК, I, Тамб. у. Старолад. сельсовет, 1933), *карто́фка*, *карто́фъ*, *картошка* (Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.), *карто́фий* (Сахаров, орл.), *карто́фья* (МДК, II, с, Кукуй Дем. у. Новгор. губ.), и др.

Причины такого терминологического разнобоя лежат, с одной стороны, в стремлении говоров придать свое морфологическое оформление термину *картофель*, с другой, повидимому, в той враждебности, которой приняли его распространение крестьяне, в его отрицательной популярности, кроме того, в ряде случаев непонятное слово *картофель* заменялось русским, переносимым на эту культуру по функции или сходству (*яблоки*, *булка* и др.). Еще больший разнобой наблюдается в обозначении брюквы: *брю́ква* (литератури., моск., тульск. и др.), *сла́ща* (Наумов, арханг.), *ка́ля* (Соловьев, Новгор. у. Новгор. губ.), *ка́лига* (Старолад. сельсовет, 1933, Зеленин, вятск.; Якушкин, яросл.), *ка́лика* (Колосов, Боровпч. у. Новгор. губ.; МДК, II, Дем. у. Новгор. губ.), *дурни́ка* (Сахаров орл.), *ка́лифка* (Иеропольский, д. Савкино Пушкинск. р-на Псков. окр.), *бара́нка*, *ла́нда* (Зеленин, вятск.), *ры́гва*, *тебе́ка* (МДК, II, д. Ивановка Покровской вол. Сергач. у. Нижегор. губ., 1924), *гала́нка* (МДК, II, Варнав. у. Костром. губ.; ПАН, № 266, Никольск. у. Волог. губ.; Зеленин, вятск.), *гола́нъ*, *ла́нка*, *ла́ндушка* (Даль костром.), *не́мка* (МДК, I, № 33, с. Селишня Ржев. у. Тверск. губ.; МДК, II. Молог. у. Яросл. губ.), *гру́хва* (ПАН, № 40, Самар. у. Самар. губ., 1896; Будде казан.), *retю́ха* (ПАН, № 100, Муром. у. Владим. губ., 1896), *куря́ба* (ПАН, № 153, Корсун. у. Симб. губ., 1897), *бу́шма* (ПАН, № 150, Мещов. у. Калуж. губ.,

1897; Сахаров, орлов.), *бýхма* (ПАН, № 109, г. Касимов Рязан. губ., 1897), *бýхва* (ПАН, № 181, с. Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ., 1898), *бýква* (Даль, вятск.; МДК, I, с. Поляны Скопин. у. Рязан. губ.), *бýшня* (Даль, нижегор.), *брю́кла* (Даль, костром.), *брýква* (МДК, I, смол.), *буракú* (Будде, казан.), *урю́па* (ПАН, № 134, Егорьев. у. Рязан. губ. 1898), *рыхва* (МДК, II, д. Ивановка Сергач. у. Нижегор. губ., *буклýша* (ПАН, № 277, д. Анохино Егорьев. у. Рязан. губ., 1905), *бакла́нка, баклагá* (Даль костром.), *грыжа, мúнда* (Даль, смол.), *грыза* (Даль, тверск.), *желтýха, землянýха* (Даль: арханг.), *рыгýша, рыга́нка, синю́ха* (Даль, восточн.), *чигиринка, ка́левка* (ПАН, № 84), *бакла́н* (ПАН, № 81), *бýкма*] (ПАН, № 52), *бýда* (ПАН, № 143), *кибéка* (ПАН, № 118), *бýкла* (ПАН, № 110)[a], *паранýха* (ПАН, № 191), *картю́ха* (ПАН, № 187), *бýхта* (ПАН, № 176), *карéвка* (МДК, № 32), *дрю́ква* (МДК, № 111[a]), *рыхва* (МДК, № II, № 115в), *грýша* (ПАН, № 207), *ка́лика* (Словарь А. А. Шахм.: вышневол., старорусск.), *голáха* (Мат. Срезн., № 33), *ка́лица* (там же, № 30), *бýхня* (там же, № 164), *брю́хва* (Второе доп., молог.).

Обращает на себя особое внимание то, что все это множество терминов хаотически переплетается между собою, не составляя каких-нибудь, хотя бы относительно ограниченных территорий распространения (исключение составляют *ка́ля, ка́лига*, которые распространены в северно-великорусских говорах и неизвестны в южно-великорусских, что обусловлено особыми причинами). Это и вполне понятно, так как распространение нового термина обусловливается совершенно другими по сравнению с прежними причинами. То же замечание относится к наименованиям картофеля и всем другим аналогичным случаям.

Из местных обозначений других сельскохозяйственных растений приведем следующие термины: *дикýша* 'греча' (МДК, II, с. Абрамово Арзамасск. у. Нижегор. губ. и др.), *тебéка* 'тыква' (МДК, II, д. Ивановка Сергач. у. Нижегор. губ.), *дьятлúна* 'дикой клевер' (МДК, I, д. Щирино Холм. у. Псков. губ.), *борка́н* 'морковь' (МДК, II, Дем. у. Новгор. губ.). *завилéс* 'мелкий лук' (МДК, II, Нижнесалдский завод Верхотур. у. Пермск. губ., 1914), *пóотыч* 'бобы' 'горох' (Даль), *пря́га* 'морковь' (Даль, казан.), *ща́пица* 'серая капуста' (Якушкин, яросл.), *чéвика* 'чечевица' (Наумов, симб.), *гýрки* 'огурцы' (МДК, I, смол. и др.). Как видно из вышеприведенного материала, терминологическая множественность наблюдается в обозначениях второстепенных культур, за исключением разве картофеля, но и этот случай не нарушает общего правила, так как в пер-

вое время своего распространения картофель употреблялся мало и с большой неохотой, что и послужило одной из причин множественности его обозначения. Это положение подтверждают также названия ботвы, стеблей растений, травы, где также господствует терминологический разнобой: картофельная богва: *гичье* (ПАН, № 279, с. Смородины, Грайвор. у. Курск. губ., 1897), *плётки* (ПАН, № 176, Семеновское Каляз. у. Тверск. губ., 1898), *плёти* (д. Селино, 1933), *ботва́* (ПАН, № 174, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ. 1898), *видзи́лина* (Иеропольский, д. Савкино), *витви́на* (ПАН, № 38, Малмыж. у. Вятск. губ., 1896; Зеленин, вятск.), *ве́тки* (ПАН, № 25, Кадник. у. Волог. губ.), *бато́вник* (ПАН, № 81, Бронниц. у. Моск. губ., 1897), *бат* (ПАН, № 154, Верхотур. у. Пермск. губ., 1897), *трава* (ПАН: № 136 — Соликам. у. Пермск. губ., 1897, № 187 — Кирил. у. Новгор. губ., 1898, № 161 — с. Ферапонтовское Кирил. у. Новгор. губ. 1898), *во́лоть* (ПАН, № 197, Тотем. у. Волог. губ., 1898), *лети́на*, *ти́на*, *мити́на*, *неки́на*. Ботва других культур и ботва вообще: *мяки́на* (ПАН, № 180, Соликам., 1898) 'ботва всех корнеплодов', *бот* 'ботва всех огородных культур, кроме картофеля' (ПАН, № 176, с. Семеновского Каляз. у. Тверск. губ., 1898), *лыч* 'стебель репы' (ПАН, № 167, д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *лычей* 'свекольная ботва' (ПАН, № 38, Малмыж. у. Вятск. губ., 1896), *лу́чей* 'ботва всех огородных культур кроме картофеля' (ПАН, № 25, Кадник. у. Волог. губ.), *ботви́нья* 'капустная ботва' (МДК, № 103, с. Гаврилинка, Клим. у. Могилев. губ.), *борщи́* 'ботва' (ПАН, № 40, Самар. у, 1896), *ботва́* (д. Селино), *боби́на* 'стебель бобов' (Герасимов, черепов.), *хрепа́* 'капустная листва' (д. Княщино Старолад. сельсовет, 1933), *бу́бень* 'качан капусты' Волоцкой, ростов.), *гря́зно* 'пучек луку из одной посаженной луковицы' (Волоцкой, ростов.), *ру́но* 'выдернутый из земли куст гороху со стручками' (Волоцкой, ростов.), *опа́рыш* 'кочан капусты' (МДК, II, Любим. у. Яросл. губ.), *клун* 'кочан капусты' (МДК, II, д. Яковлево Тихв. у. Новгор. губ., *вило́к* 'небольшой качан, капусты' (д. Селино, 1933, и др.), *вил* 'кочан капусты' (Якушкин, яросл.), *воло́дка* 'стебель злачного растения' (Васнецов, вятск.), *князьки́* 'отборные лучшие стебли хлебов, льна' (Васнецов, вятск.), *клечь* 'стебель', *стебли́на* (Даль: волог., вятск.), *не́жель* 'зимовалая трава' (АГО, XII, 33, с. Сурово Новосил. у. Тульск. губ. 1850), *ось* 'стебель ржи' (Будде, Скопин. у. Тульск. губ.), *по́резь* (Даль, арханг.), *рези́ка* (д. Селино) 'резучая болотная трава', *перо́* (МДК, I, Онеж. у. Архан. губ.), *зеленя́* (д. Селино, 1933), *зелень* 'всходы озимой ржи или пшеницы' (МДК, II,

31 деревня Велильской вол. Дем. у. Новгор. губ., 1912), *батожо́к* 'стебель ячменя' (Подвысоцкий, арханг.), *во́лоть* 'стебель у зерновых хлебов' (Герасимов, черепов.), *житі́на* 'стебель ячменя' (Старолад. сельсовет, 1933), *быстыли́на* 'стебель' («Опыт», Переясл. у. Владим. губ.), *бронь* 'колос в овсе' («Опыт», Пермск. губ.).

4. Названия стогов, копен и снопов

Характерно, что на ряду с широким распространением слов *суслóн* и *крестéц* каждое из них обозначает совершенно различное количество снопов по разным местностям, и в этом отношении не составляет и видимости единства. Помимо вышеприведенных слов существует и масса других, обозначающих ту или иную разновидность крестца, копны. По обозначаемой ими функции предметов, эти термины чаще всего являются параллельными, по обозначаемому же материалу они разнозначимы, так как каждый крестец или копна имеют своебразие как в количестве снопов, так и в культуре растения (овес, греча и т. п.), или же в месте своего расположения. *Груди́ца* '10 снопов ярового хлеба' (Колосов, вятск.), *гру́да* '10 снопов яровых' (ПАН: № 82 — Оларовская вол. Волог. у. Волог. губ., 1897, № 167 — д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., 1898; Васнецов, вятск.), '20 снопов яровых' (Васнецов, вятск.), '12 снопов льна' (Волоцкой, ростов.), *матка* '10 снопов льна' (ПАН, № 82, Оларовская вол. Волог. у., 1897), *ба́бра* 'суслон ячмень' (ПАН, № 165, Слобод. у. Вятск. губ., 1897), *са́ки* 'несколько бабок льна' (ПАН, № 100, Муром. у. Владим. губ. 1896), *го́род* 'несколько бабок льна, поставленных в известном порядке' (Волоцкой, ростов.), *шибки́* 'копна гречи' (ПАН, № 283, с. Алешинка Трубч. у. Орл. губ., 1900), *ку́ча* '10 снопов ярового хлеба' (ПАН № 106, Каргоп. у. Олон. губ.), *кобылка* 'яровые снопы, поставленные на пашне' (Шайтанов, Кадник. у. Волог. губ.), *сви́нка* 'копна яровых снопов' (Покровский, Чухлом. у. Костром. губ.), *кладени́ца* 'копна льна' (Зеленин, вятск.), *скамья́* '20 снопов овса' (ПАН, № 100, Муром. у. Владим. губ., 1896), *кобылка* 'яровой хлеб на пашне' (Якушкин, яросл.), *поставу́ха*, *поставу́шка*, 'суслон', 'бабка', '5 снопов в поле' (Даль, нижегор.). Имеется еще ряд терминов, причем неясно, относятся ли они к копне вообще или только к копне определенной культуры (составители словарей не отметили эту особенность): *стойка* 'копна в 10 снопов' (Чернышев, Моск. у.), *копу́шка* 'небольшая копна' (Чернышев, Моск. у.) *поставо́к* (ПАН, № 44, Красносельская вол. Костром. губ.),

грýдка, свинка (ПАН, № 38, Малмыж. у. Вятской губ., 1896), *боровки́* 'крестцы' (ПАН, № 143, Цивил. у. Казан. губ., 1897), *кýча* '8 снопов' (ПАН, № 113, Екатеринб. у. Пермск. губ., 1897), *кýча* '3 снопа' (ПАН, № 231, Шувары Инсар. у. Пенз. губ., 1899), *стóйка, телéга* 'копна в 65 снопов' (ПАН, № 229, Куликовское Чембаг. у. Пенз. губ., 1899), *кочýра* 'от 14 до 20 снопов' (ПАН, № 165, Арханг. и Волог. губ., 1890—1893), *телéга* 'копна в 100 снопов' (ПАН, № 103, Малмыж. у. Вятск. губ., 1897), *шиш* '200 снопов' (там же), *кочура* (ПАН: № 197— Тотем. у. Волог. губ., 1898, № 192 — с. Мольское Тотем. у. Волог. губ., 1898), *петушóк* 'копна менее 5 снопов' (ПАН, № 194, Ярен. у. Волог. губ., 1898), *зародыш* '3 снопа', 'основа для суслона' (Герасимов, черепов.), *шестóк* '6 снопов' (ПАН, № 84[а], Осташ. у. Тверск. губ., 1897), *семери́к* '7 снопов' (ПАН, Тимошкинской вол., Белоз. у. Новгор. губ., 1898), *девятéрка* '9 снопов' (ПАН, № 167, д. Ольховицы Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *десятери́к* '10 снопов' (ПАН, № 106, Каргоп. у., Олон. губ., 1897). Все эти термины обозначают копны, находящиеся на пашне. Свезенный с поля и сложенный на гумно в сараях и т. д. хлеб имеет уже другие названия: *шаром, шором*, 'скирд ярового хлеба', также 'стог сена' (Наумов, пермск.; ПАН, № 136, Соликам. у. Пермск. губ., 1897), 'копна или кладушка гороха в китинах' (Даль: пермск., сибир.), *рыса* 'овин' (Мотовилов, симб.), *кладýшка* (д. Селино, 1933; Чернышев, Моск. у.; Белорусов, Тотем. у., Волог. губ. АГО, XL II, 16, с. Паньково Новосил. у. Тульск. губ.), *кладýха* (МДК, II, д. Пахомовская Вятск. у. Вятск. губ., 1914; ПАН, № 42, Орл. у. Вятск. губ., 1896; Васнецов, вятск.), *одéнье* 'остатки от овина, также нижняя часть зарода' (ПАН: № 46 — Котельн. у. Вятск. губ., № 181 — с. Кизеловский завод Соликам. у. Пермск. губ., 1898), *одéнок* 'остаток от скирды хлеба или стога сена' (ПАН, № 38, Малмыж. у. Вятск. губ., 1896; Волоцкой, ростов.), *одóнок* 'одонье' (ПАН, № 236, с. Меньшиково Дмитров. у. Курск. губ.), *одóнье, адóнья* 'скирд немолоченного хлеба' (д. Селино, 1933, Старолад. сельсовет, 1933; Чернышев, Моск. у.; Волоцкой, ростов., и др.), *поденок* 'початая адонья' (Даль, пенз.), *кладево*, 'скирд' (ПАН, № 35, Котельн. у. Вятск. губ.), *скирд* — в настоящее время распространено повсеместно, *свинья* 'круглый скирд' (ПАН, № 202, Папуловская вол. Устюж. у. Волог. губ., 1898), *варахоýша, помолотки* 'последний скирд хлеба при молотьбе' (Герасимов и Кедров, Новгор. губ.; Герасимов, Черепов. у.). Соответственно тем или иным особенностям снопов имеется и для их обозначения множество тер-

минов: *песчинка* 'сноп льна' Наумов, пермск.), *головок* («Опыт», Осташ. у. Тверск. губ.), *горсть* (Волоцкой, ростов.), *бабка* 'сноп льна' (ПАН: № 84 — Корч. у. Тверск. губ., 1900; № 167 — д. Ольховица Кирил. у. Новгор. губ., 1898; Чернышев, Моск. у.; Смирнов, Кашин.), *кирбь* (ПАН, № 66, Кинеш. у. Костром. губ., 1897) 'сноп льна', *вязанка* 'сноп лежалого льна', *опу́ток* 'маленький снопок взятый для пробы' (Зеленин, вятск.), *катышка* 'снопок пеньки' (Будде, тульск.), *бабу́рка* 'овсяный или житный сноп' (ПАН, № 33, Остров. у. Псков. губ., 1896), *стоитня* 'сноп ржи' (Кузнецов, сомрин.). Это — различение снопов по той или иной культуре. Различные названия по их положению: и величине *куба́ч* 'большой сноп из обмолоченной соломы' (Старолад. сельсовет, 1933; Соколов, новгор.),*тука́ч* 'то же, что и кубач' (Соколов, новгор.), *крышка* (Старолад. сельсовет) *ба́бка* («Опыт», Шенк. у. Арханг. губ.), *голова́* (д. Селино, 1933), *клубу́к* (Иванницкий, сольвыч.) *шля́па* (Якушкин, яросл.) 'верхний сноп в крестце, суслоне'.

Имеются различные обозначения для верхней и нижней части снопа: *бред* 'нижняя часть снопа' («Опыт», Новолад. у. Петерб. губ.), *волоть* 'колосья снопа', *грузо́*, *гузно́*, *гуз* 'нижняя часть снопа без колосьев' (д. Селино, 1934; МДК, II, Смол. губ.; «Опыт», Ковровс. у. Владим. губ., и др.), *во́лоть*, *комлие* (д. Извоз Старолад. сельсовет, 1933), то же и в отношении вязок снопа: *перевёсло́*, *перевёсла* (в д. Селино, 1934), *по́яси* (Дурново, д. Парфенки, Руз. у. Моск. губ.), *гузо́* 'вязка' (МДК, I, д. Утриково Мосал. у. Калуж. губ.), *вязка*, *связка* (Старолад. сельсовет, 1933) и др.

Названия обмолоченного хлеба, соломы: *омёт*, *амёт* 'стог соломы, распространено повсеместно', *кобы́ла* (ПАН, № 58, Кологр. у. Костромской губ., 1896), *мету́га* 'солома' (МДК, II, Арханг. у. и губ.), *опроме́тина* (ПАН, № 164, Огибаловское Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *угу́да* (ПАН, № 197, Тотем. у. Волог. губ., 1898), *сторона́* 'омет в сарае' (с. Иванов Бор) и др.

Снопы или солома, положенные в сарае, обычно теряют это множество обозначений и называются по той или иной культуре: *овсяная солома*, *ржаная солома*, *рожь*, *пшеница* и т. д.

Названия продуктов обмолота: *во́треть* 'оставшийся после молотьбы колос' («Опыт», Нижегор.), *вотрец* 'обитые колосья', 'шелуха' («Опыт», Осташк. у. Тверск. губ.), *охво́стье*, *охво́сье* 'шелуха и пустые колосья, остающиеся после веяния ржи или пшеницы' (Волоцкой ростов.; Васнецов: вятск.; МДК, I, д. Андреевка Малоарх. у. Орл. губ.; Грандлиев-

ский, Холмогор. у. Арханг. губ.,; МДК, II, д. Семково Белоз. у. Новгородской губ., 1926; д. Селино, 1933), *полова*, *пелева*, *пела*, 'солома', 'мякина', 'пыль и сор, остающиеся после веяния' и пр. распространено повсеместно, *хаботья*, *ухоботь*, *хоботь* 'всякая мелочь и остатки после веяния хлебов', образовалось аналогично *охвостье* (древнерусский *хобот* 'хвост') (д. Селино, 1933; МДК, II, д. Семково Белоз. у. Новгор. губ., 1926; Смирнов, Кашин. у. Тверск. губ.), *подрон* 'сорный хлеб, подбираемый с земли' (Даль), *вспашина* 'остаток после веяния ржи, состоящий из колосьев, соломы' и т. д. («Опыт», псков.) *пыж* 'легкое зерно гречихи' (Якушкин, яросл.). *колоколина* 'мякина от льна' (Якушкин, яросл.), *румега* 'мякина', 'хоботья' (Даль, олон., корельск.), *митюк* 'мякина для подстилки скоту' (АГО, № I, 49, с. Никольская Пустынь Шенк. у. Арханг. губ., 1854), *падимой* 'хлеб, изобильно получаемый при обмолоте' (Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.), *износ* 'колосья и мелкие частички соломы, сметаемые с вороха ржи' (Васнецов, вятск.), *удное зерно* 'полное, крупное зерно' (Даль, олон.), *жива* 'ржаная мякина' (Даль: волог., пермо.), *шаройка* 'гречишная мякина' (Даль: орл., ворон.), *головица* 'шелуха, остающаяся после веяния льна' (Волоцкой, ростов.), *сметки* 'мелкие зерна веянии хлеба' (Сахаров, орл.) и др.

Обозначение стогов и возов сена: *копна* 'стог сена на лугах' (южновеликорусск.), *ляшина*, *шальга* (Волоцкой ростов.) 'стог сена' *кабан* 'стог сена круглой формы' (Колосов, вятск.), *боровок* (МДК, I, № 72, Мосал. у. Калужск. губ.), *омет* (ПАН, № 40, Самар. у., 1896), *зарод* 'стог сена', *круглыш* 'стог сена круглой формы' (ПАН, № 35, Котельн. у. Вятск. губ.), *премёжок* (ПАН: № 63—Орл. у. Вятск. губ., 1897, № 141—Слобод. у. Вятск. губ., 1897), *промёжок* (МДК, II, д. Пахомовское Вятск. у. и губ., 1914; Васнецов, вятск.; ПАН, № 198, Тотем. у. Волог. губ., 1898), 'стог сена', *промёжок* 'стог сена, мерою в сажень' (Подвысоцкий, арханг.), *опромёта* 'часть зарода' (ПАН, № 152, Кирил. у. Новгор. губ., 1897), *облитники* 'огромные зароды' (Иванницкий, Сольвыч. у.), *пройма* 'длинная куча сена' (ПАН: № 198 — Тотем. у. Волог. губ., 1898, № 155 — Арханг. и Волог. губ., 1890—1893), *задорога* 'стог сена у стены' (там же), *скирда* 'большой стог сена, местами мерный в 50—100 возов' (Даль), *острамок* 'маленький воз сена' *повобек* 'то же, что и острамок' (Даль, владим.), *колышка* 'острамок' (Васнецов, вятск.), *набирка* 'большая охапка сена' (Смирнов, Кашин. у.), *стог* — распространено повсеместно, *кучка* 'бесформенная куча сена'—распространено повсеместно.

5. Названия домашних животных

И в этой группе терминов наблюдается то же явление, что и в остальных — наибольшая терминологическая разрозненность в обозначении мелких домашних животных, возраста скота и т. п.: *осóс, осóсок* 'небольшой поросенок' (Волоцкой, ростов.; АГО, XLII, 33, с. Сурово Новосил. у., Тульск. губ., 1850; XLII, 36 с. Монастырское Епифан. у. Тульск. губ., д. Селино, 1933; Белорусов, Тотем, у. Волог. губ.), *сосýн* 'жеребенок' (Никольское Жиздр. у. Калужск. губ., д. Селино, 1933; Чернышев, Моск. у.; Якушкин, яросл. и др.), *стригýн, стригáч, страгýн* 'лошадь по второму году' (д. Селино, 1933; Старолад. сельсовет, 1933; МДК, I, с. Морозовы Борки, Сапожк. у. Рязан. губ.; Якушкин, яросл.; МДК, I: с. Чубарово и др. Боров. у. Калужск. губ., с. Аннино Венев. у. Тульск. губ.), *лончáк* 'то же, что и стригун' (МДК, I: с. Морозовы Борки Сапожк. у. Рязан. губ., с. Малый Студенец Шацк. у. Тамб. губ. и др.), *доган* 'стригун' (Даль, астрах.), *излеток* 'скотина, вышедшая из лет' (Даль), *поводник* 'годовалый бычок', *колосовица* 'корова одного года' (Волоцкой, ростов.), *лощáк* 'годовалый бычек' (МДК, I, с. Чубарово Боров. у. Калужск. губ.), *баранчýк* 'жеребенок, таскающий борону' (МДК, с. Атемар Саран. у. Пенз. губ.), *борóнка* 'лошадь по 3-му году', *лошáга* 'двухлетняя лошадь' (Иеропольский, д. Савкино), *годовúк* 'годовалое животное', *лéтник* 'домашнее животное, появившееся на свет прошлым летом', *слеток* 'однолетний теленок', «возраст овцы периодически таков: родившиеся — *масыка*, подрастающие — *ягушки*, далее — *ярки*, затем — *яловица*» (Васнецов, вятск.), *мякинник* 'двухгодовалый теленок', *первак* 'корова, отелившаяся первый раз', *перехóдница* 'нетельная корова', *телка первая солома, телка вторая солома*, 'телка, оставленная на первую, на вторую зиму' (Якушкин, яросл.), *лошáк* 'двухлетний бык' (МДК, I, № 27, с. Бышковичи Мещов. у. Калуж. губ.). *Дурýшка* 'индейка' (МДК, I, Тамб. губ.), *бах* 'кляча', *дóчка* 'свинья', *шора, шоруха* 'индейка', *балка* 'овечка', *матуха* 'корова' (Курптев, Слобод. у. Вятск. губ. и в других местностях), *вачужки* 'овцы' (Будде, Скопин. у. Тульск. губ.), *хруя* 'кляча' (Якушкин, яросл.), *сима* 'бык' (Томилов, Арханг. у. и губ.), *клуша* 'наседка' (Смирнов, кашин.), *глазýнья* 'овца' (Шейн, Касим. у. Рязан. губ.), *понýра* 'свинья' (Наумов), *казак* 'боров' (Даль) и др.

Как видно из вышеприведенных материалов, на ряду с множественностью названий в обозначении мелкого скота, возраста животных, их состояния и т. д. имеется терминологический разнобой и в названиях

крупных животных (*матуха* 'корова', *дочка* 'свинья' и т. д.), но эти названия в подавляющем своем большинстве осознаются как клички, позывные имена, на ряду с употреблением широко распространенных общелитературных названий, в силу чего они не нарушают общей картины.

Несмотря на наличие в приведенном здесь материале слов, имеющих широкое распространение (привлеченных в настоящей главе для более полной иллюстрации словарного разнобоя), основная масса примеров все же принадлежит группе чисто местных терминов, употребляющихся на более или менее ограниченной территории. Выше неоднократно упоминалось, что наибольшая терминологическая раздробленность наблюдается в названиях побочных местных предметов и явлений, не имеющих особой социальной и экономической ценности широких межтерриториальных общественных связей. Существование данного явления можно объяснить именно этой причиной. Материалы настоящей главы с большой наглядностью подтверждают данное положение: наибольшее количество местных терминов относится к обозначению не самих предметов, а их различных свойств, признаков, и т. д., т. е. явлений, обладающих большей индивидуальностью, также к обозначению предметов, экономически второстепенных.[1] Основные сельскохозяйственные орудия имеют широко распространенные названия (*плуг, соха* и пр.), части же их, также особые виды, в различных местностях называются по-разному, в чем имеют полную аналогию с мелкими сельскохозяйственными орудиями и инвентарем (жерди, палки, носилки и др.), причем одна и та же вещь как по материалу, так и по своей производственной функции в различных местностях называется по особым признакам (ср. *вислякú и вéтренницы* 'жерди для копен, чтобы их не раздувал ветер'; первое слово образовано по признаку 'висеть', второе — по 'действию ветра', назначение же обозначаемой ими вещи как в первом, так и во втором случае буквально одно и то же). То же наблюдаем и в терминах-глаголах, обозначающих производственные процессы (*пахать* вообще имеет широкое распространение, а какое-либо частное действие обозначается термином, употребляющимся на узко ограниченной территории) и в названиях растений (ср., например, *рожь* и обозначение в различных местностях ботвы), и во всех других отраслях сельскохозяйственной лексики. Чем дальше в глубь истории, тем более возрастает удельный вес предме-

[1] Ср.: Behaghel, «Unsere deutschen Mundarten gehen in einem Teil ihres Wortbestandes sehr stark auseinander in einem andern stimmen sie überein. Und zwar: je sinnlicher, je greifbarer die Anschauungen, desto grösser die Verschiedenheiten; je verblasster die Vorstellung, um so weiter reicht die Gleicheit», Schriftsprache und Mundart, Giessen, 1896, стр. 10.

тов, их свойств и явлений, чисто местного порядка, не входящих в широкие межтерриториальные отношения, что вытекает из всего хода исторического развития. «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению».[1] «Однородность хозяйственных единиц» порождала и еще больший параллелизм в названии предметов, также тесно связанное с этим повышение удельного веса синонимов,[2] большего чем в современных говорах, следовательно, значительную местную раздробленность по линии сельскохозяйственной лексики. Синонимичность словаря повышается потому, что при наличии множества параллельных терминов создаются чрезвычайно благоприятные условия массового проникновения этих терминов из одного говора в другой, где они одно время существуют в адэкватном значении, затем или получают специализированную семантику, или полностью вытесняют местный термин. Тем самым синонимичность как бы дополняет параллелизм обозначений (разница между этими явлениями в том, что синонимы употребляются в одном и том же говоре, параллельные же названия — в различных говорах) и является другой стороной местной раздробленности сельскохозяйственной лексики.

Абстрактно развивая выдвигаемое здесь положение, можно было бы прийти к выводу: поскольку местные термины имели больший удельный вес в предшествующие эпохи, то, стало быть, в современных говорах они наличествуют как вклад ранних стадий развития русского языка, следовательно, и по своей семантической структуре представляют собой древние образования. Но в действительности мы наблюдаем другую картину: весьма значительная (если не преобладающая) часть местных терминов

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России, М.—Л., 1931, стр. 15.

[2] Факт большей синонимичности языков предшествующей эпохи уже отмечался. Ср. O. Yespersen: «In der altgermanischen Poesie finden wir eine erstaunliche Fülle von Ausdrücken, die in unseren Wörterbüchern mit Meer, Schlacht, Schwert, Held und ähnlichen wiedergegeben erscheinen: diese können gewiss als Überbleibsel eines früheren Zustandes betrachtet werden, wo jedes dieser Wörter seine besondere Bedeutungsschattierung hatte; letztere ist in der Folge verloren gegangen und nun ist es unmöglich, sie mit Bestimmtheit festzusetzen. Der Wortvorrat in grauer Vergangenheit war unzweifelhaft auf ähnlichen Grundsätzen aufgebaut wie denen, die heute noch bewahrt sind in einer Wortgruppe wie horse, mare, stallion, foal, colt, Pferd, Mähre, Stute, Hengst Füllen anstatt männliches Pferd, weibliches Pferd, junges Pferd u. s. w. Diese Art von Gruppierung ist in nur wenigen Fällen am Leben geblieben, wo sich ein lebhaftes Interesse für die betreffenden Gegenstände oder Tiere bemerkbar machte». Die Sprache, стр. 421.

имеет очень «свежую» «внутреннюю форму», не позволяющую сомневаться в сравнительно позднем происхождении данных слов. Создается видимость противоречия: с одной стороны, утверждается, что местные термины возрастают в своем удельном весе в более раннюю эпоху русских говоров, с другой стороны, эти же термины являются наиболее молодым по своему происхождению слоем сельскохозяйственной лексики. Но данное противоречие лишь кажущееся. Местные слова, обозначающие второстепенные частные предметы и явления, наименее устойчивы в терминологическом отношении. Происходит процесс их постоянной смены и обновления, поскольку обозначаемые ими предметы и явления не находятся на арене широких социальных отношений и, оставаясь как бы в тени, не могут закрепить за собою какого-либо названия на долгое время. Верхний в крестце или суслоне сноп с успехом может быть назван и *шляпой*, и *головой*, и *клубуком* и т. п., тогда как пшеница имеет стабильное обозначение. Стоит только, скажем, измениться составу населения деревни, как сноп вместо термина *шляпа* получит название *покрышка*. Этот факт наблюдался мною в д. Михалково Тульского р-на в 1934 г. Смена названий происходит и без изменения состава населения, при нарастании новых условий.[1]

Поэтому нас не должно смущать относительно недавнее происхождение местных терминов данного типа. Затем, должна быть уточнена сама относительная недавность их происхождения. Терминотворчество, по новому «технологическому» способу словообразования (подразумевается под ним в данном случае не переосмысление старых слов вообще, а создание новых, с изменением морфологии используемых старых терминов), наличествовало в феодальную эпоху в очень широких размерах, что можно легко проследить по лексике древне-русских памятников. Волна вновь создавае-

---

1 Конечно, данное положение не относится исключительно ко всем местным предметам и их названиям в современных говорах. Можно указать на ряд второстепенных предметов и явлений, удерживающих старые названия, скажем, в обозначении участков земли: *кулúга*, *кол*, *óбжа*, *леха* и пр., сохранившихся до настоящего времени. Но все эти предметы являются второстепенными только для нашей эпохи, а когда-то они имели первостепенное значение, поскольку выражали собою общину и ряд других важных предметов, иначе говоря, термины, их обозначавшие, включали в себе другое, более широкое значение В настоящее время, став второстепенными, хотя они и сохранили свои старые названия, но на ряду с этим имеют по говорам множество параллельных обозначений, также слов-синонимов, т. е. в конце концов не выходят из общего правила. Кроме того, удельный вес вновь созданных терминов в обозначении второстепенных предметов и явлений значительно выше, чем в обозначении основных (исключая словотворчество последних десятилетий, именно, такие термины как *веялка*, *сеялка* и пр., поскольку сами эти предметы лишь недавно стали применяться в сельском хозяйстве). Следовательно, о неустойчивости местной терминологии, resp., обозначений второстепенных предметов и явлений как об определенной языковой закономерности, можно говорить с уверенностью.

мых терминов, в связи с определенными условиями, захватывала в письменном языке феодального времени обозначения и таких предметов, которые в живых говорах и современном литературном языке обозначаются старыми словами. Скажем, др.-русск. *рукоять*, *руковать* 'сноп' по технике своего образования (конечно, и по своему происхождению) более позднее слово, чем употребляющийся в современном языке термин *сноп*. В живых говорах древне-русского языка эта волна была, конечно, несравненно у́же, чем в современных. Но так или иначе значительный слой терминов данного типа, употребляющихся в настоящее время, восходит к феодальному времени, если не к более ранней эпохе, следовательно, можно говорить лишь об относительно (по сравнению с терминами другого типа) недавнем происхождении этого типа слов. Терминологический разнобой, представленный местными словами с ясной «внутренней формой», как явление, не может быть назван продуктом последних столетий. Будущие исследования истории местных слов конкретно покажут, какие именно термины совсем недавние, какие сохранились от предыдущих эпох.[1]

На ряду с терминами данного типа в группу местных слов входят и другие, «внутренняя форма» которых утеряна, которые по своему происхождению являются словами древнего «до-технологического» образования. Чем дальше в глубь истории, тем больше возрастает их удельный вес. В эту группу терминов входят и общераспространенные слова соответствующего типа. Как должна выглядеть местная раздробленность терминов подобного образования? Она сильно отличается от раздробленности местных слов, «внутренняя форма» которых легко объясняется. Раздробленность последних идет по линии специализированной семантики, тогда как в общем, отвлеченном значении эти слова широко распространены и общепонятны (*перва́к* 'корова, отелившаяся первый раз'; в этом специализированном значении для подавляющего большинства говорящих на русском языке термин не известен и не может быть понят без соответствующего контекста или пояснения, но, кроме специализированной семантики, данное слово имеет значение, общее для всех говоров и диалектов, поскольку оно образовалось от термина *пе́рвый*; то же можно сказать о всех терминах подобного типа: *стригу́н*, *стрига́ч* 'двухлетняя лошадь' от *стричь*, *годовик* 'годовалое животное' от слова *год*; *стойка*

[1] Речь здесь идет, конечно, об обозначениях предметов и явлений, существовавших и в феодальное время. Постоянное повышение удельного веса терминов нового образования в очень значительной степени идет за счет обозначения вновь появляющихся в сельском хозяйстве предметов и явлений (на ряду с переосмыслением старых предметов и соответствующей сменой названий).

(копна в 10 снопов) — от глагола *стоять* и т. д.). Исключение составляют слова, образовавшиеся от чисто местных глаголов, но в таком случае они входят, вместе с этими глаголами, в группу слов древнего образования (не по своему типу, а по морфологической основе, если здесь мы не имеем заимствования или какого-нибудь уродливого, индивидуального словообразования или арготизма). Расхождения же терминов, «внутренняя форма» которых не осознается в современных говорах, также терминов, сохранивших пережитки древнеобщинного строя, являются полными как в общем, так и специализированном смысле. В этой части словарные различия между говорами носят характер межъязыковых различий, если не принимать во внимание их морфологической общности.[1] Чем дальше в глубь истории, тем больше вырастает, как уже отмечалось выше, удельный вес терминов древней типологии, тем больше и диалектическая раздробленность русского языка, в конце концов перерастающая в межъязыковые различия, так как «однородность хозяйственных единиц» натурального хозяйства создавала очень большой терминологический параллелизм в сельскохозяйственной лексике (и не только сельскохозяйственной). Современные говоры для обозначения общины, соответственно участков земли, сельскохозяйственных орудий и т. д., выражающихся одним термином, сохранили нам десятки названий, которые нельзя относить к заимствованиям из других языков или позднейшим образованиям. Число их было, конечно, значительно больше. Как можно объяснить это явление, если стоять на точке зрения «праязыка»? Предположить, как это пытаются делать некоторые исследователи, что в «праязыке» («прарусском», «праславянском», или «праиндоевропейском» языке, что безразлично) было для обозначения каждой вещи множество синонимов, множество оттенков, значений, которые сейчас или утеряны или частично сохранились в живых говорах, resp., языках? Совершенно очевидно, что такое предположение ни в какой мере не соответствует действительности. Существование оттенков значений параллельных терминов в предшествующие эпохи доказать невозможно, так как их и не было: с л о в а, о б о з н а ч а в ш и е о б щ и н у, е щ е р а н е е к о л-

---

[1] Не беремся здесь трактовать об этой морфологической общности, поскольку такая проблема не является предметом настоящего исследования, но современные говоры сохраняют и весьма значительный морфологический разнобой. Исследования этого разнобоя показали бы, что чем дальше в глубь истории, тем больше он увеличивается, также в конце концов переходя в межъязыковые морфологические различия. Само собою разумеется, что решение данной проблемы потребует широкого привлечения материалов других языков, в особенности же не-индоевропейской системы, также большого исторического материала, и т. п. Новое учение о языке в общих чертах уже наметило пути и в этой области.

лектив, в начальные стадии своего развития были семантически однородны и являлись в первую очередь именно названиями общин. Какие семантические оттенки могли выражать в мифическом «праязыке» такие термины, как *дере́вня*, *село́*, *вытъ*, *кол* и т. д., или *крестьянин*, *ниварь*, *па́харь*, *ра́тай* и др., первоначально лишь 'член коллектива', насчитывающиеся десятками в обозначении одного и того же предмета? Если же свести все обозначения одного какого-либо предмета, существующие во всех, скажем, славянских языках и диалектах (обозначения не распространенные, а частные), тем более в языках индоевропейской системы, то получится такая уйма синонимов, что перед нею приобретшие широкую известность обозначения лошади в арабском языке покажутся чрезвычайно бедными и малочисленными. «Праязык», по своему словарному составу, окажется богатым складом, огромным скоплением значений, по сравнению с которым современные языки — бедные родственники, пользующиеся этим складом по сие время. Ясно, что такое предположение противоречит историческому развитию языков. Параллелизм обозначений по говорам имеет совершенно другое происхождение; он идет от первоначальной словарной раздробленности, а не от какого-то первоначального единства. В известных своих слоях параллельные обозначения древнего типа сходятся с лексическими слоями других языков, главным образом славянских (результат позднейшего схождения), также и языков не-индоевропейских систем. Еще в 1925 г. Н. Я. Марр писал: «каждый язык, в том числе и русский, должен быть изучаем в своем палеонтологическом разрезе, т. е. в перспективе отлагавшихся в нем последовательно друг за другом слоев, независимо от тех прослоек, которые являются результатом более тесного в позднейшие исторические эпохи межплеменного хозяйственного общения с новыми, как и русский, языками, также трансформациями яфетических языков, причем эти языки-трансформации, при полном их учете, оказываются такими же независимо сложившимися в своих особенностях языками, как и русский, и все эти языки во взаимоотношениях проявляют пережитки закономерных связей, характеризовавших те языки предшествовавшей формации, из которых, точно из коконов бабочки, они вылупились».[1] В этой формулировке имеется кое-что, что новое учение впоследствии сняло, но мысль дается правильная. Значительно позже по этой же линии Н. Я. Марр писал: «И на различных стадиях вскрылись различные реальные взаимоотношения языков, вкорне

[1] Избранные работы, т. I, стр. 218.

переворачивающие не только историю народов, но и сами представления наши о родстве языков и народов. Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому, или грузинский к любому языку Кавказа, считавшемуся языком одной группы с грузинскими, например мегрельскому или лазскому, именуемому и чанским».[1] Какое значение для этой проблемы имеет работа по истории говоров, их реконструкции в том виде, в каком они были на различных ступенях своего развития? Выше было указано, что ни в какой мере нельзя отожествлять говоры с древними племенными языками. Но история говоров вплотную подводит к периоду трансформации племенных языков в русский язык (длившемуся, конечно, многие столетия); раздробленность говоров является продолжением (разумеется, уже в новом качестве) еще большей раздробленности, первоначально межъязыковых различий, языков родового общества. Решение генетических вопросов не может быть поставлено на твердую почву, если не будет вестись тщательная разработка материалов позднейшего времени. В этом пункте проблематика первого раздела настоящего исследования неразрывно связана с проблемами второго раздела.

Морфологические особенности сельскохозяйственной лексики [2]

Диалектальная разрозненность сельскохозяйственной терминологии не ограничивается лишь собственно словарною частью. Значительная разрозненность наблюдается в морфологическом оформлении терминов, возвысившихся уже до широкого распространения, также и местных, причем прощупывается интересное явление: тот или иной суффикс имеет в различных местностях или большее или меньшее употребление. Так, в Староладожском сельсовете широко распространен суффикс «ин»[3] и «ица», в д. Селино больше, чем в некоторых других местностях, употребляются «ушк», и «ец». Приведем примеры по Староладожскому сельсовету: *болотина* 'болотное сено' («На́д за́втръ *боло́т'ину* своз'и́т'», д. Позем, С. Вор.), *жи́тина* 'былка ячменя' («Эк'и *жы́т'ины* вы́дул'и», д. Позем, А. Марк.), *скоти́нина*, *хворости́нина* 'хворости́на', *маши́нина* («Хо^{а}ро́шъица̊ машы-

[1] Маркс и проблемы языка, Изв. ГАИМК, вып. 82, 1934, стр. 15.

[2] Настоящая глава лишь иллюстрирует некоторый морфологический разнобой по говорам. Автор не ставил своею целью дать анализ распространения морфологических особенностей по различным местностям, поскольку для выполнения этой задачи он не располагает достаточным материалом.

[3] Как показатель единичности, также и в других функциях.

н'инъ д'е́н'г'и сто́ит», д. Позем, Конопл. от.), *целинина* 'целина', 'огрех', *лошадина*, *кричина* 'деталь в изгороди', *вичина* 'лоза', 'прут', *суслонина* 'суслон', *снопина* 'сноп', *токовина* (на ряду с *токовня*) 'ток', *подпружина* 'подпруга', *меженина* 'межа', *ледина* 'сухой островок среди болота', *прокосина* 'ряд', 'прокос', *лобанина* 'качан капусты', *погодина* 'погода', *рыбина* 'рыба' и т. д. Понятно, на ряду с оформлением через суффикс «ин» многие из этих терминов употребляются и в обычном их морфологическом оформлении, но жители Старой Ладоги и окрестных деревень с большей охотой употребляют слова с «ин», по сравнению, скажем, с жителями д. Селино, где вовсе не наблюдались новообразования с данным суффиксом.

Об употреблении суффикса «ин» в северо-западных говорах в тех случаях, когда он в других говорах и в литературном языке не употребляется, говорят и другие материалы. Словарь русского языка приводит: *журави́нина* 'ягодка клюквы', *жерди́нина* 'жердь', *ели́нина* 'ель', (псков. и осташ.), *животи́нина* (псков., осташ., вытегор.), *жи́тина* 'былка жита', *жи́щина* 'красная шерстяная нитка', *живе́вина* 'ячмень на глазу' (псков.), *жи́чина* 'шерстяная нитка' (петергоф., новгор.), 'ячмень на глазу' (псков., осташ.), *корчеви́нина* 'один выкорчеванный пень', *земляни́чина* 'ягодка земляники' (псков., осташ.) и т. п. То же показывают и ответы на ПАН: *пуди́на* 'пуд', *дружи́на* 'друг' (белоз. и др. в значении единичности).

В Староладожском сельсовете также сравнительно больше употребляют «иц», где зачастую заменяют через «иц» суффикс «ик» в словах женского рода: *груби́ца* 'канава для стока весенней воды', *глы́зица* (на ряду с *глыза*) 'ком земли', *черни́ца* 'черника', *брусни́ца* 'брусника', *кумани́ца* 'род диких ягод', 'куманика', *повилица* 'повилика', *ежеви́ца* 'ежевика', даже *малиница* 'малина' («пойти *малиницы* собрать», д. Извоз, А. Коз.), затем *поле́ница* 'штабель пиленых дров', *жа́льщица* 'жнея', *до́йщица* 'доярка' и др. В д. Селино относительно широкое распространение имеют «ец» в словах мужского рода и «ушк» в словах женского рода (средний род отсутствует полностью): *косе́ц* 'косарь' (тверск. *коса́к*, Наумов; то же в Старолад. сельсовете), *севе́ц* 'сеятель', *зубе́ц*, *зубцы́* 'зуб', 'зубья', *клеве́ц*, *клевцы́* 'зуб', 'зубья', *снопе́ц* 'снопик', *жнец*, *свете́ц*, 'светильник для лучины' и т. д., *плету́шка* 'ивовая корзина', *шеверьню́шка*, 'ивовый глубокий кузов для саней или телеги', *куру́шка* 'наседка', *стуку́шка* 'доска, в которую бьет ночной сторож', *зе́рнушка*, *солнушка* и др. (Ср. Старолад. *кормовня́* вместо *корму́шка*, *плетени́ца* вместо *плету́шка*). Приведем несколько примеров морфологического разнобоя по другим говорам: *рядо́вка* 'рядовая сеялка', *сорто́вка* 'сортировка' (здесь и семантиче-

ское отклонение: смешение сортового зерна с сортированным), *грохо́тка* 'грохот' (МДК, I № 28, Никол. у. Самар. губ., 1912), *жатьё, пожи́нка* 'конец жатвы', *зажи́нка* 'начало жатвы', (МДК, № 9, Новотор. у. Тверск. губ., 1912), *жни́тва* (Тульск. р-н, 1933), *сыпажи́нки* 'время окончания жатвы', культово среди части отсталого населения 'пост, устанавливаемый после жатвы' (д. Селино, 1933) *выжи́нки* 'конец жатвы', (ПАН, № 163, с. Кленовское Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *жнива* (ПАН, № 162, с. Ферапонтовское Кирил. у. Новгор. губ., 1898), *жни́во* (ПАН, № 218, д. Леушино Стариц. у. Тверск. губ., 1899), *жнитье* (Васнецов, вятск.), 'жатва', *отжин* 'конец жатвы' (Грандлиевский, Холмогор. у. Арханг. губ.). Можно было бы привести множество примеров, показывающих разнобой в морфологическом оформлении сельскохозяйственных терминов по различным местностям. В этом морфологическом оформлении термины в определенных местностях устойчивы, в особенности же местные различия с неохотой изменяются отсталыми слоями населения. Весьма распространено по говорам также различие в ударении; *поло́ва* (ПАН, № 174, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ., 1898), *полова́* (д. Селино), *ры́жик* (д. Селино), *рыжи́к* (Сахаров, Болх. у. Орл. губ.) 'высевки из льняного семени', 'семена сорной травы', *огре́хи* (литературн.), *о́грехи* (Соловьев, Новгор. у. и губ.), *за́вертки* (д. Селино), *заве́ртки* (Старолад. сельсовет) 'веревки для прикрепления оглобли к саням' и мн. др. Не в меньшей мере наличествуют колебания в грамматическом роде: *скирд, скирда* (ж. р.), *стог, стогн, стогна* (ж. р.), *сенокос, сенокоса* (ж. р.), *просо, проса* (ж. р.) (Обнорский, вып. I, стр. 36, 38), *плуг. плуга* (ж. р.) (д. Селино; ПАН, № 174, с. Куркино Ефрем. у. Тульск. губ., 1898 и др.) и т. д. Морфологическая разрозненность значительно усиливает собственно словарную разрозненность и заслуживает в этом плане внимательного изучения.

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ КОЛХОЗОВ

Каких-либо исследований, даже простой фиксации терминотворческих процессов, происходящих в современной деревне (не говоря уже о такой специальной отрасли словаря, как сельскохозяйственные термины), не имеется.[1] Автор строит свои выводы исключительно на личных наблюдениях.

Общая характеристика обследованных пунктов

1. Деревня Селино Дубенского района Московской области. *Дер. Селино* расположена в 35 км от г. Тулы (на юго-западо-запад) на берегу р. Упы, в 6 км от ст. Кураково Тула-Лихвинской железнодорожной ветки и на таком же расстоянии от ст. Бредихино той же ветки. В д. Селино имеется около 100 крестьянских хозяйств и около 600 человек населения.

Деревня до самой коллективизации (в разговоре крестьян) делилась на «Оброшыну» и «Баршыну» (бывшие оброчные казенные крестьяне и бывшие крепостные); в первой — 60 крестьянских хозяйств, во второй — около 40. По количеству населения Селино — средний населенный пункт для данной местности. Плотность населения довольно значительная: на одного едока приходится около 0.75 га пахотной земли. До революции здесь жили мелкие помещики Горсткины, владевшие, примерно, $^1/_6$ частью селинской земли. Состав населения постоянный, в языковом и этнографическом отношении однородный (речь идет о местных особенностях). В деревне имел и имеет очень большое значение побочный заработок. Старшая часть

---

[1] Правда, в ряде местных краеведческих изданий появились словарики революционной эпохи, но в очень небольшом количестве, без разъяснений. Кое-какой материал проникает и в газеты. Пока что это нами не суммировано. За последние годы исследование лексики современной деревни начато, в частности, сотрудниками диалектографической комиссии Института языка и мышления Академии Наук СССР, которые ведут работу по сбору материала и анализу общественно-политического словаря колхозов, языка сельских рыбаков и т. д., но результаты этой работы в печати пока не появились. Под самым процессом терминотворчества я понимаю не только создание новых местных слов, но и исчезновение старых, также активное освоение и переосмысление литературных терминов, перестройку семантической структуры лексики.

мужского населения (в возрасте от 45 до 65 лет) почти поголовно состоит из каменщиков, в прошлом работавших, главным образом, в больших городах. В настоящее время эта часть, благодаря своему возрасту, остается дома и (вместе с женщинами и подростками) составляет рабочий костяк в колхозной работе. Подавляющее большинство мужчин работает, служит и учится в городах, главным образом в Туле (на различных предприятиях, напр. на косогорском чугуннолитейном заводе и пр.). Из числа крестьян вышли люди, получившие высшее и среднее образование (1 научный работник, 2 получили высшее образование и более 20 — среднее, половина молодежи учится в средних и высших школах в настоящее время), неграмотных моложе 45 лет не имеется. Лишь небольшая часть ушедших в город порвала связи с деревней, большинство же приезжает в нее не реже одного раза в год. Как в отношении побочного заработка, так и в отношении образования д. Селино является типичной для всей местности (Дубенский и Тульский р-ны). Несмотря на такие прочные связи с городом, местные особенности как языка, так и быта упорно сохранялись вплоть до коллективизации. Лишь после коллективизации началась бурная ломка старого и создание нового. Упорно сохранялись до последнего времени фонетические (умеренное яканье, отсутствие форм 2-го спряжения в глаголах, не имеющих ударения на конечном слоге, и т. д.) и морфологические (полное отсутствие среднего рода и др.) особенности в речи всех слоев постоянно жившего в деревне населения. «Городское произношение» высмеивалось совсем недавно, всего 3 — 4 года тому назад, и приезжавшие из города, владевшие уже другою речью, принуждались тем самым говорить по-местному. До сих пор сохранились хороводы («корогоды»), хороводные и обрядовые песни. В экономическом отношении деревня была бедной. Сельское хозяйство для большинства крестьянских семей не обеспечивало прожиточного минимума, чем и объясняется массовый отход крестьян в город. Классовая дифференциация крестьянства была довольно ясно выражена, в особенности по линии побочного промысла (кузницы и др.), где применялся наемный труд. В конце 1929 г. в д. Селино организовались два колхоза (Селино № 1 и Селино № 2 — в «Оброшыне» и в «Баршыне»), охватившие все хозяйства, но эти колхозы, в связи с местными левацкими перегибами, к весне 1930 г. распались. В конце 1930 г. колхозы возникли вновь («Буревестник» в д. Селино № 1 и «Дружба» в д. Селино № 2), причем к 1932 г. единоличников в деревне не осталось ни одного.

Мною был взят для обследования колхоз «Буревестник». Летом 1933 г. работа колхоза сильно хромала: много было организационных

неурядиц, довольно сильно еще чувствовались частнособственнические традиции, в результате чего правление колхоза было отдано под суд, члены его отбыли принудительные работы. В 1934 г. колхоз окреп и в экономическом и в политическом отношении, выдвинувшись в первые ряды колхозов Дубенского района. Из новых (по сравнению с единоличным хозяйством) сельскохозяйственных орудий «Буревестник» приобрел сеялку, конные грабли, жатку и клеверотерку. От единоличного хозяйства осталось несколько конных молотилок и веялок. Несмотря на сравнительно бедное техническое оборудование «Буревестника», агро-технические знания колхозников, соответственно и сельскохозяйственная терминология, сильно шагнули вперед.

2. Староладожский сельсовет Волховского района Ленинградской области. *Дер. Позем* расположена рядом с с. Старая Ладога, в 12 км севернее ст. Званка и Волховского комбината, на берегу р. Волхов.

Деревня небольшая (около 25 хозяйств), по сравнению с соседними деревнями была зажиточной. Состав населения постоянный. Крестьяне, кроме земледелия, занимались рыбной ловлей и извозом (до постройки Волховской электростанции, когда существовали пороги и шедший по Волхову товар приходилось перегружать). Значительная часть мужского населения находилась на побочных заработках в Петербурге. В фонетическом отношении речь крестьян в д. Позем уже не представляет собою чего-либо единого (так же, как и крестьян дд. Извоз, Княщино и Ахматова Гора). Исторически язык крестьян Староладожского сельсовета (за исключением д. Трусово) восходит к окающим говорам, но оканье в его чистом виде почти не сохранилось (оно наблюдается, главным образом, в среде отсталых в культурном отношении слоев населения). В результате взаимоотношений местного говора с литературным языком создались различные, промежуточные типы произношения, которые имеются в речи большинства населения, следовательно, окающий говор сохранился здесь только как пережиток. В д. Позем существует колхоз «Опыт», в который входят почти все крестьянские хозяйства (в 1933 г. оставалось 5—6 единоличников).

Колхоз молодой, организовался он за последние годы. По типу это — зерновое хозяйство. Из сельскохозяйственных орудий «Опыт» имеет сенокосилку, льномялку, конную молотилку, веялку, два-три маркера, плуги и борону. В социальном отношении д. Позем до коллективизации (как и д. Селино, о чем см. выше) не представляла единства, также имея

ярко выраженную классовую дифференциацию крестьянства. В колхозе в 1933 году еще чувствовались частнособственнические традиции, поскольку в психологии колхозников были еще свежи и живы обычаи единоличного хозяйствования. Но несмотря на это как в общественно-экономическом, так и в идеологическом отношениях и здесь налицо колоссальный перелом.

Д. Княщино расположена в 3 км от с. Старая Ладога. Произвести детальное обследование деревни в социально-экономическом отношении, за недостатком времени, автору не удалось. Выяснилось лишь то, что до коллективизации население жило очень бедно. В настоящее время в Княщине существует колхоз «Красная заря», который работает очень дружно и в политическом отношении является более зрелым, чем колхоз «Опыт». «Красная заря» имеет крепкий колхозный актив. В агротехническом отношении колхоз оборудован, примерно, так же, как и «Опыт». Остальные деревни (*Извоз, Ахматова Гора и Трусово*) в социально-экономическом отношении не обследовались вовсе, так как там проводились лишь эпизодические наблюдения. Если дд. Позем, Княщино, Извоз и Ахматова Гора, как упоминалось выше, относятся в языковом отношении по своему происхождению к окающему говору, то д. Трусово принадлежит к акающему. Крестьяне д. Трусово были переселены в эту местность в XIX в., повидимому, из Белоруссии, так как в языке их сохранились пережитки твердого «р» («тропать» вместо «трепать», «рыга» вместо «рига», «трапка» вместо «тряпка» — в разговоре крестьянки-колхозницы Антиповой). Предание о переселении у крестьян (как д. Трусово, так и окружающих деревень) сохранилось, но детали его уже забыты.

Таким образом, в настоящем исследовании представлены колхозы, типичные для очень многих колхозов Московской и Ленинградской областей (за 1933—1934 гг.). Несмотря на то, что они не охвачены пока работою машинно-тракторных станций и не имеют крупного механизированного хозяйства (с тракторами и комбайнами), самый факт обобществления средств производства и новая организация труда произвели подлинную революцию в сознании крестьянства, соответственно очень большие изменения в его сельскохозяйственной лексике.

Отметим здесь также, что обследованные пункты принадлежат к разным наречиям (д. Селино — к южно-великорусскому, селения Староладожского сельсовета, за исключением д. Трусово, в своей основе к северно-великорусскому, д. Трусово к особым акающим говорам), поскольку это будет иметь большое значение при решении вопроса о характере территориального распределения современного местного словотворчества.

Что исчезает в сельскохозяйственной лексике колхозов?

Коллективизация сельского хозяйства представляет собою подлинную революцию в деревне, которая начисто сламывает старые производственные отношения, основывающиеся на частной собственности на средства производства, соответственно вносит коренные изменения в общественную структуру деревни, формирует новое сознание. Понятно, что такие огромные изменения в базисе и надстройках не могли не оказать сильнейшее влияние на язык-мышление, в частности на производственное мышление и сельскохозяйственный словарь. Изменения в сельскохозяйственной лексике, которые происходят в языке нашей современной деревни, весьма показательны в отношении обусловленности идеологических надстроек производственными отношениями. Эти изменения нельзя правильно объяснить, если рассматривать каждое вновь появляющееся слово или отмирающий термин изолированно, формально, вне учета изменений в системе самого мышления. Семантика каждого отдельного слова, как и производственная функция обозначаемого им предмета, вне связи с общими семантическими сдвигами, соответственно со всей хозяйственной перестройкой, понята быть не может. Почему, скажем, в настоящее время идет быстрое исчезновение из языка колхозников терминов, обозначающих различные площади земельных участков, как и самые участки (*осьминник, кулига* и др.)? Вряд ли можно объяснить данное явление, если исходить только из самих терминов и обозначаемых ими предметов или каких-либо чисто языковых, как и физиологических, фактов, так же как нельзя сослаться только на утверждение гектара общегосударственной единицей измерения, который вытесняет местные единицы земельной площади (ведь существовала же государственная «казенная десятина» на ряду с «сотнями», «третьяками», «вытями» и т. п.). Причины этого исчезновения лежат во внутренних сдвигах, происходящих и в экономике деревни и в сознании колхозников. Если до коллективизации местный говор зачастую противопоставлялся литературному языку и последний входил в речь крестьян в условиях борьбы, вытеснения диалектизмов,[1] то в колхозной деревне со стороны основной массы колхозников этого противопоставления не имеется, сближение местной речи с литературным языком идет в творческих путях самой массы, а не по линии внеш-

[1] Ср. А. Иванов и А. Якубинский. Очерки по языку, стр. 92—96.

него усваивания и навязывания сверху. Следовательно, можно говорить о коренной ломке старой сельскохозяйственной лексики, которой не могло быть до коллективизации, поскольку между производственным мышлением крестьян и агрономической терминологией, строящейся, в основном, на научных принципах, существовала целая пропасть (хотя агрономическая литература и черпала зачастую «сырье» именно из местной лексики). Сельскохозяйственная лексика крестьян целиком соответствовала убогой экономике и общественности единоличной деревни. Возьмем в качестве иллюстрации хотя бы термины, обозначавшие скот: *телка первая солома*, *телка вторая солома*, 'телка, оставленная на первую, вторую зиму', *мякинник* 'двухгодовалый теленок', *колосовица* 'корова одного года' и т. д., которые как нельзя более ярко характеризуют нищенский уровень единоличной, тем более дореволюционной деревни. Агрономическая литература в качестве материальной предпосылки своего распространения требовала совсем другую технику и другие общественные отношения, чем те, которые существовали в современной деревне. Поэтому естественно, что в деревню проникали лишь отдельные литературные слова, самая же семантическая структура сельскохозяйственной терминологии оставалась, в основном, прежней, хотя некоторые сдвиги в сторону сближения с научной лексикой и начались. После коллективизации происходит не только массовое распространение агрономических терминов, но и перестройка самой семантической структуры сельскохозяйственной лексики. Процесс изменения идет двумя (тесно связанными друг с другом) путями: разрушение старого и создание нового. Что исчезает в колхозной сельскохозяйственной терминологии? Понятно, что в первую очередь выходят из употребления слова, лишившиеся своей материальной опоры, т. е. предметов и явлений, обозначавшихся ими, причем процесс исчезновения этих слов одинаков во всех обследованных пунктах. Особенно большому «разгрому» подверглись термины измерения, игравшие в единоличной деревне очень большую роль. Приводим данные по д. Селино. Точный учет обрабатываемой колхозниками площади земли (пахота, сев, косьба, и пр.) создал необходимость пользоваться единой системой измерения: гектаром и его делениями, в связи с чем сразу отпала необходимость в других терминах, раньше сосуществовавших друг с другом, поскольку каждый из них имел свой особый смысл. *Десятина*, *осьминник*, *третьяк*, *карточка*, *полоска*, *загон*, *сажень* и др. уже больше не употребляются в речи колхозников, хотя воспоминания об обозначаемых ими участках земли еще свежи. В будущем эти многочисленные термины сотрутся и в памяти, окончательно

исчезнув из языка. *Гектар* (в д. Селино, как и в Староладожском сельсовете, преимущественно употребляют слово *га*, причем иногда это слово принимается как единственный вариант) стал универсальной единицей измерения. Из старых терминов пока еще держится *десятина*, особенно в среде культурно-отсталых крестьян. «У старух по старой привычке есть еще *десятина*, а мы зовем *гектар*», д. Позем, С. Вор. Зачастую два термина употребляются в речи одного и того же колхозника: «У нас шесть *десятин* под рожью, а пахотной земли тридцать пять *га*», д. Позем, Коноплев отец. В д. Селино *десятина* устойчиво держится пока в обозначении площади лугов, что обусловлено особенностью техники учета труда колхозников: трудодни зачисляются косарям по количеству скошенных рядов, а не по площади скошенного луга. Но и здесь термин вряд ли удержится и исчезнет, так же как исчезли *лапоть*, *поллаптя*, *косье* и др., поскольку луг уже не делится на единоличные паи. Из терминов измерения лугов сохраняется и *сажень* («Аз’м’е́р’ фтаро́j бр’иγа́д’иь *сажо́н* д’в’е́с’т’и, за у́тръ ско́с’ут’», ИИК, д. Селино), обозначающий не только меру длины, но и самый инструмент измерения. Значительно большей устойчивостью обладают термины, обозначающие участки земли не по величине (измерению), а по качеству: *облóга*, *облóжка* ‘запущенная пашня’, ‘запущенный конец пашни’, *ендовúще* ‘луг, вдающийся в поле’ и др., хотя и эти термины находятся в процессе исчезновения. Так, *кулига* у одного крестьянина обозначает запущенную пашню, у второго — большую площадь земли, третий сам слово слышал, но затрудняется определить его значение, а молодежь его не знает вовсе. *Порткú* ‘луг, вдающийся в поле двумя рукавами’; в 1933 г. слово употреблялось всеми, в 1934 г. его в речи уже не слышно, когда разговор заходит о том же участке земли, который называется теперь просто *лужком*. Все эти исчезающие термины заменяются литературными названиями, обозначающими различные угодия по чисто производственному признаку: *луг*, *луга* (для различения участков имеются названия урочищ, которые существовали раньше: *Феклин луг*, *Брод*, *Аверинка*, *Наши луга* и пр.), *пар*, *овсянье*, *овсянище*, *жневье* и т. д.; большинство этих терминов употреблялось и раньше, но на ряду с исчезающими сейчас словами. К группе исчезающих терминов принадлежат названия предметов и процессов работы, относящиеся к молотьбе цепами, так как эта молотьба, после коллективизации, совершенно вышла из употребления: *цеп*, *цепинка*, *ремешок*, *отворачивать*, ‘молотить рожь или пшеницу цепами последний раз’, *старновать* ‘молотить цепами по первому разу’. Эти слова теперь можно услышать лишь при воспоминании о недалеком прошлом. Исчезает слово

скородить, весьма наглядно показывающее, с какой быстротой идет процесс отмирания ряда слов в колхозной лексике. В 1933 г. *скородить* употреблялось всеми колхозниками в разговорной речи («Вчера плохо *проскородили* около Кургана», Е. Е., пред. колхоза), *боронить* — лишь в письменных колхозных расчетах да в одной песне («Нельзя в полюшке работать, ни *боронить* ни пахать»), в 1934 г. *скородить* слышалось в разговоре пожилых женщин и стариков, тогда как подавляющее большинство колхозников употребляло слово *боронить* («Сегодня *заборонили* только шесть га», М. Комаров, рядовой член колхоза; «Бригадиры, посылайте пар *боронить*», С. М.). В 1933 г. на собрании колхозников автором было зафиксировано выражение *перепáхивать картошку*, которое употреблялось всеми присутствующими, в частности колхозником М. Скворцовым. В 1934 г. М. Скворцов, как и все колхозные активисты, употребляет литературное *окучивать картофель*. Сюда же можно отнести выражение *рабочая пора* 'время уборки озимых' («это было в *рабочую пору*», А. В., 1933), которое заменяется термином *уборка озимых* (на ряду с *уборкой яровых*, *уборкой лугов* и т. д.), *убирать скотину* 'задавать корм скоту' — *давать корм*, *кормить скотину*, *штыр* 'винт', — *винт*, *скребка* 'железная лопата' — *лопата* («копнуть лопатой раза два и яма готова». К. Т.), *задвóрок* 'сарай, расположенный за двором или напротив избы через дорогу' — *сарай* и т. д. Во всех приведенных случаях автор имел полную возможность сравнения, поскольку наблюдения проводились в различные годы (1933 и 1934), а кроме того обследуемая местность — родина автора, где он провел свое детство и юность, следовательно, местная лексика ему хорошо знакома.

Аналогичный процесс наблюдался и в Староладожском сельсовете. *Соха* — о ней колхозники (даже старики) отзываются с презрением: «*соха-то*? да так валяется дворов у трех для виду» (д. Трусово, Антипов). *Прйус* 'цеп', *матка* 'ручка цепа', *цепец* 'цепинка', *подавáлка* 'палка для встряхивания снопов при обмолоте цепами' у колхозников д. Позем встречается лишь в разговоре с единоличниками, которые еще молотят вручную, а также еще держатся в воспоминаниях колхозников. Сюда же относятся термины *жито* (вместо которого колхозники в разговоре с приезжими людьми стараются употреблять *ячмень*, также и в письменных отчетах, заявлениях, в стенгазетах и пр.), *оводь*, *оудь* — теперь больше начинают употреблять *яровая рожь*, *переарывать картошку* (д. Княщино, Хончикова) — *окучивать картошку* (д. Княщино, Н. Тимошкин, и др.), *постать* 'участок пашни для жницы во время жатвы сажень 5 ширины' («бывает

красивая постать, хорошо посмотреть, а то плохая. А теперь и вовсе так не работают, и слово забывается», д. Позем, И. Мар.), *ополворок* 'огород' (д. Извоз, Коз., единоличник старик) — *огород, тяжи* 'постромки в плуге или бороне' (д. Позем, А. Марк.) — *постромки* (д. Позем, Коноплев-сын, рабочий механик, приехавший на побывку: «*Тяжи* это неправильно. Теперь и тут стали говорить *постромки*»), *пристежка* 'валек в плуге' — *валек* и др. Как и в д. Селино, в Староладожском сельсовете быстро выходят из употребления старые термины измерения, связанные исключительно с единоличным землевладением. Из проведенных наблюдений можно сделать вывод, что в первую очередь исчезают термины, обозначавшие предметы и явления, характерные для экономического строя единоличного хозяйства, составляющие специфические особенности частнособственнического землевладения и связанных с ним сельскохозяйственных орудий и процессов. В колхозном быту эта группа терминов употребляется как пережиток, причем, главным образом, слоями, отсталыми в культурном отношении. Исчезают также местные термины, мешающие созданию научной терминологии (*ōводь, оподворок, рабочая пора* и др.), как и слова диалектальные, из них в первую очередь те, которые обозначают важные сельскохозяйственные явления (*скородить, орать* и т. п.), но с этим мы входим уже в проблему ломки самой семантической структуры сельскохозяйственной лексики. В главе: «Термины, выражающие обособленные видовые понятия», была дана характеристика типу терминов, которые не имеют обобщающих родовых слов в ряду обозначаемых ими производственно связанных между собою понятий. Там уже упоминалось, что подобный тип сохранился пережиточно, но все же он имеет довольно широкое распространение. Иллюстраций к этому типу приведено достаточно. После коллективизации такое терминологическое взаимоотношение начинает очень быстро разрушаться и заменяться рядами слов, входящими в определенные системы с обобщающим термином во главе. Новые словообразования также строятся по принципу научной терминологии. Этот процесс перестройки наблюдается не в единичных случаях, как то было раньше; по своему охвату он имеет широкие масштабы. Приведем примеры: раньше употреблялось исключительно *ободь, оводь и рожь* (д. Позем), теперь — *яровая рожь, озимая рожь*; *зеленя* 'всходы пшеницы и ржи' (всходы остальных культур обозначались по самим культурам; «горох всходит», «овес всходит» и т. д.), теперь — *всходы ржи, всходы пшеницы, всходы овса* и т. д.) («На́шы фсхо́ды уже́ з'ил'ин'не́иут', д. Селино, Д. К.), где обобщающее слово — *всходы*, которое раньше в Селино не употреблялось (*зеленя*, как слово, иду-

щее вразрез устанавливаемому терминологическому ряду, в 1934 г. колхозниками уже мало употребляется), *рабочая пора, покос, картошку копать* (отглагольного имени не было), *клевер косить* — в настоящее время имеется обобщающий термин *уборка* с соответствующим определением (*уборка ржи, уборка сена, уборка клевера* и т. д.), хотя большинство старых терминов и сохранилось, но уже в других контекстах (*покос, косить клевер* и пр.); исчезает выражение *рабочая пора*, употребляющееся сейчас старшим поколением д. Селино; многочисленные обозначения земельных участков, зачастую не входящих в ряды, также получили обобщающее слово и тем самым вошли в определенную систему: *луговые участки* («луга разбиты на участки. Всего у нас 10 *луговых участков*», д. Княщино, Тим.), *лесные участки* (д. Позем, С. Вор.), *пастбищные участки* («Нужно бы у рика попросить *пастбищных участков* нам прирезать», колхозники на собрании в д. Ахматова Гора), *полевые участки* («*Полевые участки* у них все около дома», д. Княщино, Тим.). В д. Селино раньше название *луг, луга* относилось лишь к заливным лугам, которых по берегу р. Упы имеется очень много, тогда как суходольные луга обозначались самыми различными терминами (*верха́, ертеби́ще, ендови́ще* и пр.), в настоящее же время широко распространены слова *заливные луга* и *суходольные луга* (разговор на собраниях колхозников, в отдельных группках и т. д.). Вновь появляющиеся термины строятся по этому же типу: *черный пар* («Черный пар — это хорошо. А то заставляли нас сеять рожь по вике, а это — одно разоренье, всю землю вытянешь, какой уж тогда хлеб», д. Позем, И. Мар.), *ранний пар* («Ды ра́н'иј тъ па̄р уш по́д'н'ил'и», д. Селино, К. Т.), *занятой пар* («Разве отец мой слышал когда-нибудь о *занятом паре*?», д. Селино, И. И. К.); *молокопоставки* («*Молокопоставки* почти выполнили», д. Селино, К. Т.). *мясопоставки* («Мясопоставки еще не начинали», д. Селино, Е. Е.) *шерстепоставки* («Да еще вот *шерстепоставки* надо выполнить», д. Селино, К. Т.), даже *ко́ропоставки* 'поставки древесной коры' («У нас в Воскресенском вчера *коропоставки* начали», неизвестное лицо на ст. Бредихино, в 6 км от д. Селино); *трехполка, шестиполка, семиполка* («При *трехполке* жрать нечего было. Теперь у нас *шестиполка* с двадцать шестого года, думаем перейти на *семиполку*», д. Позем, И. Мар.); *простая сеялка* и *рядовая сеялка* (д. Тимофеевка Дубенского р-на, колхозник, 1934); *конные грабли, грабли* («*Конные грабли* дали нам за хорошую работу», д. Селино, 1933, Е. Е.); *оборо́нные гектары* («А это мы *оборонные гектары* засеваем», д. Селино, 1934, Д. К.), *школьные гектары* («*Школьные гектары* понапрасну пустуют», д. Селино, 1934, И. И. К.); *продукти́вный скот*

(«*Продуктивный скот* у нас надо наладить», д. Позем, И. Мар.), *молочный скот* (д. Трусово, Антип.); *общественный огород* («Т'ип'ép' у в Ав'é-р'инк'и апчéс'т'в'ннäи γарóт устрóил'и», д. Селино, 1933, П. А.); *трудодéнь* («В этом году на *трудодень* выработка будет хорошая», д. Позем, С. Вор.), («Уж как в Трусовском колхозе *трудодни* теряются: бригадира напоят — за день два поставятся», д. Трусово, Б.) и т. д. Число примеров можно было бы во много раз увеличить. Если себе представить, что ряд вышеприведенных понятий появился бы в деревне в более ранние эпохи, то большинство из них получило бы особые наименования, причем некоторые из понятий стояли бы обособленно от других, как то мы имеем в дореволюционной сельскохозяйственной лексике. В настоящее же время создание научного типа терминов — ярко выраженная тенденция в словотворчестве современной деревни. Научная терминология имеет уже для своего широкого распространения прочную материально-общественную базу. Идет процесс систематизации, обновления местной сельскохозяйственной лексики. Вместе с удалением терминов видовых обособленных понятий особенно успешно изживаются слова, которые имели на себе отпечаток предшествовавших исторических эпох (слова, сохранившие пережитки древнеобщинного строя: *выть, соха, кол, кулига* и пр., термины феодальной общественности: *осьминник, десятина, сотня* и пр., также и капиталистических отношений в деревне: *батрак, бедняк,* уродливые *железянка, колесянка* 'плуг' и др.), причем если часть их и сохраняется, то в переосмысленном виде. Язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие, приобщение к пролетарской культуре, расширяется горизонт сознания колхозных масс, которое освобождается от местной ограниченности. Исчезает специфически «крестьянское», «мужицкий дух», который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзанистам. И на этом участке отходит в прошлое «идиотизм деревенской жизни».

Новые слова в сельскохозяйственном лексиконе колхозников

Изменения сельскохозяйственной лексики колхозов не есть только разрушительный процесс, это больше процесс созидательный. Появление новых слов имело место и раньше: термины, переосмысленные и вновь созданные в эпоху революции, широкой волной хлынули в советскую деревню, но словотворчество после коллективизации по своим масштабам далеко превосходит словотворчество единоличной деревни, в особенности же в области сельскохозяйственной терминологии. Характерной особенностью

новых слов является, с одной стороны, точность обозначения техники производства, с другой стороны, расширение их семантики далеко за пределы обозначения узко-технических функций предметов. Каждое новое слово несет с собою целый комплекс новых общественных понятий: *конные грабли*, помимо своего технического значения, осознаются как превосходство нового строя, как премия за хорошую работу (д. Селино) и т. д., тогда как обычные *грабли* в старой деревне имели лишь узко-технический смысл (поскольку и сравнивать-то их было не с чем). Новые слова — яркая иллюстрация изменений, происшедших в нашей деревне. Конечно, известная часть и старых слов выходила за пределы своей узко-производственной семантики, но не в таком количестве и не с такой глубиной она выявляла широкие общественные отношения, так как лишь на стыке двух эпох многие предметы и их обозначения приобрели большую общественную значимость.

Приведем здесь термины, появившиеся в д. Селино и Староладожском сельсовете после организации колхозов.

1. Термины, обозначающие обязательства колхозов перед государством: *хлебозаготóвка* («*хлебозаготовку* мы выполнили в полтора дня, сдали шестьсот шестьдесят четыре пуда, до сто процентов осталось всего тридцать шесть пудов» д. Селино, 1933, Е. Е.), *хлебосдача государству* («*Хлебосдачу государству* закончили», д. Селино, 1933, И. Скворцов), *возить заготовку* 'сдавать государству зерно' (д. Селино, 1933, П. А.), *красный обоз* («Баршынские поехали *с красным обозом*. Впереди флаг, гармошка», д. Селино, 1933, С. М.), *твердые поставки* («Раньше были разные встречные да поперечные, а теперь *твердые поставки*», д. Тимофеевка Дубенского р-на 1934, колхозник), *самообложение*, *культсбор* («*Самообложение* тоже уплатили. Уплатили и *культсбор*» д. Селино, 1934, А. В.). Слова эти широко известны каждому колхознику.

2. Термины, обозначающие расчет с колхозниками: *трудодень* — слово, очень широко употребляющееся колхозниками («Теперь не то, что год-два тому назад. Работу только подавай, кажному охота *трудодней* побольше заработать», И. Тюрин, д. Селино, 1933), *трудкнйжка* («надо *трудкнижку* просмотреть», д. Селино, 1934, А. В.), *начислить трудодень* 'записать колхознику трудодень' (д. Селино, 1933, И. Скворц.), *сóтые*, *сóтки* 'сотые части трудодня' («Такой уж бригадир, все старается *сотки* у тебя оттяпать», д. Селино, 1934, П. Ер.), *блины* (иронически) 'трудодни, которые бригадир заносит в трудкнижки в погоне за количеством, не обращая внимания на качество работы' («*Блинов* нагнал много, а рожь-то

сгноил», д. Селино, 1934, П. Ер., — термин в этом значении устоялся и употребляется всеми колхозниками), *человекодень* («Ведь сколько положено *человекодней*», д. Селино, 1934, Б. Савельев, рядовой колхозник), *перечень* 'список колхозников на предмет выдачи натуроплаты по трудодням' («Счетовод, готов *перечень*? П. Т., рядовая колхозница; «*Перечень* составлен», И. И. К., д. Селино, 1934), *натуроплата* («поскорее *натуроплату* готовь нам», д. Позем, 1933, А. Марк), *выработка, сдельщина* («У на́с пла́т'ът с выръ^ы^ба^ъ^тк'и, фс'бз'д'е́л'шына̀», д. Трусово, 1933, Антипов), *выдача* 'выдача колхозного мяса (по 400, 200 граммов) работающим на сенокосе' («Им очень хорошо, они *выдачу* получают», д. Трусово, 1933, старик-сторож), *наличный расчет* («Гражданы, есть огурцов пять с половиною мер. Кто хочет за *наличный расчет*, по пять рублей мера», д. Селино, 1933, Е. Е.), *валовой сбор* («Осенью подсчитаем весь *валовой сбор*», д. Селино, 1934, И. И. К.) и т. д.

3. Термины, обозначающие новую организацию труда: *Соревнование* («Я с вам пошла бы на *соревнование*», д. Княщино, 1933, Хоньчикова), *твердые нормы* («Наш колхоз получил по уборочной *твердые нормы*», д. Княщино, 1933, колхозник Смоленков), *черновики* («Ревкомиссия *черновики* спросит», д. Позем, И. Мар.), *вербовщик* 'вербовщик рабочих из колхозников' (д. Позем, колхозник Новоженов), *выходной день* («Сегодня *выходной день*, будет собрание», д. Позем, С. Вор.), *сводки* («Как был приготовлен материал, так нужно было *сводки* подать. Если *повседневных сводок* нет, то никакая комиссия не поможет», д. Позем, Марпничев), *нормы выработки* («*Нормы выработки* есть, но они не применяются», д. Позем, Марпничев; «*нормы выработки* присланы из району, мы их утвердили на собрании», д. Селино, 1933, И. Сквор.), *дневник* 'ежедневная запись производимых в колхозе работ' («У вас *дневник*-то есть?», «*Дневника* нету», «У пильщиков он был», И. Мар., д. Позем), *учет* («Без *учета* никак нельзя работать», д. Позем, И. Мар.) *ведомость* («У тебя *ведомость* есть с лесничества?», д. Позем, И. Мар.), *единоначальник* («Бригадир сам *единоначальник*, может послать куда надо и самого преда», д. Селино, 1934, И. И. К.), *наряд* 'задание на производство какой-либо работы бригаде, звену' («*Наряд* спускается правлением бригадиру», д. Селино, 1934, И. И. К.), *хозрасчет* («*хозрасчет* соблюдается еще плохо», д. Селино, 1934, И. И. К.), *красная доска, черная доска* («Красная и черная доска совсем не работают», д. Селино, 1934, Сид. Ерофеев, колхозный сторож), *срывщик* лодырь 'прогульщик', («Да уж он известный *срывщик*», д. Селино, 1934, П. Т.), *промфинплан* («*Промфинплан* наш очень одобряли в районе», д. Селино, 1934,

И. И. К.), *отношение к труду* («*Отношение к труду* тоже надо учесть», д. Селино, 1934, М. Скворцов, бригадир), *поток* 'процесс молотьбы и веяния от начала до конца' («Ответственный *потока* подгоняет поскорее», д. Селино 1934, И. И. К.), *принять работу* («Блыгадир, *прими работу*», д. Селино, 1934, Г. Т.), *организация труда* («*Организация труда* у нас хромает», д. Селино, 1934, Д. К.), *тревога* («Сегодня на рассвете *тревога* была — дождь находил, а рожь на токах, убирать побежали», д. Селино, 1933, П. А.), *вытягиваться в работе* 'подтягиваться в работе' («Надо *вытягиваться* в колхозе, надо работать», д. Княщино, Хоньчикова), *звонить в колокольчик* 'призыв к работе' (обычий, глубоко вошедший в быт обследованных колхозников) («Как *зазвонят в колокольчик*, значит, собирайся на работу», д. Позем, И. Мар.; «*Зазвенели в колокольчик*, вставай, молотить пошли», д. Селино, 1933, А. В.), *знамя*, *краснознаменный* («Наш сельсовет *краснознаменный*, *знамя* упускать нельзя», д. Селино, 1934, А. Сент.), *значкист*, *значок Кагановича* («Ты ведь *значкист*, носишь *значок Кагановича*», д. Селино, 1934, А. Сент.).

С новой организацией труда в колхозе появились впервые созданные в деревне общественно-производственные должности, причем для обозначения их используются или старые слова в их переосмыслении, или литературные термины, зачастую также в соотвествующем переосмыслении. Так, слово *огородник* раньше обозначало собственника огорода, обычно мелкого (а иногда и крупного) кулака, торговца, который снабжал овощами крестьян (главным образом капустой и огурцами), не имевших своих огородов (огородное дело у единоличных крестьян обследованных деревень было поставлено очень плохо, чем огородник отлично пользовался); теперь *огородник* 'бригадир по огородным культурам в колхозе' («А об овощах вы спросите у нашего *огородника*, он этим делом заведует», д. Княщино, Тим.), *старатель* («Председатель у нас *старатель* такой, ночи не спит», д. Княщино, Хоньчикова), *ко́нюх* 'конюх при колхозной конюшне, также 'лошадиный пастух', раньше употреблялось в другом значении («Надо бы сказать *конюху*», д. Позем, старуха-колхозница), *агроном* («В тринадцатом, скажем, году я и не слыхал, кто ето *агроном*», д. Позем, И. Мар.); *пожарники*, *пожарная дружина* — в д. Селино термины эти были известны и раньше, так как кое-кто из крестьян работал пожарником в городе, но для местной жизни они не употреблялись; в связи с охраной урожая теперь учреждена пожарная дружина и пожарники, караулящие по ночам скирды и вороха хлеба («*Пожарная дружина* у скирдов дежурит», д. Селино, 1934, И. И. К.; «*Пожарники* в сараях заснули», 1934, А. В.), *кладовщик* 'завскладом'

(«Меня в *кладовщики* выдвигают», д. Селино, 1934, П. П.), *объезчик*, раньше с этим термином у крестьян связывалось понятие чего-то чужого, направленного против их интересов, теперь объезчик — верховой сторож колхозных полей («У нас за урожаем *объещики* следят», д. Селино, 1934, А. Тюрина), *счетовод* («*Счетовод* уехал в лесничество», д. Селино, 1934, Г. Т.) *хозяйственник* 'заведующий хозяйством колхоза' («Какой он *хозяйственник*», д. Позем, С. Вор.), *прикрепленный к лошади*, *лошадь прикреплена к* такому-то («Я *прикреплен* к дрянной лошаденке, вожусь с нею. Вот сам-то он *прикрепил* себе приличную лошадку», д. Селино, Д. С., «Ко мне *прикреплена* сбруя и телега», д. Селино, К. Т.), *хозяйка тока* 'женщина, выбранная для наблюдения над порядком при молотьбе'; институт хозяек тока был широко распространен по Дубенскому р-ну летом 1934 («А *хозяйка* тока чего смотрит?» д. Селино, Е. Е.). Естественно, что в единоличном хозяйстве такого разделения труда не было и в помине. Даже многие производственные процессы, имевшиеся в единоличном хозяйстве, не имели своего именного обозначения и выражались глаголом, так как в этом не было никакой нужды. В колхозе же каждая работа строго учитывается, происходит специализация труда, в силу чего получают широкое распространение именные термины. *Накладчик снопов в поле* («*Накладчики снопов* прямо спят, надо подогнать их», д. Селино, 1933, И. Сквор.), *корбѐница* (Корбѐн'ицъ já», д. Княщино, Хоньчикова), *дойщица* 'доярка' («*Дойщицы* к коровам ушли», д. Ахматова, Гора, колхозник), *вязáльщица* 'женщина, поставленная на вязку снопов' (д. Княщино, Смоленков), *овчáрь* 'овечий пастух' («*Овчаря* надо позвать», д. Позем, колхозники), *лешыльщик* — раньше имелся лишь глагол *лешить* 'размечать соломенными вешками пашню, предназначенную для посева', теперь от этого глагола образован именной термин («Да я тут за главного *лешыльщика* орудую» (иронически), д. Селино, 1934, колхозник Ст. Елисеев).

4. Другие термины. В новых словах ярко выражены и другие стороны колхозного быта. Пожалуй, не найти ни одной сельскохозяйственной отрасли и связанных с нею производственных процессов, которые не подверглись бы изменению, перестройке, что находит свое отражение в соответствующих обозначениях. *Колхозная конюшня* («строим *колхозную конюшню*», д. Солино, 1933, П. А.). *Потери* («Первая бригада *с потерями* плохо борется», д. Селино, 1934, И. И. К.); в единоличной д. Селино слово в этом значении никогда не употреблялось, поскольку и не было общего представления потерь урожая; имелись описательные выражения: *рожь осыпается, молотилка нечисто молотит* и т. п., что было выяснено из бесед со многими колхозниками. *Зябь* («*Под зябь* пашем очень поздно —

в ноябре, не успеваем еще», д. Селино, 1934, И. И. К.); раньше вспашка под зябь в этой местности не практиковалась. *Шариковые подшипники* («В прошлом году мы поставили *шариковые подшипники*», д. Селино, 1934, Е. Е.); термин, казалось бы, известный лишь для узкого круга лиц, связанных с молотилкой непосредственно (шариковые подшипники установлены на молотилке), на самом деле употребляется в речи почти всех колхозников, поскольку любое, даже мелкое техническое, нововведение получает в колхозе широкую известность. Можно ли было предположить это в единоличной деревне, когда «тайна» той или иной сложной сельскохозяйственной машины тщательно скрывалась ее владельцем, обычно кулаком, да и широкие массы ею особенно и не интересовались? Лишь после разрушения единоличных перегородок создалась прочная база для массового распространения литературных терминов. *Сбор колосьев* («*Сбор колосьев* провели не полностью», д. Селино, 1934, Е. Е.). *Пробные семена*, *пробный сев* («У нас теперь *пробный* сев устраивают. За неделю, или за две высевают *пробные* семена. Вот и смотрят, что они покажут», д. Тимофеевка Дубенского р-на, колхозник). *Бурт* 'большая куча навоза в поле', *буртовать* 'сваливать в поле навоз в большую кучу, а также и разбрасывать ее' («Кто работал на *буртах* — хорошо заработал», д. Селино, 1934, А. В.); производственный процесс, также впервые введенный в 1934 г. *Семена на всхожесть* («А каковы у вас *семена на всхожесть*?», д. Селино, 1934, С. М.). *Лешить лошадью* 'проводить ориентировочные борозды для сева плугом' (д. Селино, 1934, И. И. К.); раньше *лешили* только руками и соломенными вешками. *Грабилка* 'машина для сгребания сена' (д. Княщино, Хоньчикова). *Крот* 'особая марка плуга' д. Позем, С. Вор.). *Парники*, («парники в «Благом начале» — хорошая штука», д. Позем, Мариничев). *Общий двор* 'колхозная конюшня' (д. Позем, колхозники), *Клеверотёрка* («Теперь и *клеверотерка* есть», д. Ахматова Гора, колхозник). *Семенник* 'семенной клевер и семенная тимофеевка' (д. Ахматова Гора, колхозник). *Скот на привязи* 'скот на колхозном дворе, в отличие от скота в индивидуальном владении' (д. Ахматова Гора, колхозник). *Направлять машины* 'ремонтировать машины', *направлять коней* 'подкармливать лошадей (д. Княщино, Смоленков).

Вышеприведенный материал далеко не исчерпывает, конечно, запасы новых слов, появившиеся в обследованных пунктах после коллективизации, в действительности они значительно богаче и обширнее. Но и приведенных слов достаточно, чтобы показать чрезвычайную широту нового словотворчества и массовость распространения литературных терминов в колхозной деревне, с которыми не может итти ни в какое сравнение словотворчество

старой деревни. Очень важно заметить, что в большинстве случаев литературные слова в своей семантике не искажаются, не идиотизируются, если можно так выразиться, как это часто случалось с литературными терминами, попадавшими в местную крестьянскую речь прежде. Это говорит о том, что литературные термины в колхозной деревне — не тепличные растения, которые хиреют в чужой почве или приспособляются к местным условиям. Семантика литературного слова, его синтаксическая структура, если термин состоит из нескольких слов, осваиваются существенно, органически входят в речь и сознание колхозника. Нельзя рассматривать процесс проникновения литературных терминов в крестьянскую речь как процесс, одинаковый для всех времен и условий. *Если прежде шла борьба между литературным языком и говорами, в результате которой местные особенности вытеснялись и самое речетворчество насильно затормаживалось, или же при столкновении местных слов с литературными создавались скрещения, контаминации, иногда уродливые образования, и это было характерно для взаимоотношения литературного языка с говорами в целом, то в настоящее время языковое развитие деревни вступает в новую фазу: колхозные массы культурно выросли, поднялись на такую ступень, когда литературная речь становится органическим элементом их мышления, вследствие чего проблема борьбы литературного языка с местными говорами почти снимается, так как основная масса крестьянства уже не противопоставляет себя в языковом отношении городу.* Конечно, для отсталых слоев колхозников литературные термины в известной мере являются еще чужеродными элементами речи, по этой причине и происходит искажение данных терминов (о чем см. ниже специальную главу), но эти слои не являются ведущими в колхозном терминотворчестве. Словотворчество новой деревни не есть также лишь заимствование из литературной речи: на местах создаются новые слова с новой семантикой, которые частично уже получают «право литературного гражданства» и в целом представляют собою богатый материал для нашей литературы.

Иностранные термины в словаре колхозников

Все вышесказанное относится также и к иностранным терминам, которые широкою волною хлынули в колхозную деревню, где в ряде случаев они настолько осваиваются, что говорящий вовсе не ощущает их особого

происхождения. В речи единоличников иностранные сельскохозяйственные слова встречались весьма редко, поскольку для них не было соответствующих условий. Ниже приводится лишь незначительная часть иностранных слов, употребляемых колхозниками обследованных деревень.

Бригада 'группа колхозников, составляющая постоянно производственную единицу' («В нашем колхозе две *бригады*», д. Селино 1933, И. Сквор.; «Какая *бригада* лучше всех работает?», д. Селино, 1934, П. П.; «У нас в колхозе всего одна *бригада*», д. Позем, С. Вор.); бригади́р («*Бригадир* хозяйственный парень», д. Позем, С. Вор.; «Мишкъ стара́т'ил'на̮и бр'иɣад'и́р», д. Селино, 1934, А. В.); слова эти колхозниками употребляются очень часто, причем исключительно всеми слоями. *Премия* («Сказали в первую очередь *премию* дать за хороший уход скота», д. Князщино, Хоньчикова; «Кузнецу за молотилку *премию* выдали, а молотилка-то сломалась»; «Подавали заявление, чтобы *премию* нам дали — не выдали», д. Селино 1933, И. Тюрин); *аванс* («Выдать надо ржи в счет *авансу*», П. Казеннов, колхозник, д. Селино, 1933; «*Авансу* нету», д. Позем, А. Марк.); *страхфонд* («*Страхфонду* пудов двенадцать было. Где неурожай или несчастный случай, то помогать приходится», д. Позем, А. Марк.); *барометр* («Когда был председателем колхоза, пользова̊лся *барометром* у агронома», д. Позем, И. Мар.); *контрактация* («Была *контрактация*, вот и перестали мы лен сеять», д. Позем, Коноплев-отец); *механизация* («Нужно ввести *механизацию*, чтобы можно было отпускать рабочих на посторонний заработок», д. Ахматова Гора, колхозник); *план, плановик* («*План* составить нелегко», «Сюда бы *плановика* хорошего», д. Селино, 1934, И. И. К.); *ревкомиссия* («Придет *ревкомиссия*, спросит, тогда что?», И. Мар.; «*Ревкомиссия* ничего не скажет, Коноплев-отец, д. Позем), *геометрия* («*Геометрия* наука сложная, в сельском хозяйстве очень нужна», д. Позем, И. Мар.); *география* («Наш пастух ученый, всю *географию* знает, каждую зиму отправляется путешествовать», д. Позем, колхозник); *шефы* («Приехали *шефы* проводить меня в ударники», д. Князщино, Хоньчикова); *запасной фонд, фонды* («Запасной *фонд* небольшой был в колхозе», д. Трусово, Ант.; «Надо сначала *фонды* создать, потом уж браться за натуроплату», д. Селино, 1934, И. И. К.); *посевная кампания* («Барщинские уже *посевную кампанию* начали», д. Селино, М. Комаров, рядовой колхозник); *инспектор по качеству* («Махов у нас *инспектор* по качеству, ходит, хромой, с палкой по полю», д. Селино, 1934, А. Карасева, рядовая колхозница); *кадровик* 'старый опытный колхозник-активист' («*кадровиков* у нас уж очень мало», д. Селино, 1934, И. И. К.); *акт, заактировать* («Сначала надо *акт*, вы бы *заактировали* пшеницу», д. Селино,

1934, А. С.); *аппробация картофеля* («Да ведь мы уж провели *аппробацию картофеля*», д. Селино, 1934, И. И. К.); *актив* («*актив* то у нас слабоват», д. Селино, 1934, Е. Е.); *рапорт* («Сев закончили, *рапорт* уже подали», д. Селино, 1934, Е. Е.); *контроль* («при выдаче должен *контроль* всегда присутствовать», д. Селино, 1934, С. М.); *экземпляр* («Нужно всегда иметь три *экземпляра*», д. Павлово Крапивенск. р-на, 1934, С. Ф.); *силос* («*Силос* заготовим, у нас теперь корма не проесть», д. Селино, 1934, Е. Е.), *база* («Зерно на *базу* свозят», д. Михалково Тульского р-на, 1934, колхозник.).

Иностранные термины получают большое распространение и в обозначениях узко-производственных процессов, названиях частей сельскохозяйственных машин и пр. Так, *педаль* 'педаль для холостого и рабочего хода в сенокосилке' (д. Позем, Коноплев-сын), *шкив* 'наружная часть в молотилке, на которую надевается ремень' (д. Позем, Коноплев-сын), *регулятор высева* (в рядовой сеялке) («*Регулятор высева* надо поправить» д. Селино, 1934, Д. С.), *конус, коническая шестерня* («А это *коническая шестерня*», д. Селино, 1934, Е. Е.), *рандаль* 'особый вид бороны' («Тут надо *рандаль* пустить», д. Позем, И. Мар.) и др. Конечно, обозначения особо мелких, как и второстепенных деталей известны далеко не всем колхозникам, но в целом технические иностранные термины, попадая в деревню, становятся достоянием более или менее широких колхозных масс. Понятно, что проводником иностранных терминов (как и литературных слов вообще), является в первую очередь колхозный актив, местная интеллигенция. Проведенные мною наблюдения полностью подтверждают этот вывод. Так, в д. Селино наибольшее число правильно понимаемых иностранных слов наблюдалось в речи И. И. Костюхина, счетовода колхоза, работавшего на советской работе в городе и усиленно занимавшегося самообразованием, А. Г. Сентюрина, председателя колхоза, работавшего долгое время председателем сельсовета, М. Скворцова, бригадира, окончившего семилетку и др. Но и среди остальной массы многие иностранные слова оседают прочно, входя органическим элементом в их лексикон, соответственно в их сознание. Бурный рост иностранных слов в лексике колхозников является, пожалуй, наиболее показательной стороной процесса разрушения местной языковой обособленности, поскольку через этот процесс происходит приобщение деревенской речи к языковой интернационализации, особенно ощутительной в современном литературном языке за последнее время.[1]

---

[1] Автор, конечно, не утверждает прогрессивность проникновения в деревню любого иностранного слова. Зачастую иностранные слова вводятся в язык без всякой надобности и засоряют язык, что особенно вредно отражается на деревенской речи. Но о с н о в н о е в их проникновении — не засорение, а сламывание местной языковой ограниченности.

Искажения литературных терминов

Потоки литературных слов, которые устремились в речь колхозников, вызваны внутренними изменениями социальной структуры деревни и входят в разговорную речь крестьян органически, поэтому в большинстве случаев их семантика не подвергается искажениям, разве лишь дополняется новым смыслом соответственно своеобразиям колхозных условий. В этом, как было уже упомянуто выше, заключается существенная разница между бытованием литературных терминов в старой деревне и употреблением их в речи колхозников. Но было бы ошибкой утверждать, что искажений литературных слов не имеется в современном терминотворчестве. Эти искажения налицо, причем по характеру своему они разнообразны; имеются фонетические отклонения, также морфологические и семантические. В большинстве случаев искаженное слово можно встретить в среде отсталых в культурном отношении колхозников, и причины этому совершенно ясны, но такими случаями данное явление не ограничивается: иногда само слово настолько неудобоваримо, что оно наверняка обречено на деформацию (в особенности сюда относятся термины и обороты, которые пускаются в обращение незадачливыми редакторами местных газет, кабинетными работниками и т. п.). Бывает также, что искажение слова служит средством принижения его семантики, следовательно и предмета, который оно обозначает, в целях использования термина как орудия классовой борьбы.

Приводим примеры фонетических и морфологических отклонений: *тúла* 'килограмм' («Свешали мне одну *тúлу* гороха», д. Селино, 1934, А. В.) здесь мы имеем перемещение ударения со второго слога на первый и переход смягченного *к* в *т* — переход, обязательный для местного говора; *клевотёрка* («Можно и без *клевотерки* клевер обмолотить», д. Селино, 1934, Г. Т.); *каўхоз* 'колхоз' («Мы в'ит' у каўхōз'и», д. Селино, 1934, А. В.) — слово употребляется в этом виде только неграмотными и малограмотными женщинами, тогда как грамотными колхозниками оно произносится по литературному; *рóчаг* 'рычаг' («Вот это подымающий *рóчаг*», д. Селино, 1934, Д. С.) — слово в таком произношении автор слышал от многих колхозников; *окýньчик* 'окунчик', 'пропашник' («*Окýньчик*-то на дожде мокнет», д. Трусово, Антипова, неграмотная пожилая колхозница); *исáков плуг*, *исáковский плуг* 'плуг Сакка' (д. Трусово, Антипов, Антипова и другие колхозники) — своеобразная «народная этимология»; *штраховка* 'страховка' — термин, в таком произношении имевшийся еще в старой д. Селино и сохранившийся в среде культурно-отсталых колхозников (очень

возможно, что и в этом случае мы имеем дело с «народной этимологией», так как здесь полное совпадение слова *штраховка* со *штра́хвом* 'штрафом' и страховка крестьянами осознавалась как штраф, побор, налог, поскольку страхование имущества в дореволюционной деревне среди крестьян проводилось зачастую чиновниками в форме взяток, вымоганий); *ревизо́вая комиссия* 'ревизионная комиссия' («Он член *ревизовой комиссии*», д. Селино, 1933 г., П. П., интересно, что данный термин этой же колхозницей в 1934 г. произносился уже правильно); *блыгади́р* 'бригадир' («Блыгадир хорошо посылал на работу», д. Селино, 1934, А. В.) — термин в таком произношении употребляется почти всеми колхозниками, за исключением актива и местной интеллигенции, причем весьма любопытно, что в 1933 г. он произносился всеми правильно (как возможное объяснение такому явлению может быть предложена мысль, что в 1933 г. он только-что входил в быт, поэтому осознавался как чужеродное слово, которое надо произносить правильно, теперь же слово «освоено» и стало «местным»); *симуля́н, симуля́нка, симульну́ть, симуля́нничать* («Она такая *симулянка*, прямо жуть», А. В.; «Он все болтается, *симулянничает* только», А. В.; «От барабана то мы *симульнем*» П. Скворцова, молодая колхозница); *бу́ксир* («Мы на *бу́ксир* выезжали в два сельсовета», д. Селино, 1934, И. И. К.); *шкиво́* («Это *шкиво́*, к пальцу *шкива* крепится шатун», д. Позем, Коноплев-сын); *оприхо́довать* 'заприходовать' («Пшеницу-то нужно было сначала *оприходовать*», д. Селино, 1934, А. Сент.). Понятно, что фонетико-морфологические (следовательно и семантические) отклонения от литературной нормы наличествуют и во вновь создаваемых местных словах, например: *коровя́к* 'колхозный коровий пастух', (д. Позем, старуха-колхозница) — образование, для говорящих на южно-великорусских говорах в этом значении недопустимое, так как оно обозначает там 'коровий помет'; *жальщик* 'жнец'; *жальщица* 'жнея' и др. Искажение слова, как было указано выше, иногда производится в целях классовой борьбы. Так, в д. Селино, помимо произношений *кау́хос* и *калхо́с*, существует еще *кальхо́с*, которое, как это выяснилось, употребляется там почти всегда в ироническом смысле, а иногда и с явно враждебным значением. В д. Михалково Тульского р-на один из «обиженных» коллективизацией говорил: «*Присядатели ды сахвозы* (завхозы) все присядают, за хвост бы их да об пол». Различное классовое осознание слов чаще всего встречается без какого-либо их изменения, путем постановки того или иного термина в соответствующий контекст, причем это относится к тем сельскохозяйственным словам, которые, помимо своего производственного значения, выражают и общественный смысл.

(в особенности термины, обозначающие новую организацию труда и все, что с нею связано). Ставить же вопрос в той плоскости, что у различных социальных слоев крестьянского населения одной и той же местности имеется особый сельскохозяйственный лексикон, вряд ли возможно. Нельзя, также, конечно, предполагать, что кулаки и подкулачники хуже владеют литературными терминами, чем основная масса крестьянства, и являются защитниками местных языковых особенностей. Такая «социология» была бы непростимым упрощенством. В обследованных автором местностях те из незначительной части колхозников и единоличников, которые втихомолку агитируют против колхозов и борются с ними, зачастую великолепно владеют литературной речью, и их сельскохозяйственный лексикон не беднее, чем у колхозного актива, а в отдельных случаях и богаче. В каждом конкретном случае могут быть самые различные положения. Поэтому нельзя предполагать ни исследователю, ни просто собирателю материала, что в современной деревне он сможет обнаружить социальные различия в лексике, тем более фонетике и морфологии, выраженные материально, а не по особому осмыслению лишь, в том плане, что отсталая в языковом отношении часть населения принадлежит к особому социальному слою, а передовая — к другому. Сплошь и рядом встречаются факты, когда наиболее активный и передовой колхозник в языковом отношении менее развит, чем маскирующийся классовый враг. По языковым особенностям того или иного крестьянина в любом конкретном случае нельзя судить о социальной принадлежности этого крестьянина. Этот вопрос заостряется здесь для того, чтобы предостеречь от возможностей упрощенчества, которое имелось в работах некоторых языковедов, пытавшихся анализировать говоры с социологической точки зрения. Но если сохранение местных особенностей или, наоборот, изживание этих особенностей в каждом отдельном случае нельзя объяснять социальной принадлежностью того или иного лица то, в общем, в анализе языкового развития современной деревни, социальная основа языковых процессов вырисовывается весьма ясно: руководящее место в современном языкотворчестве в деревне занимает колхозная масса крестьянства; процесс ломки местной раздробленности и сближение с литературным языком отражает процесс перестройки общественных отношений и соответственно перестройки мышления крестьян, сближения их с пролетариатом города и ликвидации различий между городом и деревней; сохранение местной языковой раздробленности объективно тянет назад колхозную деревню, создает трудности в создании культурной жизни крестьянина. Приведенные выше примеры искажений

литературных слов характеризуют недостаточно еще высокий культурный уровень колхозников, но само собою разумеется, что культурная отсталость того или иного колхозника не может быть отождествлена с классовой сущностью его мировоззрения. Аналогичный характер имеют и семантические искажения литературных терминов, примеры которых приводятся ниже. *Норма выработки* 'фактическая выработка колхозника за рабочий день' («Он сегодня заработал хорошую *норму выработки*, привез 20 возов ржи», д. Селино, 1933, С. М.; бригадир И. Скворцов употреблял это слово также в значении фактической выработки и даже вносил заработанные трудодни в графу «норма выработки», настаивая на том, что «у нас так принято»; в 1934 г. этого искажения уже не наблюдалось). *Сортовое зерно*; термин обозначает как сортовое, так и сортированное зерно, тем самым эти два различных понятия смешиваются (Старая Ладога, объяснение агронома Рыжова по поводу особенностей местной сельскохозяйственной лексики, которое было подтверждено проверкой употребления данного термина колхозниками Антиповым в д. Трусово, колхозниками в д. Ахматова Гора и колхозником Мариничевым в д. Позем). *Подотчетный год* («Вот придет *подотчетный* год, тогда еще что-нибудь дадут», д. Селино, 1934, А. В.); в данном случае происходит сужение семантики термина: термин *год* обозначает конец года. *Рентабельный колхозник* («И тогда мы будем *рентабельными колхозниками*», д. Селино, 1933, Е. Е.). *Бороться* за (?!) *потерю урожайности* 'бороться против потерь урожая' (д. Селино, 1933); выражение это употреблялось на колхозном собрании многими колхозниками; в 1934 г. оно уже не наблюдалось. *Ездить на прорыв* («Мы ездили на *прорыв* работать», д. Тимофеевка Дубенского р-на, колхозница). *Качественная работа* («Работа наша очень *качественная*», д. Селино, 1934, Д. К., т. е. очень хорошая); слово *качественная* в этом употреблении означает хорошая, *некачественная*—плохая («Запахали-то вы не особенно *качественно»*, д. Селино, 1934, Д. С.). Такого рода искажения насаждаются среди колхозников подчас... печатными районными газетами. Слово *качественный* в вышеприведенном значении культивируют газеты «Коммунар» (Тульского р-на) и «Сталинец» (Дубенского р-на): «Предколхоза Илюшин утром 22 августа занялся выпивкой, вместо мобилизации колхозников на *качественное* проведение сева» («Стал.», 26 VIII 1934 г., Иванов); «работа произведена *некачественно*; в результате грубой пахоты и боронования — крупная комковатость поля» («Комм.», 16 V 1934 г., Лыгин). Кстати, нужно отметить, что язык этих газет вообще оставляет желать много лучшего, в особенности язык газеты «Сталинец» (чего стоят

такие выражения, как «к 28 августа *засилосовать план силоса»*, 26 VIII 1934, Зоркий; «Круглосуточная молотьба не организована, хотя *есть риги, керосин и колхозники»*, 29 VIII 1934, Mареев и т. п.). Местные газеты из-за неряшливости работы редакций зачастую играют отрицательную роль в словотворчестве колхозников, засоряя их речь уродливыми образованиями.

Характерной особенностью семантических отклонений является их неустойчивость и недолговечность (ср. исчезновение из языка колхозников д. Селино неправильного понимания слова «норма выработки», также выражения «бороться за потерю урожайности»). То же можно сказать и о фонетико-морфологических искажениях, хотя они по сравнению с семантическими отклонениями держатся устойчивее. Искажения литературных слов, создания уродливых терминов уже не являются специфической особенностью речи колхозника. Если в старой деревне такие искажения были часты, то это обусловливалось наличием противопоставления местного говора литературному языку, теперь же такого противопоставления не имеется, в силу чего отклонения происходят лишь по причине недостаточно высокого культурного уровня известной части колхозников; с ростом культурности деревни все больше и больше будет суживаться база для этих отклонений.

Процесс образования отглагольно-именных слов

Одной из особенностей языка крестьянства старой деревни является широкое употребление описательных оборотов, в сельскохозяйственной лексике — наличие множества глагольных терминов, которые в речи зачастую заменяли имена. Описательность сельскохозяйственных терминов соответствовала производственному мышлению крестьянина: производственные процессы как бы заслоняли собой самого работника, давили на него своею непосредственной конкретностью, не давая материала для широких обобщений. Крестьянин находился в плену у своего хозяйства. Так, в д. Селино было слово *скородить*, но отсутствовало *скородильщик, полоть*, соответственно *полольщик, лешить — лешильщик, веять — веяльщик*, даже *пахать — пахарь* и т. д. Еще большее распространение имели глагольные термины в обозначении производственных процессов. После коллективизации здесь наблюдается невиданная до сих пор картина: идет массовое

образование отглагольно-именных терминов, которые употребляются в первую очередь более грамотным слоем населения, потом переходят в речь и остальных колхозников. Подчас вновь образованные отглагольно-именные слова уродливы и неудобоваримы, но потребность в именном обозначении так велика, что они все же осваиваются широкими кругами колхозников. Приводим примеры отглагольно-именных терминов, раньше не известных в местном языке: *обработка* («*Обработка* была плохая», 1934 г. Г. Т.), *взмет пара* («*Взмет пара* начали с опозданием», 1934, И. И. К), *остано́в* 'остановка' («За *останов* машины штраф полагается», 1934, Е. Е.), *развоз* 'развозка' («Его послали на *развоз* соломы, 1934, А. С.), *выборка* («*Выборку* картофеля в дождь пришлось делать», 1934, И. И. К.), *лежка* («Начислим за *лежку* льна трудодни и дело с концом», 1934, А. Сент.), *покрышка* 'покрывание соломенной крыши' («*Покрышка* дней пять протянется», 1934, А. С.), *полка*, *прополка* («Прополка у нас хорошо прошла», 1934, С. М.), *пропашка* 'окучивание' («Провели мы и *пропашку*», 1934 г., И. И. К.). Широкое распространение получают отглагольные имена с окончанием на -ание и -ение: *протравливание* («Протравливание семян в плане намечено», 1934, И. И. К.), *боронова́ние* («Вторая бригада *боронование* затягивает», 1934, Е. Е.), *подпахивание* («Лошади заняты на *подпахивании* картофеля», 1934, Д. К.), *окучивание* («Она на *окучивании* огорода работала», 1934, И. И. К). В речи счетовода И. И. К. наблюдались чрезвычайно громоздкие слова, которые им употреблялись и на собрании колхоза, и в частных разговорах: *копне́ние* (!) («*копнение* прошло в хорошую погоду»), *сортирование* («Осенью проведем *сортирование* ярового зерна»), *троение* (!) («Под картофель мы проводим *троение*»), *сучение* (!) («На *сучение* весел женщин поставили») и др. Отглагольные имена, обозначающие работников, выполняющих то или иное производственное задание, уже приводились выше. В дополнение укажем еще на вновь появившиеся *пахарь*, *ве́яльщик*, *ве́яльщица* («*Веяльщицы* на работу посланы», 1934, И. И. К.), *гоня́льщица* («От барабана рожь гоняют *гоняльщицы*», 1934, М. Скворцов), *боронова́льщик* («*Бороновальщики* сели покурить, да и заснули», 1934, Д. С.), *сеяльщик* (раньше были только *севец* и *рассевщик*. «На средний клин назначали десять *сеяльщиков*», И. И. К.) *поло́льщица* («Эй, *поло́льщицы*, вы что же это овес-то выдергиваете», 1934, П. Ф. Казеннов), *молотильщица* («*Молотильщицы* попались веселые, а то бы за ночь я раз десять заснул», 1934, А. Сент.; раньше существовало слово *молоти́льщик*, обозначавшее владельца конной молотилки, который обычно стоял у барабана, и его помощника, осталь-

ные же участники молотьбы не имели именного обозначения их производственной функции). Насколько охотно заменяются глагольные термины отглагольными именами, можно видеть из того, что они иногда употребляются даже и в том случае, когда в них вовсе нет никакой необходимости: *жатка* 'сжатая пшеница или рожь' («Надо сегодня *жатку* перевозить», 1934, Д. С.), *кошонка* 'скошенная трава' («За утро еще кошонки подвалили», 1934, К. Т.), *свезенка* 'солома' («Ишь сколько навалили *свезенки*», 1934, К. Т.) и др.

Факт широкого распространения отглагольных имен, заменяющих глагольные обороты, неоднократно отмечался как одна из особенностей и современного литературного языка. «В одной из разновидностей современного русского литературного языка», — писал А. М. Пешковский, — в языке нехудожественной (или мало художественной) прозы наблюдается, вопреки Потебне, несомненный *отход* глагола в сторону отглагольного существительного».[1] А. М. Пешковский дает резко отрицательную оценку этому явлению: «Отглагольное существительное всегда оказывается худосочным потугом на книжность, результатом стремления «образованность показать» (конечно, в первоисточнике, сейчас это уже шаблон, употребляемый бессознательно, и большею частью даже канонизированный в юридическом языке), чем-то запутанным, бледным, вялым».[2] Близко к этой оценке стоит и Г. Винокур: «На конструкции с отглагольными существительными, получившими очень широкое распространение в современной письменной речи, не раз указывали как на образчик стилистической дефектности. И в самом деле, в общем случае представляется бесспорным, что употребление отглагольно-именной конструкции там, где возможна нормальная глагольная, делает выражение более «худосочным», «вялым», «книжным», т. е. сообщает ему все те характеристики, которые применяются нами обычно по отношению к продуктам канцелярского стиля».[3] Г. Винокур устанавливает две категории глагольных имен: имена типа *играние* и *смотрение* и имена типа *игра*, *смотр*, также *значение* или *содержание*. «Упреки в стилистической дефектности . . . могут относиться только к именам первой категории, поскольку они исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным отличием эти глагольные качества все же сохраняют».[4] По мнению Г. Винокура,

---

[1] Глагольность как выразительное средство. Сб. статей, Л., 1925, стр. 142.

[2] Там же, стр. 142.

[3] Культура языка, М., 1929, изд. 2-е, стр. 49.

[4] Там же, стр. 66.

единственным выходом из положения может быть замена «дефектных» глагольных имен именами 2-го типа или вообще чисто субстантивными терминами.[1]

Несомненно, распространение отглагольных имен в живой речи колхозников является одной из сторон общего процесса создания этих имен, следовательно оно стоит в тесной связи с их бытованием в письменном языке. В местной районной печати отглагольные имена употребляются весьма широко. Приводим данные по газете «Коммунар» Тульского района: *прополка* («начата *прополка*», 16 V 1934 г., Климов), *двойка* («Сейчас бригады переключились на *двойку* земли под картофель», 27 IV 1934), *подкорм* («Проводим усиленный *подкорм* лошадей», 4 V 1934 г.), *кормежка* (Мы усилили *кормежку* лошадей» 4 V 1934 г.), *отставание* («Колхозники стали намечать практические меры, чтобы быстро ликвидировать *отставание*», 4 V 1934), *посадка* («началась *посадка* картофеля», 5 V 1934), *приладка* («Этот день был неудачным: приходилось много времени тратить на *приладку* сох», 9 V 1934 г., Н. Томилин), *выпахивание* («При *выпахивании* картофеля глубина вспашки должна быть такой, чтобы не было поврежденных клубней». План колхоза им. Толстого, 9 VI 1934), *стогование* («При *стоговании* сено должно быть уложено таким образом, чтобы дождевая вода не заходила внутрь стога», 9 VI 1934, План колхоза им. Толстого), *пересушиванье* («Нельзя допускать *пересушивания* травы и потери листьев и цветов», там же), *стогометание* («Освобожденные от работы ручным способом косцы переключаются на возку сена, *стогометание* и частично копнение», там же), *копнение* («Для остальных работ приняты следующие нормы: на конных граблях — 6 га, косьба ручным способом — 0.35 га, сушка и *копнение* — 0.25 га», там же), *ворошение* («Это обеспечивает проведение работ по *ворошению* и копнению на скошенных площадях», там же) и т. д. То же самое наблюдается и в газете «Сталинец»: *вымокание* 'вымочка' 10 VIII 1934, агр. Веремчук), *двойка* («Пар... после *двойки* не бороновался», Смирнов и Веремчук, 21 VIII 1934) и т. д. В стилистическом отношении эти термины в ряде случаев представляют большое неудобство, придавая речи налет «канцелярского стиля», в чем нельзя не согласиться с мнением приведенных выше авторов. Но между условиями образования отглагольных имен в литературном языке, которые отмечались в литературе, и отглагольно-именных терминов, распространяющихся сейчас в колхозной речи, имеется, помимо общности, и существенная разница. Прежде всего, нельзя и сравнивать

[1] Культура языка, стр. 66.

распространение описанных оборотов, предшествующее росту отглагольных имен, в литературном языке и в местных крестьянских говорах: в последних оно было несравненно шире и глубже, чем в литературе, поэтому в процессе перестройки крестьянской речи, сближении ее с литературным языком, так бурно начавшемся после коллективизации, сразу же создалась очень большая потребность в недостающих именных терминах. Новая организация труда, отчетность и план, расчеты с колхозниками — все это потребовало создание точных терминов взамен описательных оборотов. Выше были приведены термины из плана колхоза им. Толстого (газ. «Коммунар»).

Г. Винокур правильно замечает, что глагольные термины в плане, как правило, не могут употребляться.[1] Поскольку именное слово становится именно на место глагольного, то естественно, что по своей функции оно образуется от глагола. Как ни уродливы слова *копнение*, *троение*, *сучение*, но заменить их пока нечем, так как в местном языке (да и в агролитературном) до сих пор не было создано именных эквивалентов в обозначении производственных процессов, поскольку в этом не было и потребности. Существование подобных терминов необходимо в данном случае рассматривать не в стилистическом, а в терминологическом разрезе. В терминологическом отношении *копнение* — не продукт «канцелярщины», стремление «образованность показать», но совершенно необходимый элемент в обозначении новых производственных отношений. Если подобного рода термины все же создают громоздкость в речи, то такие отглагольно-именные образования, как *бороновальщик*, *веяльщик*, *полольщица* и т. п., должно только лишь приветствовать. В целом, процесс образования отглагольных имен в колхозной речи должен расцениваться как весьма прогрессивное явление, направленное против примитивности, описательности языка старой деревни, стоящее в ряду с разрушением обособленности видовых понятий и приближением местной сельскохозяйственной терминологии к научному языку. Что же касается громоздких терминов типа *копнение*, то их распространение не дает права отрицательно оценивать процесс образования отглагольных имен в целом, пока практическая ценность этих громоздких слов покрывает их стилистический недочет. В дальнейшем же они должны или заменяться более удобными словами, или сглаживать смысловую свою противоречивость путем потери живо ощущаемой глагольности.

[1] Культура языка, стр. 73.

Проблема упорядочения сельскохозяйственной терминологии

Как вывод из всех теоретических построений настоящего исследования встает проблема упорядочения сельскохозяйственной терминологии — важная практическая задача языкового строительства. Понятно, что здесь можно наметить лишь вехи, поскольку работа по упорядочению этой отрасли лексики никем еще не проводилась, следовательно, у нас пока нет никакого опыта в этом отношении; более того, не имеется даже простых описаний словотворчества современной деревни, хотя бы словарей, фиксации вновь создаваемых слов (в силу чего автору пришлось ограничиться освещением лишь некоторых сторон изменения словаря колхозников). Правда, вопросом упорядочения технической терминологии в нашей промышленности уже занимается ряд специалистов, и их опыт необходимо использовать, но механически перенести его в область сельскохозяйственной лексики совершенно невозможно в виду значительной разницы между состоянием индустриальной терминологии и сельскохозяйственной. Сельскохозяйственная лексика по характеру своих типов, соответственно слоев, образовавшихся в различные исторические эпохи, не говоря уже о территориальном распределении, несравненно разношерстнее и хаотичнее, чем индустриальная. Д. С. Лотте правильно отмечает, что «хаотическое состояние нашей технической терминологии в известной степени объясняется техническо-индустриальной отсталостью нашей страны в прошлом».[1] Что же тогда можно сказать о техническом уровне сельского хозяйства в дореволюционной деревне?

Но основное различие между индустриальной и сельскохозяйственной лексикой заключается в том, что в последней мы имеем собственно два языка: язык литературный (агрономический) и местный (диалекты, областные и местные говоры). В предшествующих главах было показано, что терминотворчество современной деревни круто повернуло в сторону сближения с литературным (агрономическим) языком, сглаживания местных особенностей. Новые слова в речи колхозников в подавляющем своем большинстве — или старые литературные слова (которые в ряде случаев переосмысляются), или термины, созданные в рамках литературной нормы. Но в языке колхозников остается еще огромная масса местных терминов, перешедших в их речь из языка старой деревни, вместе со многими предметами сельскохозяйственного производства. Во втором разделе настоя-

---

[1] Упорядочение технической терминологии, стр. 144.

щего исследования было достаточно наглядно показано, насколько мощны терминологические толщи, разрозненные по территориальному признаку. В особенности это относится, как то выяснилось, к обозначениям второстепенных предметов и производственных процессов. Как быть с этим тяжелым наследием? Отбросить его совсем, оставив для любителей языковедов, которые занимаются теоретическими проблемами вне всякой увязки их с практическими задачами нашего строительства, и заняться упорядочением лишь агрономической лексики? Такая постановка вопроса была бы узко деляческой, кабинетной, игнорирующей язык широчайших масс колхозников. «Правда» подняла вопрос о чистоте языка наших газет. Но речь идет, конечно, не только о газетах, так это и поняли читатели, которые в письмах обращают внимание и на другие области печатного и даже устного слова» («Правда», 30 XII 1934). Всесоюзный съезд писателей привлек внимание советской общественности к вопросам борьбы за чистоту художественной речи, ясность и точность литературного языка. Как требования, сформулированные «Правдой» в отношении газетного языка, так и требования, которые выдвинул М. Горький по отношению к художественной речи, должны быть предъявлены и к производственной терминологии, в частности, сельскохозяйственной лексике. Главное же в этих требованиях — понятность, точность языка, доступность его широчайшим массам трудящихся. «Наше печатное слово — не товар. Советская газета, которая отгородилась бы от читателя, замкнулась бы в своей среде работников-профессионалов, растеряет очень скоро все связи с рабочей массой и неизбежно превратится в бюрократическое учреждение с неизбежным канцелярским языком, сухим безжизненным, уродливым, засоренным. А это значило бы, что газета сдает классовые позиции, завоеванные пролетариатом. Она не умеет говорить с массами тем языком, которого требовал Ленин от всякого пролетарского агитатора и пропагандиста,—языком ясным, понятным рабочим и крестьянам»(Правда», 30 XII 1934). Невнимание к местной сельскохозяйственной терминологии привело к созданию кабинетных, непонятных широким массам, слов, продуктов не коллективного, а индивидуального творчества. Язык создается не в ученых кабинетах, не по произволу индивидуума, а лишь в лаборатории широкой общественности. Слово лишь тогда получает свое утверждение, когда оно является социально общим и выражает определенную социальную ценность, по выражению Н. Я. Марра, общественную стоимость. Произвольное изобретение сельскохозяйственных терминов, если бы оно было каким-либо образом санкционировано, привело бы еще к большей раздробленности, еще большему разобщению, так как изо-

бретенные слова не прививались бы в языке широких масс. Теоретик может помочь сглаживанию местных лексических особенностей, изживанию терминологической раздробленности не тем, что он отбросит историческое наследие сельскохозяйственной лексики колхозников, а, как раз наоборот, подвергнет его тщательному изучению. Тем более, что известная часть и новых слов, появляющихся в колхозах вместе с сельскохозяйственными машинами и новыми производственными отношениями, расходится по территориальному признаку. Так, некоторые детали в молотилке в д. Селино обозначаются совершенно по-другому, чем в Староладожском сельсовете. *Остов* 'деревянный остов конного привода' (д. Селино, 1934, Е. Е.),— *станок* (д. Позем, Коноплев-сын); *лахань* 'большая верхняя шестерня' — *большая зубчатка; ось* 'круглый металлический стержень, на который надет барабан'— *вал; машина* 'конный привод' — *привод*; *клевцы с палубой* 'зубья, прикрепленные к нижней или верхней палубе барабана' — *гребёнка*; *боковая шестерня, баклуша* 'маленькая верхняя шестерня в конном приводе', *кособубка, коноводка, коническая шестерня* — *шестерни, маленькие шестерни; рак,* иначе *лягушка* 'металлическая накладка поверх шестерен (непосредственно над баклушей)' — *накладка* и т. п. То же и в названиях деталей веялки: *óстов* 'деревянный остов веялки' — *станина, крылья* — *крыльчатка, ящик* 'ящик для засыпки зерна' — *кузов, сита* — *решета, кузов* 'ящик сбоку веялки, через который идет мусор и мелкое зерно' — *лоток* и др. Такой же разнобой и в названиях деталей конных граблей, сеялки и других сельскохозяйственных машин, появившихся в обследованных деревнях после коллективизации. Если в названиях сельскохозяйственных машин существуют различия по каждой местности, то тем более наличествует различие в этих названиях между литературным и местным языками. По Староладожскому сельсовету агроном Рыжов сообщил следующие данные: литературное *нож* (часть плуга), употребляется колхозниками — *ножик, американский хомутик* (часть плуга) — *скобка, полевая доска* (часть плуга) — *полозок, регулятор ширины* и *глубины вспашки* — *гребенка, нож* (часть сенокосилки и жатки) — *пила, сита* — *решета* (в литературном *решето* 'грохот'). Название частей сенокосилки в д. Позем: *коса* 'нож для скашивания сена' (литературное *нож*), *колесико* (литературное *храповое колесо*), *прутья* (литературное *пальцы*) и др. В д. Селино *подымающий рóчаг* (часть конных граблей) — литературное *коленчатый рычаг, колодка* — *брусок* и т. д. Подобного рода примеры можно было бы продолжить до бесконечности. Следовательно, расхождения в названиях современных сельскохозяйственных машин и орудий, если мы берем живой язык миллионов кол-

хозников, еще очень велики. Можно было бы игнорировать (да и это не имеет оправдания) местные особенности в обозначении второстепенных предметов, не играющих важной роли в колхозном хозяйстве, но разнобой в назывании основных орудий труда нельзя просто обойти, не включив его в работу по упорядочению сельскохозяйственной терминологии как одну из основных проблем. Конечно, в будущем местные особенности так или иначе сгладятся окончательно, и колхозная лексика будет совпадать с литературной, но это время придет не так скоро, тем более, если местное терминотворчество будет предоставлено самому себе. Насущные же потребности настоящего времени требуют теоретического (следовательно и практического) разрешения проблем взаимоотношений местной терминологии с литературной, тем более, что широкое распространение литературных слов в современной деревне не есть процесс пассивного усвоения колхозниками этих терминов, какое-то «навязывание сверху». Колхозники творчески используют литературную лексику, подчас обогащая ее в семантическом, resp., социальном отношении. Сближение местной терминологии с литературной не проходит бесследно для последней: в процессе их взаимоотношений происходит обогащение литературного языка за счет наиболее ценных местных слов. Сейчас пока трудно учесть, какие именно слова местного происхождения получили после коллективизации «права литературного гражданства». Рост материальной и технической культуры сельского хозяйства создает новые понятия, соответственно новые термины, причем в части производственных отношений, организации труда этот рост характеризуется особенностями, впервые появляющимися в истории, и только в нашей стране. Естественно, что зачастую для вновь создаваемых понятий не имеется соответствующих терминов ни в нашей, ни (тем более) заграничной агрономической литературе. Откуда брать эти термины? Из какой лаборатории? Лаборатория массового колхозного терминотворчества, — вот один из основных источников для пополнения недостающих названий. Но этим дело не ограничивается. В общелитературные слова выдвигаются не только вновь создаваемые местные термины, но и старые, более удобные и ценные, чем их литературные (агрономические) эквиваленты. В целях способствования продвижению местных, социально ценных слов необходимо просмотреть агрономические термины: все ли они имеют право литературного гражданства? Дальнейшие обследования изменений в колхозной сельскохозяйственной лексике конкретно выяснят, какие группы местных слов выходят за узкоограниченные в территориальном отношении рамки и получают широкое распространение во всех уголках нашей страны. В предыдущей главе

указывалось на быстрый рост отглагольно-именных терминов, вызванный необходимостью обозначать вновь создаваемые понятия. Многие из этих терминов чрезвычайно громоздки и в стилистическом отношении могут засорить литературный язык, в силу чего они должны быть заменены другими. Какими? Соответствующих названий в литературном языке нет. Лингвистически ценные замены могут быть найдены лишь в живой массовой речи. Можно быть уверенным, что новые явления по различным районам получили множество обозначений, и не все эти обозначения стилистически непригодны. Путем организованного отбора и введения в литературу ценных и в смысловом и в стилистическом отношении местных терминов можно было бы заполнить данный пробел в именном обозначении различных производственных процессов. Разрешение такой задачи (как и всех других проблем упорядочения сельскохозяйственной терминологии) требует широкой организации сбора материала во всех районах нашей страны, создания для этого необходимого научного аппарата с привлечением заинтересованных хозяйственных и общественных организаций и, наконец, издания полного словаря по данной отрасли лексики с особым учетом терминотворчества последних лет. Иначе, конечно, не может быть и речи о какой-либо плодотворной работе по упорядочению сельскохозяйственных терминов. Начинания отдельных исследователей, тем более практических работников, не связанных между собою единой программой действия, неизбежно будут носить на себе печать кустарщины. Но какие критерии ценности нужно избрать в определении пригодности или непригодности того или иного термина? Без соответствующей предварительной работы по сбору и анализу материала в широких масштабах вряд ли можно выдвигать конкретные, узкопрактические предложения. Совершенно недостаточна и теоретическая база. Нет даже более или менее удовлетворительного определения различий между термином и словом вообще. «Спросите лучшего представителя господствующего у нас формального учения, что такое «термин» и чем отличается он от просто слова. В лучшем случае получите ответ: «термин — то же, что слово, но в применении к определенным предметам».[1] Основное внимание должно быть уделено выявлению и анализу различных типов терминов как по семантической, так и морфологической структуре, соответственно условиям образования данных типов, стадиям развития языка и мышления, на основе этого взаимоотношения между литературным языком и местной, живой речью миллионов колхозников. Не должны быть упущены и промежу-

---

[1] Н. Я. Марр, Предисловие к статье Лотте «Упорядочение технической терминологии», СОРЕН, вып. 3, 1932, стр. 140.

точные звенья в этих взаимоотношениях, в частности, местная печать, которая является очень важным фактором в распространении агролитературных терминов на местах, также и одним из путей проникновения местных слов в литературу. Более того, местная печать в ряде случаев — рассадник новых, образующихся вместе с ростом агротехники и производственных отношений, слов. Так, термин *хозяйка тока* в Дубенском р-не стал известен широким массам колхозников через местную газету «Сталинец», в Тульском районе — через «Коммунар»; то же новообразование: *пропуск* («Мы устанавливаем косьбу без *пропусков*», «Комм.» 9 VI 1934), тогда как в местном крестьянском языке были «*огривок*» 'пропуск в косьбе', *рабочий конь* («Затем начинается выдача *рабочих коней*, прикрепленных к колхозникам», «Комм.», 1/I 1934; существование такого термина два-три года тому назад было бы немыслимо, так как в местном языке старой деревни было ясное семантическое отличие между словами *конь* и *лошадь*: *конь* обозначало нерабочую, верховую лошадь, лошадь для выездов и торжественных моментов, *лошадь* — рабочая крестьянская лошадь, появление же термина *рабочий конь* идет в разрез старому семантическому различию, нарушает его), *молотильный сарай* («Построить *молотильный сарай* в 15 дней, т. е. к двадцатому июня», «Комм.», 9 VI 1934; раньше употреблялось только *гумно* или *гувно; молотильный сарай* 'большой колхозный сарай', *гумно* остается, главным образом, для обозначения сарая единоличного хозяйства) и др. Приведенные термины широко употребляются в живой речи местных колхозников.

Зачастую местная печать играет и отрицательную роль, закрепляя диалектизмы, которые не имеют никаких шансов на широкое распространение и являются терминологическим браком: *машинист* 'молотильщик' («качество работы *машиниста* не учитывается», «Стал.», 29 VIII 1934, Веаним; *машинист* образовалось здесь в то время, когда конная молотилка в деревне являлась чуть ли не единственной машиной, известной крестьянам), *скородить* («Лето прошлого года, не сделав ни одного прогула, т. Савинова пахала, *скородила*, вязала снопы», «Комм.», 26 V 1934, ред.), *заскородить* («Поднятый пар *незаскорожен* на 50 проц.» «Стал.», 27 VIII 1934, колхозник), *сошники* вместо *лемехи* («Плуга не налажены, *сошники* не отвострены и работать этими плугами толка никакого не будет», «Стал.», 27 VIII 1934; колхозник; «пахари А. Королев, Е. Герасимов и А. Чураков просидели час без дела лишь потому, что с вечера не были отточены *сошники* плугов», «Комм.» 22 V 1934. В. Александрова. П. Волостнов), *сосун* вместо *жеребенок* («В нынешнем году оставлено дополнительно 7 по-

родистых *сосунов*», «Стал.», 26 VIII 1934, Гоморов), *колдабаина* 'канава' («колхозница Зуева поленилась объехать *колдабаину*, не доезжая тока перекувырнула (!) воз с овсом», «Стал.», 21 VII 1934, Смирнов и Веремчук), *одонъ* вм. *скирд* («Стал.», 14 VIII 1934), *стряк* 'рубеж' («В колхозе им. Буденного скошенный овес метров на 500 *на стряку* свален на дорогу», «Стал.», 14 VIII 1934, Гоморов), *травокоска*, *косилка* вместо *сенокосилка* («Начат ремонт *травокосок*», «Комм»., 16 V 1934, ред.; «приступили к ремонту уборочного инвентаря — *косилок* и жаток», «Комм.», 23 V 1934, Кочетков, Нефедов) и т. д. В данном случае местная печать протаскивает диалектизмы, которые уже выходят из употребления широких масс и удерживаются, главным образом, в среде культурно-отсталых колхозников, что совершенно недопустимо.

В плане определения различных типов терминов, их социально-производственной ценности, должно пойти теоретическое обоснование упорядочения и самой агролитературной лексики, в которой во многих отношениях господствует не меньший, если не больший, хаос, чем в индустриальной терминологии. Для подтверждения этого положения достаточно сослаться хотя бы на тот факт, что «бесконечное количество различных плугов можно классифицировать по различным признакам»,[1] причем и до сих пор не выработано какой-либо общей классификации. «При огромном разнообразии в конструкции плугов, которые исчисляются сотнями, заводы были вынуждены установить специальные плужные марки, позволяющие назвать данный плуг коротко и точно при помощи немногих букв и цифр».[2] Вряд ли можно считать выходом из положения, тем более для разговорной речи, установление для различных плугов заводских марок, которые построены по самым различным признакам, тем более, что марки эти, как правило, чрезвычайно «секретны» и требуют для своей расшифровки специальных инструкций (например, марка брянского завода — «В5П8, висячий, предельной глубины 5 дм, тип рабочей поверхности полувинтовой и нормальный, ширина захвата 8 дм»).[3] О распространении заводских марок в том виде, в каком они сейчас существуют, как употребляемых в массовом языке терминов, не может быть и речи. Аналогичное положение мы находим и в ряде других отраслей агрономической терминологии. Необходимо также заметить, что при теоретической разработке упорядочения агрономической терминологии, как и при анализе местной сельскохозяйственной лексики, без поста-

[1] Техн. энцикл., т. XVI, 1932, стр. 765.
[2] Там же, стр. 784.
[3] Там же, стр. 784.

новки проблемы стадиальности, соответственно развитию языка и мышления, невозможно избежать опасности формализма, голого внешнего описательства. Только лишь в едином плане теоретических установок можно правильно разрешить проблему взаимоотношений обеих частей сельскохозяйственной терминологии, тем более, что агрономическая лексика корнями своими упирается в народный язык, откуда она и выкристаллизовывалась, затем все более и более отдалялась наукой господствующих классов от языка широких крестьянских масс. Коллективизация резко усилила наметившиеся в эпоху капитализма тенденции схождения. Коллективный строй произвел переворот как в экономике общественных отношений, так и в сознании, соответственно (в данном случае) лексике крестьянства. Широкое распространение литературных слов разрушает местные особенности, территориальную раздробленность сельскохозяйственной терминологии. Да и те местные образования, о которых шла речь выше, уже имеют совершенно другой характер, чем местные образования предыдущих эпох — они ни в какой мере не связаны со старыми говорами и диалектами. Об этом достаточно четко говорят чисто местные образования различных пунктов, принадлежащих к различным диалектам. Так, в д. Трусово в 1932 г. появилось новое сельскохозяйственное орудие — маркер, которое служит для наметки борозд в полевом огороде. Колхозники назвали его *пятипáлочник* (а многие даже не могли дать терминологического обозначения, называя это орудие чисто описательно: «тот, который с пятью пальцами», «для наездки борозд» и т. д.). В д. Ахматова Гора колхозники назвали маркер *наезжателем*, в д. Позем — *бороздник*, *пятерник*. В 1933 г. маркер завели и колхозники д. Селино № 2 (колхоз «Дружба»), назвав его, так же как и в д. Ахматова Гора, *наезжателем* (в 1934 г. было в употреблении уже литературное *маркер*), тогда как под Тулою автор слышал от огородников пригорода Мясново термин *пятипалочник*. Дер. Ахматова Гора находится по соседству с д. Трусово, так же как и д. Селино, недалеко от Тулы, но местные обозначения одного и того же орудия совпали в отдельных пунктах, к тому же принадлежащих разным диалектам (Ахматова Гора — северно-великорусское наречие, д. Селино — южно-великорусское) и разошлись в пунктах, находящихся по соседству друг с другом. *Сотни льна.* В д. Селино в единоличном хозяйстве лен в поле считался по *бабкам* (10 снопов), теперь же все колхозницы, даже неграмотные, считают на *сотни*, так как счет по бабкам стал неудобен (колхозный льняной участок по своей площади стал несравненно большим, чем в единоличном хозяйстве, в силу чего «бабка» оказалась слишком мелкой, поэтому и неудобной, единицей измерения). В единоличных хозяй-

ствах дд. Извоз и Позем лен в 1933 г. считался по *бабкам* и *кучкам*, тогда как в колхозах этих деревень, так же как и в д. Селино, но без какого-либо «посредничества» литературы, возник термин *сотня льна*. В д. Трусово до коллективизации существовал термин (пережиточно он сохраняется и посейчас) *проезжать картошку* 'окучивать картофель', в д. Селино — *перепахывать картошку*. Вновь образованные термины и там и здесь совпали в одном: *опахивать картошку* (в 1934 г. в д. Селино колхозный актив начал употреблять литературное *окучивать*). Число примеров можно было бы увеличить. Совершенно ясно, что новые термины, создающиеся на местах, хотя и не совпадают зачастую с литературными, но в основе своего образования имеют литературную основу, тем самым порывая всякую связь с чисто местными лексическими особенностями. Они могут образовываться в самых различных пунктах, не считаясь с какими-либо диалектическими границами. Это относится не только к терминам, которые возникли независимо друг от друга в разных диалектах или в разных говорах, но и к терминам, употребляющимся только лишь в одной местности, одним словом, к терминотворчеству колхозной деревни в целом. Диалектические различия в словаре теперь актуальны лишь для ряда лексических особенностей, образовавшихся в старой деревне. Если местный терминологический разнобой далеко еще не изжит и в современном словотворчестве, то этот разнобой не создает уже более или менее устойчивых территориальных различий, следовательно устранение его должно пойти несравненно быстрее и успешнее. Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания. Это отмирание является результатом колоссальнейших сдвигов и в экономике, и в общественных отношениях, и в сознании миллионов трудящихся, долгие столетия бывших отброшенными эксплоататорскими классами от достижений культуры; оно также свидетельствует о том, что только пролетариат может ликвидировать языковую раздробленность, которая является помехой в построении культуры социалистического общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будде, Е. — Об источниках изучения народных говоров и о диалектологических картах, РФВ, 1905, № 4.
2. —— К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского у. Орловской губ., ИОРЯС, кн. 4, 1905.
3. Винокур, Г. — Культура языка, М., 1929, изд. 2-е.
4. Волоцкой, В. Сборник материалов для изучения ростовского (ярославской губернии) говора, Сб. ОРЯС, т. 72, 1902, № 3.
5. Гринкова, Н. П. — Очерки по русской диалектологии, ИОРЯС, XXX, 1925; XXXI, 1926; т. II, кн. 1, 1929.
6. Даль, В. И. — О наречиях русского языка, М., 1863.
7. Дурново, Н. Н., Соколов, Н. Н. и Ушаков Д. Н. — Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, СПб., 1910.
8. Дурново, Н. Н. Описание говора д. Парфенок Рузского у. Московской губ., РФВ, 1903, № 3—4.
9. —— Диалектологические разыскания в области русских говоров, ч. I, М., 1917.
10. Еремин, С. А. — Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям, Л. 1926.
11. —— Программа по собиранию названий животных.
12. Зеленин, Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задне-небных согласных, СПб., 1913
13. —— Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908.
14. Иванов, А. И. и Якубинский, Л. Я. — Очерки по языку, Л. — М., 1932.
15. Каринский, Н. М. — Очерки из области русской диалектологии. Уч. зап. РАНИОН, т. IV.
16. —— О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа, РФВ, 1898, № 3.
17. Карский, Е. Ф. — Русская диалектология, Л., 1924.
18. Колосов, М. — Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия, Сб. ОРЯС, т. XVII, 1877.
19. Копорский, С. А. — О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда, Ярославской губернии (материалы и наблюдения), Ярославль, 1929.
20. Леви-Брюль. — Первобытное мышление, М., 1930, изд. Атеист.
21. Ленин В. И. Сочинения, т. I, изд. 3-е.
22. —— Развитие капитализма в России, М. — Л., 1931.
23. Лотте, Д. С. — Очередные задачи технической терминологии, Изд. ООН Акад. Наук СССР, 1931, № 7.
24. —— Упорядочение технической терминологии, СОРЕН, вып. III, М., 1932.
25. Марр, Н. Я. — Послесловие к т. III «Яфетического сборника».
26. —— К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова, ВКА. кн. XVI.
27. Марр, Н. Я. — К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем, Изв. ГАИМК, т. VII, 1931, вып. 7—8.
28. —— Стадия мышления при возникновении глагола быть, ДАН, 1930.
29. —— Язык и современность. Изв. ГАИМК, вып. 60.
30. —— Язык и мышление, СОЦЭКГИЗ, М. — Л., 1931.
31. —— Абхазоведение и абхазы, ВС, т. I, 1926.
32. —— Яфетические языки. Избр. раб., т. I, 1933.
33. —— Яфетические зори на украинском хуторе, Ученые записки Инст. нар. Вост. т. I. М., 1930.
34. —— Яфетическая теория. Баку, 1928.
35. —— Скифский язык. Избр. раб., т. I.
36. —— К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, М. 1930.

37. —— Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925.
38. —— Маркс и проблемы языка, Изв. ГАИМК, вып. 82, 1934.
39. —— Предисловие к статье Лотте — «Упорядочение технической терминологии», СОРЕН, вып. 3, 1932.
40. Мещанинов, И. И. — Речь и мышление родового общества, ПИМК, 1933, № 5—6.
41. —— Язык и мышление в доклассовом обществе, ПИДО, № 9—10, 1934.
42. —— К вопросу о языковых стадиях, ИАН, 1931.
43. Обнорский, С. П. — Именное склонение в современном русском языке, ч. I, 1927; ч. II, Л., 1931.
44. Пешковский, А. М. — Глагольность, как выразительное средство, Сб. статей, Л., 1925.
45. Покровский, М. Н. — Русская история с древнейших времен, т. I, изд. 7-е.
46. —— Очерк истории русской культуры, ч. I, М.—Л., 1925.
47. Попов, В. — К определению типа русского наречия в верховьях Западной Двины, ИОРЯС, т. II, кн. I, 1929.
48. Потебня, А. А. — Этимологические этюды, РФВ, 1881, № 4.
49. Соболевский, А. И. — О русских говорах вообще и белорусских говорах в частности, Изв. АН, т. VII, кн. 3, 1902.
50. —— Заметка о вятском говоре, РФВ, 1906, № 1.
51. —— Опыт русской диалектологии, СПб., 1897.
52. Соколов, Н. Н. — Определение и обозначение границ русских говоров, ТМДК, вып. 1, 1908.
53. Срезневский, И. И. — Замечания о материалах для географии русского языка, Вестн. РГО, СПб., 1851.
54. Филин, Ф.—К вопросу о происхождении понятий измерения (термин «верста»), Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 371—379.
55. Чернышев, В. И. — Сведения о говорах тверского, клинского и московского уездов, Сб. ОРЯС, т. 75, 1904.
56. Черных, П. — Русский язык в Сибири, М. — Ирк., 1934.
57. Чистяков, В. Ф. — К лингвистическому атласу Кубанского округа, вып. 1, Тр. Куб. педагог. инст., т. I ч. IV, Краснодар, 1930.
58. Шахматов, А. А. — Курс истории русского языка (читан в СПб. ун-те, ч. II), литограф. изд.
59. Шайжин, Н. С. — Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении, Петрозаводск, 1907.
60. Энгельс, Ф. — Диалектика природы, Соцэкгиз, М.—Л., 1931.
61. Bach, A. — Deutsche Mundartforschung, ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben, Heidelberg, 1934.
62. Behaghel. — Schriftsprache und Mundart, Giessen, 1896.
63. Dauzat, A. — La géographie linguistique, Paris, 1922.
64. Fischer, H. — Geographie der schwäbischen Mundart, Tübingen, 1893.
65. Frings, Th. — Rheinische Sprachgeschichte, Essen, 1924.
66. Gamillscheg. — Die Sprachgeographie und ihre Ergebnisse für die allgemeine Sprachwissenschaft, Bielefeld und Leipzig, 1928.
67. Gillieron. — Les conséquences d' une collision lexicale et la latinisation des mots francais, P., 1921.
68. Horning. — Über Dialektgrenzen in Romanischen, Ztschr. f. rom. Philol., Bd. 17, 1893.
69. Jaberg, K. — Sprachgeographie, Aarau, 1908.
70. Jirlow, K. — Zur Terminologie der Flaxsbereitung in den germanischen Sprachen, Göteborg, 1926.
71. Yespersen, O. — Die Sprache, Hiedelberg, 1925.
72. Maurer, Fr. — Volkssprache, Erlangen, 1933.
73. Meringer и др. Редакционная статья в журнале «Wörter und Sachen», I.
74. Murko Matthias. — Zur Geschichte der Heugabel (slav. vidly), Wört. u. Sach., 1929.
75. Müller, Josef. — Rede des Volkes, Deutsche Volkskunde, Berl. u. Leipz., 1926.
76. Naumann. — Primitive Gemeinschaftskultur, Jena, 1921.
77. —— Über das sprachliche Verhältniss von Ober- zu Unterschicht, Jarb. f. Philol., 1925.
78. Schmidt, J. — Die Heimatverhältnisse der Indogermanen, Weimar, 1872.
79. Terracher. — L'Histoire des langues et la géographie linguistique, Oxford, 1929.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 8 руб.